

№7
1957

Семья
и школа

Мы будем танцевать
на фестивале!

Фотоэтиюд М. Муразова

ПРАЗДНИК МОЛОДОСТИ, МИРА И ДРУЖБЫ

Воскресенье, 28 июля 1957 года... В этот знаменательный день после грандиозного автошествия по улицам празднично украшенной Москвы над Центральным стадионом имени Ленина в торжественной тишине взойдет белый флаг фестиваля. Десятки тысяч голубей, крылатых вестников Мира, взмоют в голубое небо.

VI Всемирный фестиваль молодёжи и студентов за мир и дружбу будет объявлен открытым.

...С подъёмом и волнением ждут начала Международного праздника молодости миллионы юношей и девушек во всех странах, на всех континентах. Они глубоко верят, что фестиваль внесёт свой важный вклад в дело борьбы за мир.

Юность — замечательная пора в жизни человека, когда ум его особенно жадно тянется к познанию света, людей, овладению культурой, а сердце особенно чувствительно к красоте, ко всему благородному и человеческому. Вступая на самостоятельный путь, молодёжь жаждет взять всё лучшее от старших поколений, чтобы нести его в жизнь, чтобы уверенней бороться за мир на земле, за дружбу людей и народов, за своё и общее счастье. В подрастающих поколениях — великое будущее и надежда человечества.

Вот почему фестиваль с радостью встречают не только юноши и девушки, но и все простые и честные люди во всех частях света.

Богатая и многообразная программа предлагается участникам фестиваля. В Москве встретятся 30 тысяч молодых посланцев более чем из 100 стран. Каждый из них независимо от цвета своей кожи и национальности, убеждений и мировоззрения сможет показать свои таланты в избранной области искусства, своё мастерство в любимом виде спорта, высказать свои взгляды на диспутах и семинарах, обменяться опытом на встречах по профессиям, выразить свои заветные мечты в дружеских общениях. Фестиваль выльется в своеобразный смотр молодости мира — её дарований и сил, знаний и опыта, стремлений и чувств. В то же время он явится величественной демонстрацией готовности молодёжи всех народов, племён, наций к борьбе против войны, за мир, за дружбу.

Участники фестиваля будут желанными гостями Москвы. Они познакомятся с её достопримечательностями, узнают сердечное радушие и гостеприимство советских людей. И дело нашей чести сделать всё, чтобы молодые зарубежные гости не обманулись в своих ожиданиях.

Пусть тысячи и тысячи новых нитей дружбы свяжут сердце нашей Родины Москву с сердцами простых людей во всех уголках земного шара!

МЫ ОБСУЖДАЕМ:

КАК ПРЕТВОРИТЬ В ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ ИДЕИ МИРА, ДЕМОКРАТИИ, ДРУЖБЫ НАРОДОВ?

С таким вопросом редакция журнала «Семья и школа» обратилась к ряду писателей, педагогов, общественных деятелей разных стран. Наряду с этим редакция попросила рассказать о каком-либо ярком событии их детства, поделиться некоторыми мыслями о воспитании своих детей.

Ниже публикуются полученные отклики.

МОЛОДОМУ ПОКОЛЕНИЮ — СОКРОВИЩА КУЛЬТУРЫ

Вера Панова,
советская писательница

Вопрос, поставленный журналом «Семья и школа» на обсуждение, не может не волновать миллионы прогрессивных людей во всём мире. Ведь гуманистическое, подлинно демократическое воспитание — это прежде всего воспитание интернационализма, уважения к другим народам, нациям, расам.

Люди, заражённые ядом национальной исключительности, не понимающие и не желающие знать и по-

нимать другие народы, всегда вызывают во мне чувство протеста.

Своё раннее детство я провела в городе, населённом людьми разных национальностей, — в Ростове-на-Дону. Мы, русские, жили и учились здесь бок о бок с армянами, греками, евреями. Ни я, ни моя семья никогда не ощущали различий между людьми по их национальному признаку. Зато очень велико было у нас желание узнать как можно больше о быте, культуре других народов.

Вы спрашиваете, какое средство воспитания интернационализма является лучшим. На этот вопрос трудно ответить: таких средств много, все они хороши и необходимы. В воспитании нет мелочей, поэтому каждое средство «лучше», если только оно хоть чем-нибудь помогает достижению цели.

Но об одном из них мне бы хотелось напомнить. Дети должны как можно больше узнать о том вкладе, который внёс каждый народ в мировую культуру. Со страниц газет и журналов, по радио и телевидению, из книг и лекций, со сцены и

киноэкрана мы должны рассказывать детям о великих открытиях, изобретениях, подвигах, достижениях всех народов, всех наций. Пусть каждому ребёнку станут известны учёные, писатели, инженеры, путешественники разных стран, разных наречий — и те, чьё имя стало уже достоянием истории, и те, кто живёт в одно время с нами.

И тогда, мне думается, ему в голову не придёт относиться с предубеждением и неприязнью к человеку только за то, что он русский или китаец, француз или негр, американец или еврей.

Журнал «Семья и школа», как и все наши газеты и журналы, должен помочь родителям, школе в ознакомлении ребёнка с достижениями мировой культуры, а тем самым — ещё больше способствовать интернациональному воспитанию советских детей.

В. Панова

В ДРУЖБЕ — НАША СИЛА

Агнешка Маевская,
польская крестьянка

Уважаемая редакция, дорогие товарищи! Получила от вас письмо, за которое благодарю самым сердечным образом. В меру возможности хочу исполнить вашу просьбу.

Я — вдова, имею двух детей. Один сын ходит в школу во 2-й класс, а другой только начнёт учиться в этом году. Сын учится хорошо, приносит одни пятёрки. Связь со школой у нас налажена хорошо.

Мне хотелось бы так воспитать своих детей, чтобы они выросли хорошими гражданами, и дать им воз-

можность самим выбрать ту профессию, к которой у них больше склонностей и способностей. Но самое важное для счастья моих детей — это, чтобы сохранился мир, чтобы не было опять войны, чтобы дети мои не переживали всего того, что пережила я. Все матери отдали бы всё, чтобы обеспечить детям спокойное и ясное будущее; за это борются миллионы женщин во всём мире, и к ним я присоединяю свой голос.

Я придаю очень большое значение слову «дружба», подлинной дружбе между нашими народами. Если бы

не дружба советских людей, не было бы у нас свободной Польши. Можем ли мы забыть того советского солдата, который проливал кровь за нашу свободу! Ведь были и у него близкие: может быть, старые родители, может, жена, может, и маленькие дети, которые ждали возвращения отца, а он навсегда остался на нашей земле...

В ноябре 1953 года я побывала в вашей прекрасной стране, где увидела, что значит дружба народов. Больше всего мне дали личные встречи с простыми людьми в Москве, в Ленинграде, в Минске и всюду, где я только ни была... У нас нашлись люди, которым эта дружба не нравится, которые хотели бы вернуть старое зло. Это только единицы, и их мы сумеем убедить: в конце концов они поймут, что были неправы.

Теперь ещё несколько слов о себе.

Я родилась 19 декабря 1921 года в Кокоцке Хельменского повета (воеводство Быдгощ) в семье рабочего. Нас было четверо; так что родителям хватало с нами хлопот. Школа находилась в нашей же деревне. Власти нашей школой интересовались не особенно, ибо что там, в конце концов, нужно бедным детям? Бога-

тые дети ходили в городскую школу. Я с первого класса и до конца училась хорошо. Обещали послать меня учиться дальше, но бесплатное место было предоставлено дочке богача, которая ничего не знала. Денег же, чтобы учить меня, у моих родителей не было.

Я очень много читала с детства. Моей мечтой было — учиться на доктора, но это никоим образом не могло сбыться и так и не сбылось. Сразу же по окончании школы я начала работать за гроши у местных богачей, чтобы помогать родителям.

Мне очень хотелось увидеть когда-нибудь коммунистов. Но впервые увидела их, когда мне было пятнадцать лет. Они приехали из Быдгощи к нашим рабочим 1-го мая 1936 года. Встреча эта глубоко врезалась мне в память, всё, что там услышала, было для меня ново.

Потом — 1939 год и оккупация... Немцы убили моего отца... Несмотря на террор, люди в нашей деревне остались верными своей родине и не приняли немецкого гражданства. В январе 1945 года нас освободила Советская Армия. Этой первой встречи с советскими людьми я не забуду. Дело было ночью. Кругом ещё было полно немцев, но к нам

добрались советские разведчики. У них было трудное задание, которое мы помогли им выполнить. Мы прекрасно понимали друг друга, хотя они не умели говорить по-польски, а мы — по-русски.

Но и после освобождения мечты мои не сбылись, потому что моя мать и сестра во время оккупации потеряли здоровье и вся тяжесть содержания семьи пала на меня. Брат же и сестра пошли учиться. Я училась самостоятельно и сумела сдать экзамен за 7-й класс.

С 1949 года я крестьянскую. Кроме того, веду общественную работу в Обществе польско-советской дружбы, в местных советах и по партийной линии. С 1955 года являюсь членом сельскохозяйственного кооператива. Награждена серебряным крестом за заслуги перед родиной.

Дорогая редакция! Пользуюсь случаем передать через вас сердечные пожелания советским матерям, всем советским женщинам.

Свободная Агнieszka

МОЛОДЁЖЬ ЗНАЕТ, ЗА ЧТО БОРОТЬСЯ

Марин Иванов,
редактор болгарского журнала
«Семейство и училище»

Воспитание молодого поколения в духе великих идей мира и дружбы между народами особенно ярко проявляется у нас в стране в эти дни подготовки к VI Международному фестивалю молодёжи и студентов в Москве.

Подготовка к фестивалю развинулась у нас как большое движение молодёжи, отдающей все свои силы и способности на то, чтобы процветали болгаро-советская дружба, мир и согласие между народами, мирное сотрудничество и соревнование между ними.

Родители и учителя с восхищением говорят о творческом подъёме детей и молодёжи. Одна мать так выразилась: «Когда я гляжу на своего сына, как воодушевил его фестиваль и как внимательно слушает он, когда мы говорим о Советском Союзе, — я спокойна за его будущее. Я вижу воочию, что молодёжь знает, за что бороться, и может не хуже нас отстаивать дело мира и дружбы между народами». Другая мать, гостившая в Советском Союзе, говорит, что её сын-пионер, услышав о Дворце советских пионеров, не оставлял её в покое и всё твердил, что непременно должен увидеть Москву. С чувством материнской гордости она добавляет: «Послушали бы вы, с каким воодушевлением он декламирует стихотворение «Москва»

Христо Смирненского или «Здравствуйте, братушки!» Ивана Вазова.

Вот один из ярких примеров подготовки к фестивалю в электротехникуме имени С. М. Кирова. Молодые кировцы непрерывно повышают успеваемость и дисциплину, воспитываясь на примере прекрасной жизни человека, именем которого назван техникум. В школе работают кружки по углублённому изучению русского языка. Молодёжь пишет в редакции советских газет и журналов, получает много писем, книг и статей, материалы о Кирове. Несколько учащихся готовят переводы русских книг о Кирове. В программе смешанного хора преобладают песни о мире и дружбе всех народов. С особым подъёмом они разучивают песню «Кировский марш», авторами которой являются двое учащихся. Когда слушаешь её исполнение, начинаешь понимать, почему молодых людей так увлекает эта песня. Они хотят жить и бороться за мир с такой же пламенной душой и большим сердцем, какими обладал товарищ Киров.

Энтузиазм нашей молодёжи захватывает также родительскую общественность. В семьях заметнее становится всё большая забота о воспитании детей. Многие родители помогают детям не только хорошенько подготовиться к проведению фестивалей, но и сами включают в работу самодеятельных коллективов. Значительно повысился интерес у родителей к педагогическому просвещению, которое ведётся

кружками, существующими при организациях Отечественного фронта. В редакцию журнала «Семейство и училище» часто поступают запросы и рекомендации родителей по различным вопросам семейного воспитания. Идя на помощь новой, социалистической семье, наш журнал публикует статьи о трудовом и нравственном воспитании детей, о формировании у них волевых качеств, о роли передового примера, о нала-

живании дружной семейной жизни и т. д. По мере сил и мы помогаем семье воспитывать детей в духе идей мира и демократии, дружбы и культурного сотрудничества между народами.

СЛОВО — ЗА НОВОЙ СЕМЬЁЙ

Профессор Станчу Стоян,
директор Института педагогических
наук Румынской Народной Республики

Мир между народами — вековая мечта человечества. Но никогда ещё силы мира не были так многочисленны и настолько сплочены, как в наше время. Это — прямой результат существования могучей социалистической системы.

Социализм и мир — понятия, неразрывно связанные между собой.

Условия, определяющие высокую организацию сил мира, действительно, имеют глубокие и естественные корни в социалистическом строе. Мирный социалистический труд по самой своей природе требует мира. Трудящиеся всегда хотят строить, а не разрушать. Тем более этого требует труд, освобождённый от эксплуатации.

Корни мира в социалистическом строе многочисленны. И одним из главных корней является семья — семья нового, социалистического типа. Воспитание детей в такой семье вносит важный вклад в дело борьбы за мир.

В классовом обществе семья, как солнце в капле воды, отражает ха-

рактерные противоречия этого общества: неравенство между полами, национальную рознь, конфликты, порождаемые социальными различиями, имущественными отношениями и т. д. Художественная литература даёт в этом отношении сотни примеров, а жизнь — тысячи. Буржуазная семья не создаёт благоприятных условий для воспитания детей в духе мира и дружбы между людьми.

Воспитание в духе борьбы за мир неразрывно связано с формированием чувства товарищеского сотрудничества в работе, уважения к общественной собственности, уважения к человеку независимо от его социального положения, национальности и пола. Такое воспитание наиболее успешно осуществляется в новой, социалистической семье.

Однако нельзя отрываться от действительности и забывать, что, например, в нашей Румынской Народной Республике в условиях перехода от капитализма к социализму сама семья ещё находится в сложном процессе перестройки, превращения её в семейный союз социалистического типа. Кроме того, нельзя не учитывать что даже при наличии всех объективных условий для создания такой семьи у многих людей ещё остались предрассудки, привычки, которые противостоят новому строю, духу новой семьи. Действительность более сложна, чем мы её себе порой представляем.

Как пример приведу такой случай. Знаю давно одну семью: муж — писатель, жена — артистка. Муж, старейший коммунистический деятель, жена всегда была его верным соратником. Своему единственному сыну они дали прекрасное воспитание. И сыну было чему поучиться у родителей.

Сын вырос, женился. Но жена, которую он выбрал, вывернула ему жизнь наизнанку. У неё буржуазное мировоззрение, предрассудки и тре-

бования, которые она принесла «в приданое» из своей семьи.

Прошло немного времени, и в семье вспыхнул конфликт. И главная причина — крайний индивидуализм, эгоизм во взглядах, привычках, во всём поведении невестки. Жизнь молодой семьи под конец стала адом. В результате дело дошло до развода.

И всё же, несмотря на такие случаи, становление новой, социалистической семьи — неопровержимый факт. Необходимо оказывать всемерную помощь семье в росте и укреплении в ней нового, социалистического начала.

Маркс говорил, что для преобразования мира при помощи воспитания сами воспитатели должны быть воспитанны. Перефразируя эту мысль, можно сказать, что для преобразования человека посредством воспитания в семье сами родители должны быть воспитанны. Важную роль в этом деле наряду со школой должны играть и наши общественные организации.

У нас в стране большую работу ведут комитеты борьбы за мир. Особенным успехом пользуются так называемые «Советы мира» — совещания, в которых участвуют родители детей одного квартала или улицы; успешно в некоторых местах проходят и соревнования, называемые «Дети за мир», к которым привлекаются родители и учителя. Всё это помогает внести в семью передовые, прогрессивные идеи.

Воспитание детей в духе борьбы за мир посредством укрепления нового, социалистического начала в семье — одна из главнейших наших воспитательных задач.

Prof. S. Stojan

Джо Уоллес,
канадский писатель

Уважаемый редактор! В этом письме я попытаюсь ответить на ваши вопросы.

1. Воспитание ребёнка начинается с колыбели, когда ребёнок более наблюдателен и восприимчив, чем мы обычно представляем себе. Если в семье царит любовь и согласие, то впоследствии школьным воспитателям будет гораздо легче развивать у ребёнка те качества, которые были привиты ему в семье и всеми окружающими. Воспитание в основном не должно принимать форму прямого обучения: мы познаём, руководствуясь жизненным опытом, а не тем, что нам рассказывают о жизни.

Ребёнку, наоборот, необходимо рассказывать как можно больше о детях других стран и о том, что, хотя их речь, одежда и быт могут быть различными, в сущности дети всех стран одинаковы (то есть дети есть дети).

Надо объяснить ребёнку, что так же, как мы можем узнавать что-то новое от других детей в своей школе и по соседству, мы можем узнавать новое и от детей других стран. Необходимо помнить о том, чему научили нас другие страны. Например, картошкой и кукурузой мы обязаны индейцам. Мы должны знакомить наших детей с литературой и песнями других стран. Они должны не только переписываться, но и обмениваться вещами, изготовленными самими детьми, по крайней мере с одной из школ другой страны, а также различными предметами, которые они коллекционируют, например цветами, листьями, камешками.

2. Моя мать умерла, когда мне было семь лет. И поэтому я помню очень немногое из того, о чём она мне рассказывала. Но я помню и ясно представляю, как она сидела с женщинами-разносчицами (обычно для тех дней) и пила с ними чай: они казались сёстрами, разговаривающими между собой, а не женщинами с разным оттенком кожи, разговаривающими на разных языках и принадлежащими к разным слоям общества. И это помогло мне понять, что, несмотря на разный цвет кожи, у всех течёт одинаковая кровь. Но

шовинизм, вспыхнувший во время восстания боксёров и войны с бурами*, который распространялся нашей печатью и даже школой, заразил меня, и потребовались годы, прежде чем я смог избавиться от него.

3. Некоторый успех в воспитании моих детей, целью которого было сделать из них достойных членов общества, был достигнут не только благодаря тому, чему я непосредственно учил их, а главным образом благодаря примеру, каким была для них наша повседневная жизнь. Картина, говорится в китайской поговорке, стоит тысячи слов. Пусть наша школа и семья явятся для детей примером, свободным от разладов и полным стремления к лучшей жизни.

Я мечтаю о том, что в недалёком будущем Советский Союз сможет послать в кругосветное путешествие корабль, который будет чем-то вроде плавающей школы для сирот войны, которые таким путём узнают многое о других странах и так или иначе станут поборниками мира.

Joe Wallace

* Восстание боксёров — народное, антиимпериалистическое восстание в Китае (1900—1901 годы).

Война с бурами (1899—1902 годы), в результате которой английским империализмом были уничтожены бурские республики в Южной Африке.

ВИДЕТЬ САМОЕ ВАЖНОЕ

Карл Зотманн,
главный редактор немецкого журнала
„Эльтернхауз унд шулс“ (ГДР)

Идея мира отвечает глубокой внутренней потребности человека. И всё же эта идея не может сама по себе претвориться в жизнь, стать действительностью.

Поджигателям войны до сих пор удавалось нарушать мир и внушать людям, что вера в длительный мир — утопия. Они провозглашали, что войны всегда были и будут, ибо последние якобы отвечают извечной человеческой потребности жить в борьбе.

Поэтому мало провозгласить идею мира. Надо бороться за мир прежде всего путём разоблачения действительных мотивов, которые лежат в основе пропаганды войны.

Война нужна лишь тем, кто на ней наживается. Это известно. Опубликованное в печати письмо Рокфеллера, а также иные деяния магнатов ка-

питалистической промышленности с новой силой показали всем, откуда исходит опасность. И нужно всё время срывать покрывало тайн, под прикрытием которого ведётся подготовка к войне.

С этой точки зрения надо подойти и к воспитанию подрастающего поколения в духе идеи мира.

Необходимо воспитывать детей в познании истинной взаимосвязи явлений. Далеко не достаточно той любви к миру, которую дети должны ощущать в своих преподавателях и родителях. Недостаточно, хотя и нужно, разучивать песни о мире. Недостаточно также разъяснять детям, какие ужасы несёт с собой война. Самое важное, чтобы дети поняли: кто же унастует в споре между войной и миром.

Этому можно и нужно учить, какой бы предмет вы ни преподавали. Возьмём, например, географию. Разве не рассказывает она нам, кто стремится к войне? Это дети могут очень хорошо понять. Или история: разве дети не узнают — если только учитель сумеет это объяснить — как во все времена делались войны? А родная речь, литература? Нужно ли говорить, как они могут помочь детям понять и прочувствовать, что означает война и как люди борются, борются и будут бороться против войны. Конечно, это должно быть настоящее, глубокое знание. Бессвязные, пустые слова ничего не способны объяснить.

Особое внимание следует обратить

на ознакомление детей с жизнью народов, с этнографией. Элементы этнографии можно найти во многих предметах — в географии, истории, родном и иностранном языках. Ребёнок лишь тогда по-настоящему уяснит себе значение борьбы за мир, когда будет иметь представление о народах, населяющих землю, об их жизни, обычаях, привычках и т. п.

Необходимо широко использовать и такие формы воспитания, как переписка между отдельными школьниками (или классами) из различных стран, взаимные посещения, обмен книгами и марками, организация выставок художественного и технического творчества ребят разных стран и многие другие.

В результате ребёнок сможет лучше представить себе мир, каков он есть. Его знания не останутся случайными и нечёткими, что может произойти, если ограничиться общими, ничего не говорящими словами. Конечно, понимание жизни должно быть неразрывно связано со страстной любовью к миру и твёрдой решимостью бороться за его сохранение. Но и любовь и решимость лишь тогда будут иметь надёжную основу, когда им будет сопутствовать глубокое знание и ясное понимание.

Karl Söhlmann

РЕБЕНКУ МОЖНО ОБЪЯСНИТЬ ВСЁ

*Людвик Ашкенази,
чешский писатель*

1. Я не педагог, и моя точка зрения на вопросы, связанные с воспитанием детей, чисто дилетантская. Боюсь, что даже в воспитании своего сына я никогда не был достаточно методичен. Мне хотелось, чтобы взгляды, созревающие в нём, были его собственными. Можно сказать, что я лишь наблюдаю, как из него вырастает прогрессивно мыслящий человек. Мы часто говорим с ним о мире и взаимопонимании между народами, и мне кажется, что он правильно воспринимает это. Я замечаю в нём сильно развитое чувство

социальной справедливости и искреннее миролюбие, но я думаю, что это — не результат правильного воспитания, а врождённое человеческое свойство, которое нужно только правильно использовать. Тем не менее его самая любимая игрушка — пистолет. Я не ругаю его за это, сам в своё время настрелялся вдоволь. Ведь это не его вина. Недостаточно отнять у ребёнка игрушку, нужно изменить мир, в котором мы живём.

2. Я не могу назвать какое-либо отдельное, запавшее мне в память происшествие, которое, как вы пишете, сыграло бы решающую роль в формировании моего мировоззрения. В моём детстве и юности было много таких событий, каждое из которых достойно упоминания, и каждое из них сделало своё. Моё мировоззрение — как, конечно, и у всех людей — сложилось на основе совокупности событий и переживаний, иногда — противоречивых, иногда — дополняющих друг друга. Форма журнальной анкеты заставляет меня ограничиться этим кратким ответом.

3. Мой опыт воспитания свидетельствует о том, что дети, как и все люди, имеют по-своему очень развитое понимание демократии. Никогда и ничего нельзя навязывать детям, даже если вы убеждены, что

это очень полезно для них. Ребёнку можно объяснить всё, ничего не навязывая ему. До сих пор, во всяком случае, мой метод воспитания удовлетворял моё отцовское самолюбие. Я далёк от мысли подрывать авторитет и дисциплину в семье. Хочу лишь подчеркнуть, что главное — это найти психологически оправданный подход к ребёнку. Такой метод может показаться, пожалуй, отсутствием всякого метода, ибо при этом всё определяется обстоятельствами. Нужно стремиться воздействовать одновременно и на разум, и на чувство ребёнка, не оказывая предпочтения ни одному из них. Вы спрашиваете, какими я хотел бы видеть своих детей? Что касается мальчиков, то я хотел бы, чтобы они стали настоящими мужчинами, чтобы они умели глубоко любить и смело бороться за жизнь, достойную человека. Чтобы они, ощущая свою принадлежность к большой семье человечества, обставили при этом сами собой.

Ludvík Aškenazi

Далёкие и близкие

Д. ПОЛТОРАК

Девятиклассница Ира Зыкова в один из январских дней получила конверт с иностранными марками. Письмо было из Венгрии.

В другое время это не удивило бы Иру: она давно уже переписывалась с Эдит Цине из венгерского города Веспрем. Но письмо было датировано сентябрём. В октябре Ира с большим волнением следила за сообщениями о контрреволюционном мятеже в Венгрии. Первые известия о его подавлении очень обрадовали Иру. Но радость омрачало молчание подруги. Что с ней? Не пала ли она жертвой фашистских изуверов? Или, может быть, Эдит оказалась среди тех, кого контрреволюционерам удалось обмануть и повести за собой?..

...И вот, наконец, долгожданное письмо. Ира вскрыла конверт и с волнением прочитала строки, написанные твёрдой рукой Эдит Цине.

Девушка рассказывала о событиях в их городе и о помощи, которую оказала трудящимся Венгрии Советская Армия. В конце письма была фраза: «Сегодня мне 16 лет. В этот день я особенно мечтаю стать коммунисткой».

Письмо Эдит Цине читали подруги Иры, о нём рассказывали учителя в классах, оно взволновало всех учащихся, вызвало у них чувство радости.

Десятки конвертов, украшенных марками разных стран, приносит почтальон в нашу 706-ю школу. К нам приходят письма из Индии и Чехословакии, Польши и США, Китая и Англии, из Болгарии, Индонезии и многих других стран.

Коллектив учителей нашей школы понял, какую большую роль в воспитании у детей интернациональных чувств может сыграть переписка ребят с зарубежными друзьями. Мы старались возбудить и развить интерес школьников к жизни детей других стран.

В вестибюле появилась большая карта мира, где флажками помечаются места, откуда в школу приходят письма. Здесь же вывешиваются переводы наиболее интересных писем.

Письма, прибывающие в школу, дышат искренней любовью к советским школьникам, говорят о желании установить крепкую и нерушимую дружбу.

«Как приятно обратиться к вам с этим

письмом! — пишет Нираджан Джулк из далёкого города Джанак-пури в Индии. — Хоть я и не знаком ни с кем из вас, но знаю, что вы энтузиасты и борцы за мир. Я гражданин миролюбивой нации, и я рад дружбе с вами, которая укрепит мир. Надеюсь, что наша дружба расцветёт, как цветы весною».

Учащиеся переписываются со своими зарубежными друзьями индивидуально и коллективно. Эта живая переписка вместе с чувством интернационализма рождает в школьниках и горячее патриотическое чувство. Учащиеся 6-го «А» класса в прошлом году завязали переписку со школьниками г. Нимбург (Чехословакия). Чехословацкие ребята с гордостью рассказывали о том, что их город находится неподалёку от деревни, где родился и жил великий чешский композитор Бедржих Сметана. В ответном письме шестиклассники не без гордости спросили своих чешских друзей: «А знаете ли вы наших русских писателей — Пушкина, Гоголя, Горького?»

Однажды в школу пришло письмо учащегося шведского нормального лицея в городе Хельсинки (Финляндия) Гэрана Ахлбома. В письме содержалась просьба ответить на целый ряд вопросов, касающихся положения школы и детей в СССР.

Комитет комсомола решил провести конкурс на лучший ответ финскому школьнику. Жюри конкурса единогласно признало лучшим ответ десятиклассника Игоря Бэгара.

Недавно в школу прибыл финский журнал «Контакт» (орган Общества финско-советской дружбы), в котором полностью было опубликовано письмо советского школьника Игоря Бэгара в ответ на вопросы Ахлбома.

Для многих ребят переписка послужила толчком к разностороннему знакомству с историей, бытом, культурой разных народов.

Однажды в письмо, полученном

Д
Р
У
З
Б
Я

ГЛАЗАМИ ДЕТЕЙ

Д. СОВОЛЕВ

из Индии, девятиклассники обнаружили много открыток, журнальных вырезок, фотографий. Особенный интерес вызвала фотография замечательного памятника индийского зодчества храма Тадж-Махал в Агре. В своём письме индийский друг Хемендер Наткалия описывал историю создания этого великолепного творения архитектуры и зодчества.

Заинтересовавшись красивым узором книжных закладок, которые прислал школьник из Чехословакии, наши учащиеся спросили его в своём письме: «Кто сделал эти закладки?» Отвечая друзьям, чехословацкий юноша рассказал о талантливых народных мастерах своей страны.

Живейший интерес у наших ребят вызвало сообщение о том, что в Праге есть музей В. И. Ленина. Готовясь отметить день рождения Владимира Ильича, пионеры написали письмо в Прагу, в музей Ленина. Вскоре пришёл большой пакет, в котором мы нашли письмо, очерк о жизни В. И. Ленина в Праге, путеводитель по музею и фотографии.

Очерк был такой интересный, что мы решили ознакомить с ним всех учеников нашей школы.

Весь присланный материал мы оформили в виде специального стенда.

Среди старшеклассников широко распространена индивидуальная переписка. Уже несколько лет Таня Ершова переписывается с Кумаром Тивари из Табалпура (Индия), Люда Морозова с Евой Ошанка из г. Брно, Миша Мельников — с Павлом Чанчиком из Праги, Лена Дынкина — с болгарской девочкой Марией из города Варна.

Вот что рассказала в стенгазете о своей переписке восьмиклассница Таня Морозова:

«Я переписывалась с Джорджем Файтом, семнадцатилетним американским школьником из штата Оклахома. У нас нашлось много общих интересов: мы оба коллекционируем марки, оба любим читать книги, оба очень интересуемся жизнью и бытом современных индейцев, даже оба пишем стихи. За время нашей переписки я смогла лучше представить себе жизнь в современной Америке, хотя, конечно, сказать, что я её хорошо знаю, было бы слишком смело. Интересно было узнать такие вещи, как, например, то, что американские дети учатся в школе 12 лет и с шестилетнего возраста; что в школах США изучают те же предметы, что и у нас, но, кроме этого, преподаются и такие предметы, как, например, личная и семейная жизнь, здоровье; что в настоящее время в Америке снимаются фильмы по романам «Война и мир» и «Анна Каренина» Льва

Толстого; что американцы любят читать Чехова; что в футбол американские спортсмены играют немного не так, как советские или европейские футболисты; что мальчику в США дают два имени: одно — родители, а другое — близкие знакомые; и много других самых разнообразных вещей. Интерес мой к Америке сильно повысился. Если раньше о Хэмингуэе, Колдуэлле, Фолкнере, Стейнбеке я могла сказать только то, что это американские писатели, то теперь я имею понятие и об их книгах, из которых я прочла с удовольствием те, что переведены на русский язык. Кроме всего прочего, занятия переводом писем с английского на русский и наоборот обогащают мои знания языка. Впрочем, с русского языка на английский мне помогают переводить, исправляя мои многочисленные ошибки. Я пишу о жизни и о людях нашей страны, обмениваясь мнениями о литературных произведениях, рассказываю о своих делах, задаю уйму вопросов и сама отвечаю на вопросы, которые Джордж задаёт мне. Словом, пишу обо всём, о чём только можно. Одно из своих писем я заключила словами Марка Твена: «Мир, счастье, братство народов — вот всё, что нам нужно на этом свете». Когда пришёл ответ, я прочла в конце: «Жить для одного себя — не значит жить; давай будем друзьями и будем помогать друг другу» Менаандр (греческий поэт). И это совершенно правильно».

Увлекательными письмами, прибывающими из-за рубежа, школьники делятся не только со своими ближайшими друзьями, но и рассказывают о них на вечерах и сборах, посвящённых переписке. Зачастую эти письма с интересом прочтываются и старшими в семьях. Убеждаясь в пользе переписки для развития и воспитания детей, родители помогают им. Так, мать одного из учащихся, ведущего переписку с японским школьником, подбирает для сына марки и открытки, которые он отправляет в Японию.

Следуя примеру своих детей, некоторые родители сами втягиваются в это интересное дело. Так началась переписка родителей Юрия Плетнёва и Милены Пейховой из г. Брно в Чехословакии. К новому году мать Милены выслала семье Плетнёвых небольшой подарок. Летом Пейховы собираются в туристскую поездку в СССР и надеются увидеться в Москве с друзьями.

Интернациональная переписка, расширяя кругозор школьников, даёт им новые знания. Но главное — переписка воспитывает в детях подлинный дух интернационализма.

С большим интересом советские зрители знакомились с работами юных художников Англии, Индии, Японии, представленными в последние годы на выставках детского творчества.

На выставке рисунков детей Англии экспонировалось около 300 работ. Отраднее было видеть, что в рисунках детей нет сухого фотографического отображения видимого мира, что они очень индивидуальны, в них много своеобразия, яркого колорита, чувствуется наблюдательность и живая свобода исполнения.

Большим успехом пользовалась у нас выставка рисунков детей Индии. Этим рисункам свойственны особая мягкость и задушевность, какая-то бархатистость тона.

Не менее интересной была выставка рисунков японских детей. Здесь особенно привлекали оригинальность содержания и своеобразие колорита.

Дети разных национальностей с одинаковой любовью отображают в своих рисунках природу и жизнь своей страны, они любят рисовать городские и сельские пейзажи, людей, трудящихся в поле, на фабриках, в доках, своих сверстников. В то же время в форме исполнения наглядно выступают их национальные особенности.

В свою очередь огромный интерес для зарубежных зрителей представляют выставки художественного творчества советских детей за границей. Такие выставки в последние годы были в Англии, Индии, Франции и некоторых других странах.

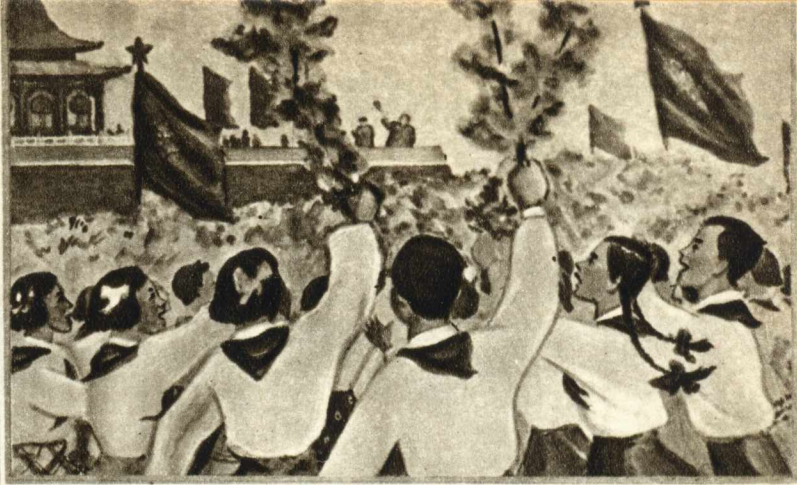
Юные советские художники неоднократно получали премии на ежегодных международных выставках — конкурсах детского творчества в г. Дели.

Значение выставок изобразительного искусства детей как одной из форм массовой художественно-воспитательной работы с детьми бесспорно.

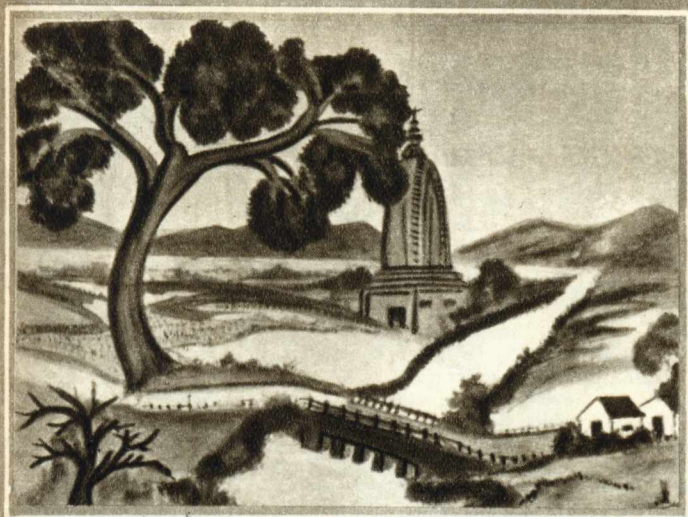
Такие выставки представляют большой интерес и для взрослых, раскрывая особенности воспитания мира детьми и своеобразие способов художественного выражения ими своих чувств и впечатлений.

Не стоит ли подумать и об организации музея детского рисунка, где были бы собраны наиболее оригинальные рисунки детей стран всего земного шара?

Глазами детей...

„Первое мая“. Сяо Мин. 13 лет. Китай.

Пейзаж. Асхавирмани. 13 лет. Индия.

В берёзовой роще. Людвик Крмашек.
14 лет. Чехословакия.

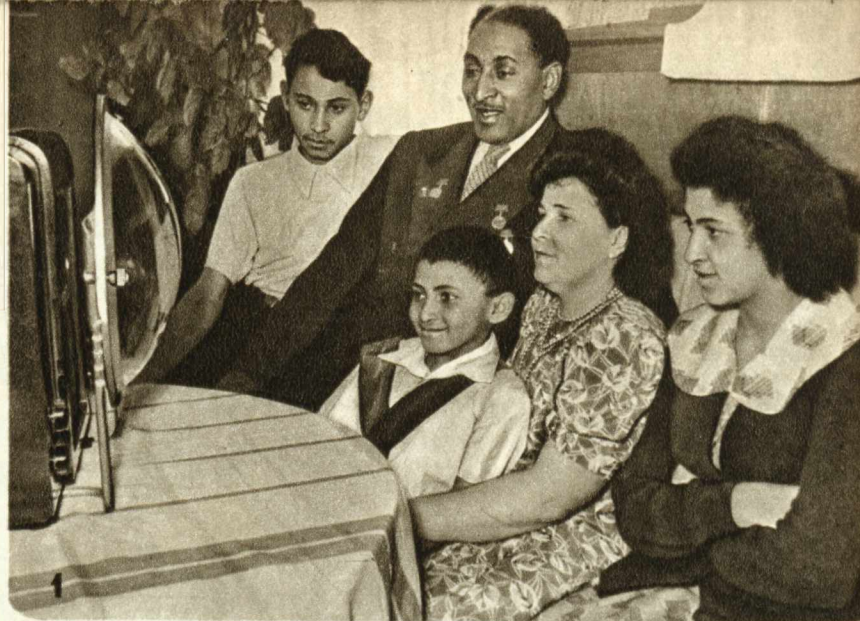

Портрет девочки с косичками.
Смит Памела. 13 лет. Англия.

Мальчик и девочка. Ясуко Уусуми.
13 лет. Япония.

Семья Джорджа Тайнса

1. Семья Тайнса у телевизора. Слева направо: Слава, Джордж, Рубен, Мария Васильевна, Эмилия.

2. Джордж Тайнс проверяет уроки, приготовленные Рубеном.

3. Рубен выращивает цыплят в домашнем инкубаторе.

4. Мария Васильевна обучает Эмилию вышиванию.

Фотоочерк А. Шайхета

ДЯДЯ ДЖОРДЖ, ТЁТА МАРУСЯ И ИХ ДЕТИ

Макс ПОЛЯНОВСКИЙ

Биография семьи, состоящей из пяти человек, начинается несколько необычно: каждый из них родился в другом месте.

Глава семьи — негр Джордж Винески Тайнс — уроженец штата Огайо в Соединённых Штатах Америки. Ровно половину своей жизни — первые двадцать пять лет — Джордж провёл за океаном. Его жена — Мария Васильевна Павленко — украинка. Она никогда не была в Америке, родилась и выросла на советской земле.

Старший сын Марии и Джорджа — Вячеслав (или попросту Слава) увидел свет в Симферополе; дочь Эмилия появилась у родителей, когда те проживали на Кубани. Самый младший представитель семьи Тайнсов — мальчик Рубен, которого окружающие пока именуют просто Рубиком. Он почти москвич, потому что родился неподалёку от столицы, в городе Раменское.

Теперь, когда читатель получил первичные сведения о персонажах этого очерка, автор коротко поведаёт, что побудило его поближе познакомиться с семьёй Тайнсов.

...Перенесёмся на несколько месяцев назад, припомним, как начинался 1-го сентября 1956 года учебный год в школах Советского Союза. Всё шло своим порядком: дети таджиков и чукчей, латышей и русских, молдаван и киргизов, словом, дети всех народов СССР начинали в этот день своё учение — одни в стенах новых, только что отстроенных школьных зданий, другие ребята приходили в хорошо им знакомые свежеевыбеленные классы обжитых школ.

В этот день почти каждый класс становился похожим на пышную оранжерею. Редкий школьник, особенно школьница, не озаменовывали его в новом учебном году цветочным приношением. С портфелем в одной руке и пышным букетом осенних цветов в другой шли первого сентября по улицам городов и сёл советские школьники.

В те же первосентябрьские дни газеты опубликовали тревожные сообщения из Америки. Там, в некоторых городах учебный год начался чуть ли не военными действиями. Из города Мэнсфилда (штат Техас) телеграфировали, что «более четырёхсот белых граждан охраняли улицы, ведущие к средней школе, чтобы не допустить туда шесть негритянских учащихся». Четыреста с лишним расистов преградили несколько темнокожим школьникам путь к школе, где обучаются дети белых. Хотя совместное обучение белых и цветных санкционировано американским судом, расисты решительно восстали против него. И не только в Мэнсфилде. Угрозы и действия расистской сволочи из американского города Клинтон зашли так далеко, что властям пришлось прибегнуть к серьёзным мерам для предотвращения кровопролития. К началу школьного учебного года в Клинтон отрядили сотни полицейских и десять танков.

В дни, когда мы узнали об этих позорных явлениях и оозмутились омерзительными действиями четырёхсот мэнсфилдовских кукулуксклановцев, направленных против шести негритянских детей, нам рассказали про семью Джорджа Тайнса.

...Понадобилось лишь двадцать минут, чтобы доехать от Москвы до станции Москворечье, где находится рыбхоз «Ленинский» и принадлежащая ему птицеферма, на которой трудится зоотехник Джордж Тайнс.

Чтобы поскорее найти незнакомого человека на месте, куда вам довелось прибыть впервые, обращайтесь к ребятам: они — самый осведомлённый народ.

Всё вам расскажут, покажут, а попутно выведают: кто вы сами и для чего понадобились вам дяденька или тётенька, к которым вы приехали.

Едва только мы прибыли в Москворечье, возле машины, как это положено, сразу появились мальчуганы. На вопрос о том, где проживает семья Тайнс, детвора сразу откликнулась по-своему:

— Они к дяде Джорджу! — кричали одни.

— И к тёте Марусе! К Славе! К Рубику и Эмилии! — сообщали во всеуслышание другие. — Посадите нас в машину, покажем куда ехать...

С помощью юных провожатых мы быстро нашли одноэтажный дом с палисадником и огородом. Было совсем ещё рано, сентябрьский день только начинался, и наше появление вызвало заметное недовольство цепной собаки, громким лаем сообщившей обитателям дома о прибытии каких-то незнакомых ей личностей.

Наше первое знакомство с семьёй Тайнс прошло в обстановке некоторой поспешности. И это не удивительно. До школьного звонка оставались считанные минуты. Трое смуглых ребят заканчивали завтрак и были, как говорится, уже на выходе. Хотя школа от них совсем близко — рукой подать — надо поторапливаться. Десятиклассник Вячеслав, поглядывая на часы и наспех дожёбывая последний кусок, расчёсывал около зеркала свои не выходящие колечками волосы — единственное, что унаследовано им от матери.

Курчавая семиклассница Эмилия и восьмилетний второклассник Рубен — оба чуть посмуглее своего старшего брата. Взяв портфели с учебниками, все трое торопливо знакомились с нами и прощались с родителями. Потом разом выпорхнули с крыльца на улицу, и мы увидели, как через минуту юные Тайнсы слились с ребятами, шагающими к красивой новой школе, гордости Москворечья.

Глядя на них невольно думалось:

— Неужели там, в стране именуемой Новым Светом, таких же вот смуглокожих ребят на пути в школу подстерегают изуверы, чтобы избить, покалечить, только бы не позволить им заниматься рядом с белыми школьниками? И неужто всё это происходит в наши дни, во второй половине двадцатого столетия?!

Мы высказывали свои мысли вслух, и стоявший вместе с нами на крыльце высокий, широкоплечий Джордж Тайнс тихо произнёс:

— Знаете, когда мы с женой прочитали в газете об этом, я сказал ей, что мне — американскому негру — радостно сознавать, что мои дети живут и учатся не в штате Огайо, где я родился, а в Ленинском районе Московской области...

Мы попросили Джорджа Тайнса рассказать о себе. Тогда он извлёк из шкафа папку с документами и газетными вырезками. Часть из них была напечатана на английском языке, другая часть — на русском.

— Вот поглядите. Содержимое этой папки делится на два периода. Сейчас мне пятьдесят лет. Первую половину жизни я прожил в Америке, вторую — в Советском Союзе. По специальности я — зоотехник. Многие из этих документов на английском языке могут подтвердить, как трудно было мне добиться цели — стать зоотехником. Вот заметки из американской прессы, в них упоминаются мои имя и фамилия. В юности я был ярким спортсменом — футболистом и боксёром. Газеты меня хвалили, печатали мои портреты, но попробовал бы я зайти в ресторан или трамвай, предназначенный «только для белых»!.. Меня так

разукрасили бы, что едва ли кто-нибудь смог бы узнать во мне человека с газетной фотографии... Вас интересует, каким образом я оказался в СССР. Дело было так: четверть века назад в Москву приехала из США небольшая группа зоотехников. Одним из них был я. Мне очень хотелось поближе познакомиться со страной, про которую столько говорили и писали там — за океаном. И я решил остаться здесь, поработать по своей специальности, приглядеться к жизни. Это мне удалось.

Джорджу Тайнсу предложили работу, с ним как с иностранцем был заключён соответствующий контракт, он стал зоотехником птицефермы одного из совхозов на Кубани. Работал с увлечением, и вскоре молодому зоотехнику предоставили возможность распространить свой опыт на другие птицевосхозы — в Грузии, Средней Азии, в Крыму.

Прошло пять лет со времени приезда Джорджа на советскую землю. По его желанию контракты на работу ему продлевали. Он не счёл-то торопиться с возвращением к себе домой, в штат Огайо. Правда, была тому причина серьёзная и вполне уважительная: Джордж Тайнс встретил красивую девушку Марию Павленко и осенью 1936 года женился на ней.

Через год после женитьбы Джордж поехал в США, в свой штат Огайо, чтобы повидаться с близкими. Как удивились они, когда он показал им фотокарточку жены. Белая женщина! Должно быть Джордж вернулся обратно в Америку, чтобы спастись от расправы за брак с белой?! Но Джордж лишь посмеялся над этими предположениями и домыслами своих соотечественников. Он рассказал друзьям и близким о годах, прожитых им в стране Советов, потом распрощался со всеми и вернулся в СССР — навсегда.

— С тех пор я перестал работать по контрактам, перестал числиться иностранцем. Моя просьба была удовлетворена: я стал гражданином СССР, получил советский паспорт. И в него, спустя несколько лет, был вписан мой первенец — сын Вячеслав. Вы видели его: он комсомолец, учится в десятом классе, весной 1957 года окончит школу. Не каждый негритянский юноша может позволить себе такую роскошь, как мечту о своём будущем. Но мой Слава — уроженец СССР, он тоже недавно получил советский паспорт и, как всякий подросток в нашей стране, давно стал задумываться о том, что он станет делать после школы. И вот недавно он заявил матери и мне, что решил стать кораблестроителем или же... хирургом. Мечты юности подчас бывают резко противоположны. Так показалось и мне вначале. Но потом, вдумавшись в то, что сказал мой старший сын, я порадовался за него. Ведь советским ребятам свойственна широта замыслов. Перед ними открыто столько путей! И тёмная кожа не помешает моему Вячеславу выйти на избранную им дорогу...

С дочерью Тайнсов Эмилией и маленьким Рубеном мы встретились в школе и во время перемены разговаривали с ними.

— Мне хотелось бы стать агрономом, — сказала Эмилия. Потом задумалась на мгновение и добавила: — А если не удастся, буду работать на кондитерской фабрике.

— Это потому, что она любит сладости, — пояснил её брат, второклассник Рубик.

— А ты станешь танцовщицей! — парирует Эмилия.

Рубен, как всякий восьмилетний человек, ещё не заглядывает вперёд, но он очень любит музыку и, услышав звуки любой мелодии, тотчас начинает делать движения, напоминающие танец.

...По утрам, когда Джордж Тайнс уходит на свою птицеферму, а ребята в школу, дома остаётся только Мария Васильевна.

— Было время, когда и я уходила по утрам в Гос-

банк, где работала бухгалтером... Но пришлось мне переквалифицироваться на домохозяйку. Ничего не подделаешь — семья, нас пятеро. Прежде мы кочевали. Мужа перебрасывали с одной работы на другую. Но теперь уже осели здесь прочно, насовсем. Обзавелись огородом, садом, развели домашнюю птицу. Ребята у меня хорошие, помогают в хозяйстве все, даже мой Рубик. Начала учиться и я: посещаю курсы шитья и кройки. Бывший бухгалтер постепенно становится портным. В семье надо уметь шить самой.

Мария Васильевна довольна тем, что её дочь перенимает у неё познания, приобретённые на курсах кройки и шитья.

...Семья Тайнсов, как мы сами в том убедились, хорошо знакома жителям Москворечья, большим и малым.

На улице зоотехника Тайнса приветствуют сослуживцы и знакомые:

— Доброе утро, Джордж Виневиц!

Он отвечает на приветствия и попутно говорит нам:

— В моих американских документах я именуюсь Джордж Винеки Тайнс. А здесь привилось Джордж Виневиц...

Ребята Москворечья, встречая супругов Тайнс, реагируют по-своему:

— Здравствуй, дядя Джордж! Здравствуй, тётя Маруся!

Кому из советских ребят или взрослых может прийти на ум мысль о том, что содружество двух людей с разным цветом кожи карается «культурными» мракобесами!

Когда осенью 1956 года семья Тайнсов отмечала свой праздник — двадцатилетие супружеской жизни Марии Васильевны и Джорджа Виневица, — за гостеприимным столом собрались люди многих национальностей: русские и украинцы, негры и армяне, приехал в гости и англичанин, известный журналист Ральф Паркер.

В разгар семейного торжества прибыл из Москвы главный инженер Мосрыбтреста товарищ Михеев. Он огласил приказ министра рыбной промышленности РСФСР. Отмечая долголетнюю работу и показатели, достигнутые в комплексном развитии прудового хозяйства, министр объявил зоотехнику птицефермы рыбхоза «Ленинский» Джорджу Тайнсу благодарность и премировал его.

За три года работы на этой птицеферме утки Джорджа Тайнса были трижды представлены на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. За это время Джордж получил на ней три медали. Но в разговоре с нами он, по своей скромности, ни разу не упомянул об этом.

Много добрых пожеланий и поздравлений услышала в этот день семья Тайнсов за празднично убраным столом. Недостаток времени не позволил огласить содержание всех приветственных писем и телеграмм, полученных Марией и Джорджем со всех концов Советского Союза.

...Недавно мы снова встретились с Тайнсами.

Всё идёт у них благополучно. Дядя Джордж надеется в четвёртый раз стать участником выставки. Его жена научилась довольно свободно шить, кроить, и теперь сама обшивает свою семью. Вячеслав окончил школу и осенью будет сдавать экзамены в один из столичных институтов. Эмилия перешла в восьмой класс, а Рубик — в третий.

Часто по вечерам вся семья собирается у телевизора и смотрит московские передачи. Телевизор появился у Тайнсов совсем недавно, в тот самый день, когда отмечалось двадцатилетие их супружества. Телевизор этот был подарен дирекцией рыбхоза «Ленинский» зоотехнику Джорджу Тайнсу за его безупречную трёхлетнюю работу...

ВЫДАЮЩИЙСЯ ЧЕШСКИЙ ПЕДАГОГ-ГУМАНИСТ

Профессор Е. ГОЛАНТ

Всемирный Совет Мира принял решение отметить в 1957 году трёхсотлетие со времени издания собрания педагогических сочинений великого сына чешского народа Яна Амоса Коменского (1592—1670).

Труден был жизненный путь Коменского, изгнанного германскими завоевателями из родной Чехии и вынужденного скитаться по разным странам (Польша, Венгрия, Голландия). Многообразной была его деятельность — учителя, проповедника, учёного, философа. И красной нитью через неё проходила глубокий демократизм, забота о судьбе обездоленных, вера в человека, стремление поднять культуру родного народа.

Коменский был членом секты «чешских братьев». В религиозной оболочке эта секта выступала против власти богачей, против феодальных порядков. В книге «Лабиринт мира и рай сердца» Коменский писал, что одни пресыщаются, другие голодают, одни забавляются, другие рыдают.

В XVII веке земли и политическая власть Чехии находились в руках немецких феодалов. В деятельности Коменского борьба против угнетателей народа естественно слилась с борьбой за национальную независимость Чехии, с борьбой против войн, за мир между народами. «Люди, — писал Коменский, — являются гражданами одного и того же мира, и ничто не мешает им установить широкое объединение на основе человеческой солидарности, общих знаний, прав, религии».

Коменский, естественно, не мог в ту эпоху правильно определить пути уничтожения социальных противоречий. Он думал, что их можно преодолеть средствами религии, нравственного совершенствования, воспитания. Но в противовес средневековой церкви он подчёркивал, что человек не «раб божий», а «творец вселенной».

Демократизм, глубокую веру в человека Коменский положил также в основу своих педагогических идей. Он был убеждён, что все люди — и мужчины, и женщины — должны получить образование, все они способны к образованию. Деля детей на шесть типов по остроте ума, темпу работы и степени прилежания, Коменский считал, что даже самые трудные дети (тупые, медлительные, ленивые) могут быть обучены. Он требовал, чтобы в каждом селении

была организована школа родного языка. Все дети имеют право переходить из начальной школы в среднюю и высшую.

Коменский выдвинул идею систематического воспитания в семье. В «материнской школе» — так называл он воспитание до шести лет — детям должна быть предоставлена возможность играть, бегать, резвиться. Необходимо воспитывать у них трудолюбие, правдивость, почтительность к старшим, вежливость. Детям следует дать широкий круг представлений об окружающей природе и общественной жизни. Они должны иметь представление о том, что такое вода, земля, воздух, огонь, дождь, снег, деревья, рыбы, реки, горы, солнце, звёзды и т. д. Знать, кто управляет городом; быть знакомыми с важнейшими событиями; научиться запоминать, что произошло вчера, неделю назад, в прошлом году. Последовательно нужно вооружать детей всё расширяющимся кругом трудовых навыков. Родители должны воспитывать у детей любовь и интерес к школе, уважение к учителю.

Всё это явилось первой продуманной системой воспитания детей в семье.

Такую же глубоко продуманную систему Коменский внёс и в школьное обучение. В его педагогических взглядах ярко выразилось стремление развить духовные силы учащихся и обеспечить радостное обучение.

Коменский подверг резкой критике средневековую школу за то, что

в ней учили «смотреть чужими глазами», «думать чужим умом», что превращало школу в «пугало для мальчиков и место пыток для дарований». Он требовал, чтобы школа была местом «радости и счастья». Здание должно быть светлым с площадью для игр, классы — чистыми, красивыми. Следует дружески относиться к детям; «голос учителя должен сам проникать в души учащихся, наподобие самого нежного масла».

Коменский сформулировал «золотое правило наглядности», согласно которому всё должно восприниматься соответствующим органом чувств (видимое — зрением, слышимое — слухом и т. д.) либо несколькими органами, если это возможно. Вместо зубрёжки непонятного материала он предложил исходить из того, что «нет ничего в памяти, чего не было раньше в понимании». Обобщив опыт передовых школ, в том числе братских школ Юго-Западной Руси, Коменский разработал классно-урочную систему организации учебной работы. Он предложил проводить обучение в классах с постоянным составом учащихся, начинать занятия в определённое время года (1 сентября), делить материал на уроки, строить каждый урок методически продуманно и целесообразно.

Это был огромный шаг вперёд по сравнению со средневековой школой.

По-новому Коменский подошёл и к вопросу школьной дисциплины, указав, что основным средством её воспитания является не палка, а правильная постановка занятий и пример учителя. Он называл школу «мастерской гуманности» и указывал, что учитель добьётся успеха лишь тогда, когда будет «сгорать нетерпением рассеять мрак умственный» и обращаться с детьми как отец.

Учебные пособия, созданные Коменским для начального обучения, ещё при его жизни были переведены на много языков. Его педагогические идеи оказали глубокое влияние на развитие школы и педагогики во многих странах. Они были восприняты и русской передовой педагогикой.

Всё прогрессивное человечество вместе с чешским народом высоко чтит Яна Амоса Коменского как великого педагога-гуманиста, пламенного борца за демократию и мир между народами.

АНИСОВО

Очерк

Георгий САВЧЕНКО

Каждая река красива по-своему. Но есть ведь и что-то общее у всех рек, такое, что словами не выразишь, — раздольное, с песней схожее. Вот и Десна своеобразна. А весной, когда её могучий разлив широко затопит поля, чудесной музыкой наполнится всё вокруг. И не знаешь — играет ли это вода в перекатах или так мелодично поют свои веснянки украинские дивчины в окрестных сёлах.

Великолепное зрелище разлива Десны открывается с высокого Вала города Чернигова. Куда ни глянешь — кругом вода. Вот и деревья стоят «по колено» в воде, бережно подобрав вверх свои голые озябшие ветви, а кусты затопило «с макушкой». Блестит вода далеко-далеко, у самого села Анисово, что километров за десять отсюда. Кажется, в её талой прохладе радостно купаются лучи уже по-летнему жаркого солнца.

Долго стоял на Валу Иван Иванович Кошевой, мямл в руках кепку и как зачарованный слушал вешнюю музыку. Он, выпускник Киевского музыкального училища, должен открыть перед сельскими детьми совсем новый, чудесный мир, приблизить их к музыкальной культуре. Сейчас идти ему надо в Анисово. Вот оно, рукой подать, да напрямик не пройдёшь, машиной не проедешь. Тогда пошёл Кошевой в обход пешком, взвалив на плечо свой баян, пошёл прямо по весне через распутицу.

На селе учителя музыки уже все ждали. И ребята ни сбежалось множество со всего села. Их любопытные взгляды так и прыгали то по Кошевому, то по его красивому баяну, который он вынул из чехла.

Кошевой забросил за плечи ремни баяна, и баян запел. У клуба стали собираться колхозники. Стояли

тихо и, будто боясь пропустить что-то важное, внимательно слушали музыку. А когда Кошевой кончил, вперёд выступил колхозный конюх Иван Петрович Каракуль. Он зашёл сюда прямо с конюшни, и от него ещё крепко пахло лошадиным потом. Каракуль зачем-то посмотрел на свои корявые большие руки, оплетённые толстыми жилами, точно верёвками, и, заложив их за спину, извинившись, сказал:

— Как же вы это думаете наших детей учить музыке?

Кошевой развернул перед конюхом папку с нотами.

— А вот по этой азбуке.

Иван Петрович впервые увидел ноты. Он силился что-то понять в них, но, почесав затылок, крикнул и сказал:

— Вот что, дорогой учитель. Мы все тут, конечно, очень хотим, чтобы наши дети выучились музыке. Да только боюсь я, что ничего из этой затеи не выйдет. Мудрено им будет разбираться в этой вот музыкальной азбуке.

— Ну что вы! — весело отвечал ему Кошевой. — Ничего тут мудрёного нет. Вы, к примеру, читать умеете?

— О, как же! И читать и писать, — утвердительно, с заметной гордостью отвечал Иван Петрович.

— А небось когда-то даже простой букварь казался вам мудрёной азбукой... Разве не так?

Каракуль улыбнулся.

— Что верно, то верно! Потрудившись в меру, всему выучиться можно, — согласился он. — Ну, счастливо вам начинать! Прошу записать моего Андрюшку в школу... А через него, может быть, и я в музыке что-нибудь понимать стану.

В тот же день Кошевой познакомился со своими первыми учениками: Володей Лобода, Андреем Каракуль, Володей Доманом. Все они были разные и по возрасту, и по характеру, и по внешности. Но Кошевой безошибочно определил одно общее желание ребят — учиться музыке, постигнуть тайну нот.

Собственно инициатором создания музыкальной школы на селе был председатель колхоза Герасименко, высокий плечистый мужчина с чёрным от загара лицом, с острыми карими глазами. Прослышав, что учитель музыки уже на селе, Герасименко пришёл к нему.

— Значит, на первых порах только класс баяна? — не без обиды в голосе спросил Герасименко.

— Так и сами ребята решили. Да к тому ж и условий других у вас пока нет.

— Как нет? — повышая голос, возмущился Герасименко. — Помещение специальное у нас есть, пианино есть. Чего же вам ещё надо? Говорите. Достанем. Мы не половинкины дети, как в народе говорят. Пусть наши ребята полностью музыкальное образование получат.

— Класс баяна — это вовсе не значит, что никакого другого инструмента ребята знать не будут, — старался успокоить председателя Кошевой.

— А я всё-таки в Черниговскую музыкальную школу зайду. Желающих учиться у нас десятки. Из города ещё учителей возьмём. Договоримся, чтобы наши ребята, когда нужно, могли на занятия в городскую школу ездить, — не унимался Герасименко. — Ну, а как наш народ вам понравился?

— Ребята замечательные. Андрей Каракуль, например. Показалось мне, что и отец его зажёгся...

Семья Каракулей жила в просторном доме, крытом железом. Во дворе богатое хозяйство: вымистая корова, свинья длиною в полсарайчика с дюжиной поросят, гуси, куры, в саду под вишнями ульи с пчёлами. На что ни посмотришь, во всём чувствуется заботливая рука.

Иван Петрович Каракуль с утра уехал в город и что-то задерживается. Андрей уже все глаза высмотрел, ждёт не дожждётся отца. Иван Петрович обещал купить ему баян. Наконец, он увидел отца. Иван Петрович зачем-то остановился в саду и оттуда делал сыну какие-то знаки, красноречиво показывая глазами на мать, Феню Захаровну. Андрей догадался, что отец хочет, чтобы мать вышла из комнаты.

— Мама! Опять соседская коза в огород забралась! — притворно крикнул Андрей и, когда мать вышла, подал знаки отцу. Тот быстро вошёл в дом. Андрей глянул на отца и с радостью и удивлением воскликнул:

— Ого! Целых два!

— Не шуми! — остановил его отец, опасливо озираясь в коридор. — Помоги один под кровать засунуть...

За этим странным делом и застала их Феня Захаровна.

— Что это вы прячете? — спросила она, и глаза её недовольно сощурились. — Батюшки! Да ты никак два баяна купил? Расточитель! Кому же второй?

— Кому-кому! Себе...

— Дитё малое, — покачала головой Феня Захаровна, но на мужа не рассердилась, привыкла к его чудачествам...

Занятия в музыкальной школе по-настоящему радовали Кошевого. Ему нравилось, что в краткий срок все ребята обзавелись баянами, что все они понятливые, многие с незаурядными природными музыкальными данными. Но Кошевого коробило, что ребята позволяли себе приходить в класс грязнулями. И когда однажды Володя Доман, парень долговязый и казавшийся старше своих лет, опоздал на занятия и, не спросив разрешения, гулко топал к своему месту, оставляя на полу большие мокрые следы от грязных сапог, Кошевой не выдержал.

— Доман! Ты куда пришёл? — строго спросил он Володю.

Володя опешил.

— Сюда, — с трудом выдавил он.

— А что здесь такое? Конюшня?

— Не-ет, — заулыбался Володя, не догадываясь ещё в чём дело и принимая вопросы учителя за шутку, — здесь музыкальная школа...

— Ну вот! — не снижая серьёзного тона, продолжал Кошевой. — Выйди, Доман, из класса и приведи себя в порядок.

Когда Володя, красный и убитый, ушёл, наступила неловкая тишина. И вдруг чей-то звонкий голос произнёс:

— У него мать одна. Он целый день ей в колхозе помогает и дома по хозяйству. Сейчас прямо с поля пришёл...

— Я знаю, что все вы не белоручки, — спокойно ответил Кошевой. — Знаю, что и руки у вас загубели и пальцы плохо гнутся. Но в классе можно и нужно быть опрятным. И не так уж сложно это сделать!..

Летом, жаркими украинскими вечерами, когда на чёрном бархатном небе загорались белым огнём крупные звёзды, слышался, злгушая треск цикад, голос баяна. Сначала это были какие-то отдельные хаотические звуки, точно большой оркестр настраивал инструменты. Но с каждым днём они становились всё мелодичнее.

Долгие часы просиживал за тетрадкой с нотами Андрей Каракуль. Теперь он уже мог разучивать по

нотам «Полонез» Огинского. А много ли прошло времени? Всего каких-нибудь полтора года. У отца же дело подвигалось медленнее. Ну, конечно! У него было гораздо меньше времени. Придёт с конюшни усталый, за целый день намается. Хорошо ещё Андриюшка по хозяйству всё делает. Феня Захаровна тоже только что с поля вернулась.

— Сегодня на сахарной свёкле была. Уста-ала, аж спина ломит, — говорила она мужу. — Целый день внич голову. И ты полежал бы, отдохнул. Ночи-то теперь короткие. А с зорюшкой вставать надо.

— Ладно, мать. У меня свой отдых есть, — отвечал Иван Петрович и шёл к умывальнику.

Мылся он тщательно, щёткой выскребивал грязь из-под ногтей и, только переодевшись во всё домашнее, чистое, брал в руки баян. Это вошло у него в привычку после случая в музыкальной школе с Володиёй Доманом, о котором ему тогда ещё рассказал Андрей.

— Ну, сынок, давай репетировать, — говорил Иван Петрович.

И. И. Кошевой на занятиях в музыкальной школе.

Фото В. Школьного

Они садились рядышком, ставили перед собой ноты и начинали заниматься. Андрей внимательно следил, как играет по нотам отец, и если тот фальшивил, не стесняясь останавливал его:

— Подожди, папа. Это какая нота?

— Ми...

— Правильно. Здесь ми-соль играть надо, а у тебя фа-соль получается!

— Фасоль! — смеялся отец и крутил головой. — А мудрено всё-таки! Давай, сынок, продолжим.

— Давай, папа. Только повнимательнее будь.

А когда у сына с отцом дружно звучала мелодия, в комнату осторожно входила Феня Захаровна. Сидела где-нибудь в уголке, тихонько, чтобы не помешать играющим, перетирала посуду и слушала, а больше любовалась. В её светлых усталых глазах теплилась радость, ласка. Теперь-то она знала, что никакое это не чудачество мужа, а серьёзное увлечение. И Феня Захаровна сама, чем могла, помогала сыну

и мужу. Если ей случалось быть в городе, то по их просьбе она покупала ноты, книги о великих композиторах, песни советских композиторов. Как-то появились в киоске ноты песен Ива Монтана. Стала Феня Захаровна в длиннющую очередь.

— Здесь, бабка, не колбасу дают, — пробовал неудачно пошутить один длинноволосый в узеньких брючках.

Феня Захаровна на него и внимания не обратила. Привезла домой «Ива Монтана» в подарок мужу и сыну. То-то они обрадовались! Не раз слышали они французского певца по радио, и полюбились им его простые песни.

Замечталась Феня Захаровна, так тарелка в руке и повисла. Отец с сыном тем временем играть кончили, посмотрели на мать, спросили:

— Нравится?

— Очень! — от всей души ответила Феня Захаровна.

— Ну, вот что, мать, — сказал вдруг Иван Петрович, — слушай и ты, Андрей. Начал я копить деньги на пианино. Что мы — хуже других? Вон родители Володи Лобода уже не сегодня — завтра покупать его поедут! Мне на нём, может быть, уже и не выучиться никогда, а тебе, Андрей, надо уметь играть.

— А сколько оно стоит, пианино?

— Сколько стоит, столько и заплатим, — ответил Иван Петрович.

Феня Захаровна, конечно, была согласна...

Эх, и быстро же летит время! Не однажды разливалась Десна и звенела вода под селом, закипали белым цветом вишни в садах, опадали жёлтые листья... Подросли ученики Кошевого — у многих уже усы пробиваются. И он старше стал, а вот Герасименко ничуть не изменился. Всё такой же. Сдержал председатель своё слово. Уже не один класс баяна в селе. Ездят в Анисово учителя музыки из Чернигова. Открыли класс фортепьяно, класс скрипки. А теперь, повстречав Кошевого, дружески хлопая его по плечу, Герасименко говорил:

— Купили духовые инструменты. Хотим, чтобы в колхозе у нас свой духовой оркестр был. Седьмого ноября ка-ак жажнем марш — вот настоящий праздник будет!

От села Анисово бежит, вьётся вдаль тонкой лентой пыльная дорожка. Как-то ранним утром ушёл по ней Володя Лобода. Теперь он учится в Киевском музыкальном училище. Разные судьбы у первых учеников Кошевого. Не каждому пришлось пойти по той дорожке. Засматривался на неё и Андрей Каракуль.

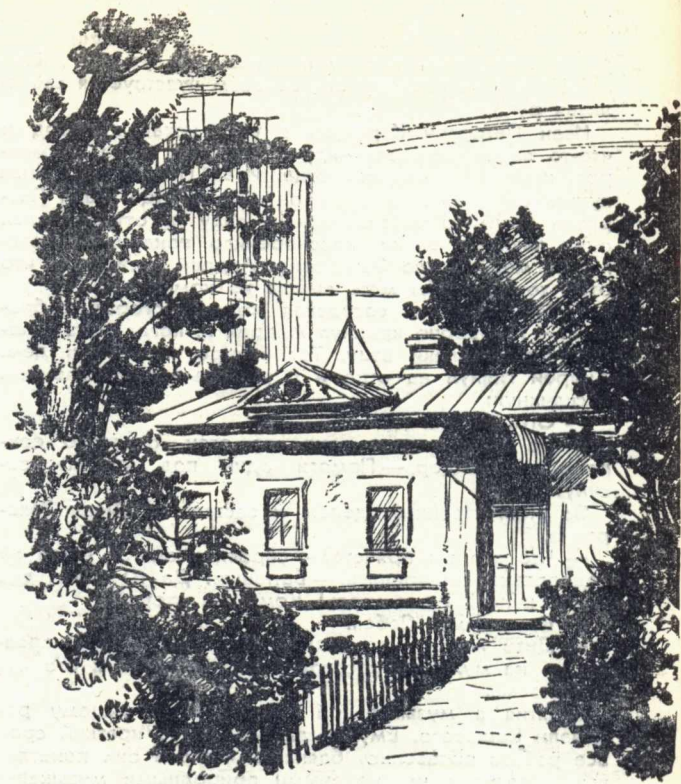
— Поезжай, Андрюша, в Киев, а то и в Москву, — уговаривала сына Феня Захаровна. — Поступишь в консерваторию. Вот уж радости нам доставишь!.. Отец, скажи ты.

Иван Петрович молчал, косился на грамоту, что висела в рамочке на стене: «Похвальный лист Каракулю Андрею за активное участие в районной школьной олимпиаде художественной самодеятельности».

— Не поеду я никуда, — решительно проговорил Андрей. — Я очень люблю музыку. Но чтобы она была всем в моей жизни — такого сказать не могу! Просто я сам стал богаче, красивее как-то жизнь вокруг себя увидел! Но крепко судьба моя с судьбой нашего колхоза переплелась. И девушку я из нашего села полюбил, и работать здесь останусь...

Выйдет теперь после трудового дня Андрей на улицу, запоёт его баян, затоскует. Глядишь, в одной хате быстро дверь открылась, мелькнуло под лунной лёгкое белое платье в саду. А баян уже откликнулся в другом конце, вот где-то ещё, ещё...

Слушал их перекличку Кошевой. Как хорошо, что в украинском селе полюбили русский баян! И не он ли, Кошевой, принёс эту любовь сюда в белоснежные мазанковые хатки в ту памятную буйную весну?..

В МАЛЕНЬКОМ ДОМЕ

Е. МЕЛЬНИКОВА

Одноэтажный домик белеет в глубине укромного, заросшего зеленью двора в одном из бесчисленных переулков Москвы. Где-то рядом бурлит и грохочет жизнь огромного города, а здесь тихо, тихо.

Домик густо населён, но живёт в нём только одна большая семья — отец, мать и их десять сыновей и дочек. Вечерами все в сборе и усаживаются за вместительный стол под широким оранжевым абажуром. На столе — вороха разноцветных шелковых лоскутков и моточков ниток, обрезки фанеры, коробки с пластилином, множество вырезанных из журналов фотографий самых разных китайских строений: фанз, пагод, дворцов, беседок, арок.

Выясняется, что сейчас в доме готовят очень сложную вещь в подарок юноше китайцу, с которым семья ждёт встречи на Всемирном фестивале молодёжи и студентов. Это будет вырезанная лобзиком из дерева нарядная шкатулка, вернее две шкатулки, вложенные одна в другую: внешняя в форме фанзы, с острыми углами крыши, с ажурными верандочками и навесами, внутренняя — в виде белого домика, того самого, в котором готовят этот подарок. Шкатулку гость получит не пустой. В неё семейство вложит письмо, но не написанное на бумаге, а вышитое на семи шелковых подушечках всех цветов радуги: красного, оранжевого, жёлтого, зелёного, голубого, синего и фиолетового. В письме говорится: «Дорогой наш китайский друг! Мы очень рады тебя видеть в нашем родном городе Москве. Прими от нас этот подарок, который мы сделали своими руками с помощью своих родителей.

Нас десять братьев и сестёр. Наших родителей зовут Михаил Наумович и Анна Васильевна. Наши имена — Лев, Юрий, Олег, Иосиф, Валерий, Людмила, Галина, Владимир, Борис, Игорь. Мы все учимся, за исключением младшего братишки Игоря, любим работать, живём радостно и весело, с песнями, танцами, музыкой. Живём мы в Москве, в Безбожном переулке, в доме 17. Наша фамилия — Крупник. Пиши нам письма со своей родины».

Кроме письма, в шкатулку задумано вложить вылепленные из разноцветного пластилина фигурки того, кому будет вручён подарок, и тех, кто его преподнесёт: молодого китайца и всех двенадцати членов семьи.

Под самой лампой хозяйка дома Анна Васильевна, цветущая женщина с лучистыми добрыми глазами, и её хохотуньи дочери Мила и Галя старательно вышивают на шелку письмо своему пока ещё не известному китайскому другу. За их работой, важно наморщив лоб, следит Боря, коротко остриженный серьёзный мальчуган лет одиннадцати. Он поминутно делает им замечания.

— Ой, Мила, — с огорчением говорит он старшей сестре, — у тебя опять получается не китайский иероглиф, а какой-то цветок! Уж больно много ты разных завитушек к нему насажала. Дай-ка я тебе этот иероглиф перерисую заново.

Боря придирчив к работе младшей сестры и даже матери. А вышивальщицы и не думают перечить своему несколько, пожалуй, излишне властному консультанту. Они безоговорочно принимают его критику и делают в работе необходимые исправления. Борис считается в семье специалистом именно по китайским письмам. Он уже давно в своей 7-й железнодорожной школе догоняет учителей и пионервожатых просьбами разузнать, как написать ту или иную фразу по-китайски. В этом мальчугану отказа не встречается.

В семье есть и ещё один знаток китайской культуры. Десятиклассник Ося, юноша с тонким вдохновенным лицом артиста и огрубелыми, покрытыми мозолями руками мастера, очень интересуется архитектурой вообще, а в особенности русской и китайской. Именно ему принадлежала мысль о создании двойной шкатулки, состоящей из русского и китайского домиков.

Неподалёку от Иосифа со штабелем коробок пластилина примостился за столом Валерий. Его в семье ласково поддразнивают: «Наш будущий скульптор». Михаил Наумович даёт ему советы, как лепить фигурки танцующих.

Лучше всего удаются Валерию фигуры людей, совершающих какие-либо движения, — работающих, танцующих, играющих, занимающихся спортом. Поэтому вся семья обрадовалась, когда Валерик предложил «населить» шкатулки-дома «живыми людьми».

Вдруг Михаил Наумович спохватывается. Что это они дают Валерику советы на словах, когда могут показать, как сделать фигурку более правдивой? Отец выходит в другую комнату и возвращается со скрипкой. Тонко запятого конферансье он объявляет, что ансамбль братьев Крупников исполнит китайский народный танец.

Трое мальчиков выбежали на середину комнаты. Скрипач легонько поводил смычком по струнам, подбавляя мелодию, которую слышал от ребят, выступавших в Центральном Доме культуры железнодорожников. Наконец, скрипка нашла и уверенно повела нужную мелодию. А трое удивительно похожих друг на друга братьев — Ося, Вова и Боря — пошли по комнате в красивом, необычайно изящном по пластичности движений народном китайском танце.

Ансамбль церемонно, чисто по-восточному раскладываясь перед публикой и убежал со сцены, то есть в другую комнату. А в это время Лёва вынул из стояв-

шего на полке футляра аккордеон и заиграл огневой венгерский танец. Ансамблю надо было бы отдохнуть, но разве устоишь против такой заразной музыки! И ребята уже вчетвером — Валерик тоже состоит в ансамбле — вихрем влетели в столовую и пустились здесь в такой пляс, что в комнате от сильной вибрации пола стали со смешной игривостью подпрыгивать лёгкие венские стулья. За венгерским танцем последовал русский перепляс, за ним — югославский и румынский танцы.

В самый разгар темпераментной молдавански Анна Васильевна, взглянув на часы, слегка нахмурила брови. Это сразу же заметил Михаил Наумович и дирижёрским знаком заставил замолчать аккордеон. Оборотался и танец.

— А ну-ка, фестивальщики, по спальням! — шутило приказал отец. — Повеселились — и хватит.

«Фестивальщики» переглянулись и вздохнули. Им-то казалось, что они только начали веселиться. Смекалистый Вова мгновенно нашёл предлог ещё хоть немного задержаться. Он схватил Милину шляпку, похожую на феску, и прищипил к её верху лежавший на столе ярко-красный моточек шелковых ниток. Братья и сёстры одобрительно вздохнули согласным хором:

— Ой, Вовка! Вылитый турок!

Анна Васильевна старается придать своему лицу строгое выражение, но её губы невольно расплываются в улыбке. Часы показывают уже сорок минут десятого. А по заведённому в доме порядку вся детвора должна быть в постели в девять тридцать. Пересидели целых десять минут! Но что с этими ребятами поделаешь? Сейчас её мальчишки и девочки прямо живут предстоящим фестивалем. Впрочем, если говорить начистоту, то и они с мужем увлекаются подготовкой к этому событию не меньше, чем молодёжь.

Ребята разошлись по комнатам. А через несколько минут маленький белый домик в тихом переулке погрузился в сонную темноту. День в семье московского железнодорожника, проводника поездов южного направления, Михаила Наумовича Крупника, закончился. Это был самый обычный будничный день. Он у каждого члена семейства был заполнен трудом: у отца — делами в поезде, который готовят к отправке, у матери — хлопотами по дому, у двух старших сыновей — Льва и Юрия — работой на городском такси и занятиями в школе рабочей молодёжи, у остальных ребят, если не считать Игоря, — учёбой в школе. А к вечеру день этой семьи вместил в себя ещё много праздничного веселья.

Так живут Крупники. Любят они во всю силушку людей, вполне здоровых от природы, поработать, а потом весело и культурно развлечься: хором или поодиночке спеть задушевную песню, сплясать так, чтобы, как говорится, небу стало жарко, сыграть какую-либо музыкальную вещь всем семейным оркестром, коллективно сочинить и разыграть коротенькую пьеску. Будничные вечера Крупников так же радостны, как и праздничные.

И вот что самое отрадное и ценное в этой семье: в ней никогда не стареет, не теряет прелести новизны ни одно раз начатое интересное ребячье дело. Михаил Наумович и Анна Васильевна обладают редкостным умением заставить каждого ребёнка изо дня о день двигаться вперёд в избранном занятии, беспрерывно творчески расти и совершенствоваться в нём. Живые, молодые душой, с лёгкостью легко увлекаются всем новым и значительным, чем полна наша повседневная жизнь. Что из того, что каждому из них под пятьдесят? Они могут спеть и станцевать на фестивале, как и у себя дома, не хуже, чем их дети.

Такова эта большая и дружная жизнерадостная семья, обитающая в одном из тихих московских переулков.

Н. ЛЯШКО

Рисунок И. Пахолкова

В 3-м «А» классе учительница Екатерина Петровна Фетисова вела классное родительское собрание. За партами более тридцати отцов, матерей, бабушек.

Направо от стола учительницы за первой партой сидел старик с большой белой бородой и головой Сократа. Он, видимо, с трудом втиснулся за парту и, чувствуя себя стеснённым, часто менял положение. Заметив это, учительница поставила к окну стул и вежливо попросила старика пересесть.

После сообщения об итогах первой четверти Екатерина Петровна ответила на вопросы родителей и затем сказала:

— А теперь, товарищи, послушаем небольшой доклад уважаемого Евлампия Григорьевича. Он воспитывает своего внука Гришу, а с ним ещё четырёх мальчиков и четырёх девочек, учащихся нашего класса. Его питомцы хорошо учатся, примерны в поведении, любознательны и активны. Нам будет очень интересно послушать его доклад.

— Просим, просим! — зашумели голоса родителей. Старик медленно, осторожно подошёл к столу.

— Товарищи, я рабочий-металлист. Вот видите: двух пальцев нет, — и он показал свою левую руку без большого и указательного пальцев. — В старое время станок мне их отхватил. Рабочего стажа у меня пятьдесят пять лет, а всего жизни моей семьдесят пять

лет. Пенсию уже давно получаю. На заводе, где я раньше работал, орудует мой сын — инженер и невестка. Была у меня и старушка, но в тот год, как Грише поступать в школу, она померла. Получилось у нас такое дело: уходим все трое на завод, а мальчонка один остаётся, часто плачет, а иногда со слезами и уснёт при незапертой квартире. Попросишь соседку посматривать, да ведь у каждого свои заботы. Нанимать чужого человека не хотелось, а тут подошло время нашему Гришуке в школу поступать.

Судили мы, рядили своей семьёй и порешили: оставить мне завод, чтобы пестовать внука. В последнее время, правда, у меня стали немного руки сдавать: хочу поплотнее до поточнее резец поставить, а оно не всегда выходит ладно. Словом, сменил я профессию рабочего на профессию воспитателя. Первого сентября отвёл я внука в школу, потом пошёл за ним к концу занятий, привёл, покормил и пошли на двор гулять. Мы и до этого часто выходили, но то было не по плану. Собрались в первый же день к Грише несколько его товарищей из их класса. Стали они играть, а я посматриваю и руковожу. Научил их новой игре.

— Ну, — говорю, — детки, поиграли, отдохнули, подышали чистым воздухом, а теперь и домой пора. Завтра опять также будем отдыхать после школы.

Послушались ребята и разошлись по домам. Так на другой день, на третий... А дальше это вошло у нас в закон: после школы три часа отдыха обязательно на воздухе и в движении. Я всегда в это время с ребятами, но даю им полную свободу. Так создался у нас свой домашний кружок.

В первое время у меня очень болела душа по заводу, да и теперь иногда вижу себя у станка, но... ничего не делаешь. Зато в новой своей должности нахожу большое утешение, привык к ребятам и даже скучаю, когда долго их не вижу. Много у нас интересного в нашей кружковой жизни. Я ведь прошёл две войны: японскую и германскую. Рассказываю им, как брали сопки, как наступали и отступали, как не хотели солдаты воевать, как тяжело тогда жилось бедным людям. Потом велю им побегать, поиграть. По воскресеньям ходим в кино, на набережную, в парк, даже за город. Ходить я ещё горазд!.. Зато в рабочие дни у нас строго. Погуляли, отдохнули, и за работу: на завтра надо приготовить уроки получше, а осталось время — помоги матери, читай, рисуй, выпиливай. С нашей детской библиотекой держим большую связь:

берём книги для общего чтения и отдельно, ходим туда, когда там бывают беседы, а потом сами беседуем.

Часто у нас с ребятами бывают душевные разговоры.

— Дедушка, как люди работают на заводе? — спрашивают они меня.

Я им расскажу: каждый рабочий стоит у своего станка и выполняет свою работу, какая намечена по плану.

— А рабочие не разговаривают, когда работают? — снова вопрос.

— Никто во время работы не разговаривает, никто друг другу не мешает. Если разговаривать да мешать, работа не будет выполнена в срок, а этого нам никто не разрешит, и это будет вредно для нашей Родины.

— А какой станок, дедушка, расскажи, — просят ребята.

Опишу им и станок, — разумеется, чтобы было понятно.

Иногда дети ставят такие вопросы, что впору и взрослому задуматься.

— Дедушка, все люди должны работать? — спрашивают вдруг они.

— А как же, все, обязательно все, — отвечаю.

А они мне называют некоторых уже взрослых ребят у нас в доме, которые и не учатся и нигде не работают.

— Это нехорошо, дедушка, правда?

— Правда, правда, — говорю я, — лодыр — это самый нечестный и нехороший человек.

Трудно даже вспомнить, о чём за год не переговорили!

Зимой навалило снегу горы, но мы своего распорядка не нарушили. Ребята веселятся, играют в снежки, лепят снежную бабу, а я наблюдаю и сдерживаю, чтобы не очень увлекались. Ну, чисто дед Мазай с зайчатами!

Весной ещё веселее стало. Посадило наше домоуправление пятьдесят деревьев, а мы решили за ними ухаживать, поливать. Разделили по пять деревьев на брата, в том числе и на меня. Но где же моим ребятам большие ведра таскать? Прошу родителей: помогите нашему горю. Спасибо, один из родителей — председатель артели Иван Петрович Первухин — помог нам: сделал девять небольших ведёрок с лейками. Пошла у нас работа! Мамаши помогли вскопать грядки, а мы сами посадили цветы. Скоро деревья принялись, зазеленели. Выросли и цветы. Радуются ребята, и я с ними.

Всё лето мы поливали цветы и деревья, гуляли и читали книги в тени от наших же деревьев, ездили за город.

Только вот однажды весной случай у нас приключился, чуть всё не поломал нам. Дело было в день поминок мёртвых, когда на кладбище делается такое, чего детям совсем не надо видеть.

Каждый год старушки, мамы в день поминок отправляются на кладбище и тянут за собой детей. Я решил повести борьбу против этого. Побеседовал с детьми и велел им на завтра пораньше собраться: пойдём на пристань смотреть новый пароход.

— Пароход, — говорю, — новый, красивый, и вода в реке большая идёт от таяния снега, посмотрим.

Ребята пришли раненько, все хорошо одеты и в пионерских галстуках. Идём дружно, весело, и у меня, старика, так хорошо на душе.

Вдруг из проулка четыре старушки, и всё — бабушки наших ребят. Тревожно забилось у меня сердце, однако иду бодро и не показываю вида. Старушкам

надо влево, а нам прямо. Старушки повернули, дети идут за мной, но замечаю, у некоторых в глазах соблазны: не пойти ли на кладбище, куда ходили каждый год? Однако идём все твёрдо. Я тихонько посмеиваюсь себе в бороду. Только вдруг мои ребята остановились и подняли шум:

— Игорёк, Игорёк! Идём с нами на реку новый пароход смотреть и большую воду! Игорёк!...

Оглянулся и вижу: на перекрёстке стоит недавно к нам приставший мальчик Игорь Барышников. Стоит и поглядывает то в нашу сторону, то на бабушек. А те, слышу, кличут его, внуков, машут им руками и платками: пошли, мол, с нами на кладбище.

Вдруг Игорь сорвался и бегом к нам. Ребята обрадовались, обнялись и все побежали вперёд. Тут у меня отлегло от сердца: моя взяла!

В тот день мы хорошо погуляли: увидели, как идёт полая вода, как она разливается от левого берега по равнине. Увидели и новый пароход. На обратном пути дети мне несколько раз говорили: «Хорошо, дедушка, что мы не пошли на кладбище».

— А мне бабушка грозила пальцем, да я не боюсь, — подбадривал себя Игорёк.

— А ты ей скажи, что много интересного видел, — поддерживал его Борис Климов. — Хочешь, я к тебе приду и мы твою бабушку уговорим?

— Как идёт большая вода, даже страшно! — воскликнула Варя Первухина. — И доски несёт, и камыш, и даже бочку какую-то...

— А почему она называется верховая? — спросила Тоня.

— Верховая, — пояснил ей Борис, — значит течёт с верховьев реки к нам. Понимаешь? У нас снег уже стоял, а там снег только начал таять. Слышала, что дедушка говорил?

...Вот третий год работаю с внуком, и что удивительно: до этого я сам в грамоте слабоват был, а теперь окреп в науках. Но часто беспокою Екатерину Петровну разными просьбами, боюсь, чтобы не наделал ошибок. Сын и невестка тоже нам помогают. У нас в кружке уже не девять ребят, а двенадцать: двое прибавилось из четвёртого класса, а одна мамаша прикрепилась к нам сына даже из пятого класса. На днях мы собираемся сфотографироваться — ребята в пионерских галстуках, а я с моей большой белой бородой. Хотят ребята и мне одеть пионерский галстук.

По нашему примеру в соседнем домоуправлении тоже создали такой же кружок. Руководитель им Мария Васильевна Доброхотова, жена полковника Доброхотова. Она со мной советуется и равняется по нашему кружку. Ребята радуются этому и гордятся.

Евлампий Григорьевич помолчал и закончил так:

— Боюсь, граждане, что утомил я вас. Не обессудьте, если не так какое слово сказал, а только я так думаю: наши дети зачастую придут из школы и бегают до позднего вечера. А где бегают? Что видят и слышат там? Чем там занимаются? Чем это может кончиться? Не все, конечно, а всё же есть ещё родители, которые рады, когда ребёнок не мозолит глаза, как они говорят, и отпускают его на все четыре стороны.

— Правда! — послышалось из рядов родителей.

— Душевно вас прошу, граждане, уделяйте больше внимания вашим детям, прислушивайтесь больше к советам учителей: будет хорошо и вам и вашим детям.

— Спасибо вам, Евлампий Григорьевич, за ваш доклад, — сказала учительница.

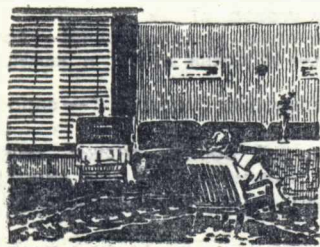
— Спасибо! Спасибо! — благодарили родители

г. Ростов-на-Дону

Автор настоящей статьи, молодая французская коммунистка Мишлин Лошак, приехала в СССР вместе с мужем, физиком-теоретиком, направленным в Москву на определённый срок в порядке обмена молодыми научными кадрами между СССР и Францией. В статье, написанной по просьбе редакции, автор рассказывает о годах своего детства и юности, ярко показывает, как сила передовых общественных идей современности побеждает фальшь и ограниченность буржуазного воспитания.

ОБО МНЕ САМОЙ И МНОГИХ ДРУГИХ

Мишлин ЛОШАК

ГОДЫ ДЕТСТВА

Годы моего детства, омрачённые войной (я родилась в 1936 году), протекали тем не менее в безмятежной обстановке, лишённой всяких материальных забот. Мои родители, честные, простые и милые люди, поддерживали отношения с узким кругом друзей и очень слабое участие принимали в политической жизни нашей страны. Большие социальные проблемы нашего времени трогали их очень мало. Существование Народного фронта в 1934—1936 гг. они пережили скорее как зрители; никогда я не слышала, чтобы о нём говорили в доме.

Их главной заботой было счастье и благополучие нас троих. Я была тогда единственной дочерью; мама, гордившаяся моими успехами в школе, всем расхваливала мой ум. Между тем уже в школе мне пришлось соприкоснуться с бедностью. Прежде чем поступить в лицей, я посещала до 11 лет начальную коммунальную школу в нашем квартале.

Обычно я занималась и играла вместе с дочерьми владельцев булочной и бакалейной лавки, у которых мы делали покупки. Моей лучшей подругой была дочь вышивальщицы и счетовода. Мы представляли собой группу хорошо одетых, всегда аккуратных девочек из обеспеченных семей.

Подлинная бедность, бедность тех детей, которые являлись в школу в грязной и рваной одежде, отталкивала меня. Правда, я всегда слышала от мамы, что не нужно быть гордой, что со всеми нужно быть одинаково ровной и вежливой. Но в то же время я знала, что она не была бы довольна, если бы я привела в дом одну из этих бедных девочек, употребляющих грубые слова и (какое преступление!) не имеющих носового платка.

Одиннадцать лет я поступила в лицей Жанны д'Арк. Город Нанси, где мы жили, — типичный провинциальный город. Дети из так называемых «хороших семей» должны были посещать лицей, если семья неверующая, колледж или духовные учебные заведения, если семья религиозная.

Все окружавшие меня в лицее дети были из буржуазной среды, а несколько девочек даже из аристократических семей. Что же касается дочерей рабочих — их было очень мало: книги и плата за обучение ребёнка стоят дорого! В высших учебных заведениях, например, всего 2% детей рабочих. Эта цифра говорит сама за себя.

Должна признаться, что я себя прекрасно чувствовала в лицейской среде. Но даже тогда, будучи ещё маленькой девочкой, я часто возмущалась при виде соучениц, которые гордились тем, что подруги видят их у дверей лицея, выходящими из шикарного автомобиля своего отца. Мне неприятны были их манерные движения, которые они подглядели в салонах своих матерей, как и церемонные телефонные звонки, которыми обменивались сами матери, если их дети просто хотели поиграть друг у друга.

Так как я была хорошей ученицей, меня повсюду приглашали, и мой детский изучающий взгляд нередко подмечал предрассудки этого общества. Иногда я с удовольствием встречалась с моими старыми подругами по коммунальной школе, которые не учились в лицее.

Жозетта, дочь вышивальщицы, в 14 лет потеряла свою мать, и это ухудшило положение семьи. Вскоре она поступила ученицей на фабрику белья. Итак, она начала свою жизнь работницей, а я продолжала жизнь девушки из обеспеченной семьи. Тем не менее наша дружба не оборвалась. Пример Жозетты впервые столкнул меня с фактом существования постоянной борьбы за то, чтобы заработать на жизнь. Меня, которой никогда не касалась никакая материальная забота, он заставил глубоко призадуматься.

В нашем лицее по обычаям христианской морали практиковалось покровительство, которое даже при добрых намерениях смахивает на самую отвратительную благотворительность. Каждый класс имел свою «крестницу», которая выбиралась из среды самых бедных детей города. Принося ей одежду и лакомства, мы должны были стараться немного скрасить её нищету. На рождество мы готовили ёлку с подарками. Я должна подчеркнуть, что мы тогда были ещё детьми

и что мы действительно от всего сердца хотели принести какую-нибудь радость нашей маленькой крестнице. Но я вспоминаю также лёгкое выражение отращения на наших лицах, когда мы должны были навещать её в одном из самых бедных кварталов Нанси. Дом был убог, лагуха без света и воды. Восемь детей жили в единственной комнате, мать почти постоянно была больна, отец всё время слонялся по улицам в поисках заработка.

Эта атмосфера нищеты нас угнетала. Мы могли немножко приласкать девочку, мы приносили ей конфеты; мы даже водили её много раз в цирк и кукольный театр. Но как жестоки были эти мелкие радости, которые затем заставляли её ещё острее почувствовать убожество своей повседневной жизни!

Я помню, как рада была вновь очутиться в нашей тёплой, хорошо освещённой, уютной квартире. Как будто я вышла к солнечному свету, оставив за собой ночной мрак. Со спокойной совестью (я ведь действительно была очень доброй по отношению к нашей крестнице, раз отнесла ей конфеты и шоколад!) старалась поскорей забыть всё это

ПЕРВЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Между тем эта детская безмятежность незаметно разрушалась воспоминаниями, первыми смутными размышлениями. Война оставила во мне свой след, так как она метит калёным железом всякое существо, которое её пережило, как бы молодо оно ни было. Моя детская логика соединяла со словом «война» понятия жестокости, истребления. Но тогда почему французы вели войну в Индокитае? И только ли немцы должны нести позор за то, что виноваты в возникновении войны в Европе?

В 13—14 лет я начала читать газеты и слушать вместе с отцом известия по радио. Конечно, газета, которую читали у нас в доме, была не «Юманите». Мой отец, человек честный и придерживающийся поэтому левых взглядов, тем не менее читал реакционную газету, не потому, что она ему нравилась, а потому, что это газета наиболее распространённая в Лотарингии. Вот куда заводит сила привычки! Таким образом, я была в курсе важнейших политических событий, но, конечно, не умела их правильно оценивать и почти целиком принимала точку зрения отца. Впрочем, отец был для меня в политике, как и в повседневной жизни, образцом искренности и честности. И впоследствии, когда между нами возникли крупные расхождения в вопросах политики, я использовала его собственные доводы, чтобы показать ему, что тоже не могу идти на уступки и служить моим идеям лишь наполовину.

В то же время я никогда ничего не слышала об Октябрьской революции. Я смутно знала, что по ту сторону Германии есть ряд стран, политический строй

которых отличается от нашего. Атмосфера «холодной войны», знаменитый «воздушный мост» над Берлином, всё, что без конца повторяли вокруг о коммунистическом мире,— всё это пугало меня. Я чувствовала облегчение и радость от сознания, что живу в мире, называемом «свободным». Но передо мной вставали некоторые противоречия: если коммунистический мир так ужасен, почему же целый народ (Китай) вёл войну за то, чтобы установить у себя такой же режим? Победоносная война за освобождение, которая закончилась в Китае, вызывала уважение и восхищение. Я была поражена этим фактом.

Франция — страна буржуазной демократии, и детям своим она даёт буржуазное воспитание. Если предмет ведёт не учитель-коммунист или просто прогрессивно настроенный, то история, например (а она ближе всего моему сердцу, так как является моей специальностью), преподносится таким образом, что, расхваливая, скажем, нашу великую революцию 1789 года, в то же время представляют Робеспьера кровавым чудовищем. Подобных примеров можно привести бесчисленное множество.

Несмотря на то что воспитание детей во Франции и проникнуто буржуазным духом, оно не может помешать блеску всей нашей национальной культуры. И во время моей трудной эволюции, когда я была одинока, лишена помощи моих родителей, моей среды, Мольер, Декарт, Дидро и другие гении Франции были теми великими друзьями, которые мне помогли.

Я никогда не верила в бога. По мере того как я росла, читала, всё больше укреплялся во мне инстинктивный материализм, источником которого являлась безграничная любовь к жизни во всех её реальных, земных проявлениях. Но, как и всякому подростку, мне нужен был идеал. Где и как его найти? Я была одна, без помощи. Окружённая друзьями, лелеемая любовью моих родителей, я всё же чувствовала себя страшно одинокой.

Мои родители ограничивались тем, что любили меня и оберегали от всяких забот. Сами-то они стадикивались с заботами, которые приносит повседневная жизнь, и мама мне часто повторяла, что я должна прежде всего пользоваться прелестной беззаботностью молодости, и зачем же придумывать какие-то проблемы?

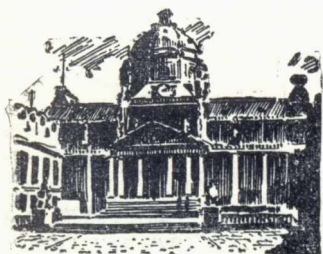
Вскоре я замкнулась в себе. Развлечений в кругу друзей стали казаться такими пустыми, что сделались для меня невыносимыми. Длинные разговоры об искусстве, которые я так любила вначале, теперь предстали перед моими глазами в истинном свете, и я пришла в ужас от этого жонглирования словами, от этих фраз-сентенций. Кому, чему посвящать свои интересы? Людей, которые меня окружали, совершенно не интересовал вопрос о смысле жизни. Они довольствовались тем, что просто жили. Они страдали, развлекались, спали, ели, работали и, кажется, не были возмущены тем, что их жизнь — просто ряд дней, следующих один за другим.

Во время моих отчаянных исканий суждения, которые я выносила, были, конечно, преувеличенно строги и даже несправедливы, но я думаю, что они были правильны в своей основе. Этот духовный кризис времён моей юности был ужасен. По прошествии нескольких месяцев я заболела. Я не могла ничего есть. Даже безумная любовь матери оказалась бессильной. И лишь любовь к жизни, так глубоко и нерушимо укоренившаяся во мне, спасла меня.

Мало-помалу я вышла из этого кризиса, ослабевшая, не знающая по-прежнему, на что направить свои интересы, но увлекаемая каким-то непреодолимым порывом. Я чувствовала в себе эту огромную силу, но причин и следствий её абсолютно не понимала.

Мне было тогда 18 лет, и я только что окончила лицей. Встал вопрос о дальнейшем направлении моих занятий. О том, чтобы их вообще оставить, я не хотела и думать. Что бы мне тогда осталось? Я выбрала институт политических наук, так как меня уже тогда интересовала и привлекала политическая экономия, история великих социальных и политических учений. Во Франции существует только один подобный институт, он находится в Париже.

И я начала дома борьбу за то, чтобы уехать в Париж. Борьба была очень тяжёлой. В конце концов мои родители поняли, что должны меня отпустить, и то, что я ищу, могу найти, лишь покинув слишком комфортабельный семейный очаг, в котором задыхаюсь, что мне нужно узнать подлинные трудности, побывать в жизненных переделках. Они поняли, что раз не смогли мне помочь, то не имеют права удерживать меня силой. За эту свободу, которую они мне в конце концов предоставили и которая позволила мне найти мой путь в жизни, я буду им всегда безмерно благодарна.

Я ЕДУ В ПАРИЖ

Итак, в октябре 1954 года я приехала в Париж. Я чувствовала, что оставляю позади целый период моей жизни. Тот же, в который я вступала, обещал много трудностей, но как он был увлекателен! А главное, я чувствовала сознание ответственности перед собой. Отныне я была ответственна за свои поступки.

С первых же дней я должна была преодолевать бесчисленные трудности, с которыми сталкиваются студенты, оторванные от своих семей. Невозможно найти комнату, так как цены на них — астрономические. Домовладельцы Латинского квартала пользуются положением. А стипендии получает лишь небольшая часть студентов.

В таких обстоятельствах многим студентам приходится работать ночью или в свободное время; туберкулёз и нервные заболевания свирепствуют среди учащейся молодёжи. Дешёвая еда, которую подают в студенческих ресторанах, плохого качества и недостаточна для молодых людей с нормальным аппетитом, троящих много умственных и физических сил. Я лично принадлежала к числу привилегированных, так как каждый месяц мои родители присылали мне более чем достаточную сумму. Но вокруг себя я видела все эти возмутительные факты, тоже принуждена была долго искать комнату, ела эту же пищу, должна была привыкать обходиться без удобства. Прощайте, ванная комната, служанка, стиравшая моё бельё, и прочие спутники моего детства!

В Париже я жила одна, у меня было мало знакомых и друзей, но зато много трудностей. Вот почему в первые месяцы у меня так велико было искушение вернуться домой. Между тем нужно было продолжать

борьбу. От этого зависела вся моя будущая жизнь. Ясно видела, что, если капитулирую, передо мной откроется обычная буржуазная жизнь. Разве её я искала? Нет и тысячу раз нет!

В институте я вновь встретила ту среду, от которой только что убежала из Нанси. В самом деле, этот институт по большей части посещают студенты из богатых семей, которым предназначается стать крупными государственными чиновниками.

Одновременно я усиленно изучала историю для поступления в Сорбонну. Моя мечта исполнилась, и я вскоре оставила институт и перешла в Сорбонну, где студенческая масса очень симпатична и привлекательна. Там общаешься с самыми различными типами людей: усидчивые студенты, которых интересуют только их занятия и которые приходят, чтобы выслушать лекцию, и уходят тотчас после неё; краснобаи, которые заводят бесконечные споры на любую тему; студенты-католики, которые стараются обратить вас в свою веру; студенты без всяких политических убеждений; недовольные; сыновья и дочери из буржуазных семей, которые учатся, чтобы провести время, не зная чем ещё заняться; активисты-социалисты, радикалы, коммунисты и даже несколько фашистов. Довольно многочисленные студенты-коммунисты развивают в Сорбонне кипучую деятельность. Петиции и подписные листы циркулируют по аудиториям. Перед началом лекций или после них, а иногда во дворе во время перерыва произносятся речи, возникают дискуссии. Я с жаром включилась в общую студенческую жизнь.

Война всегда казалась мне бичом, против которого обязан бороться всякий человек. Поэтому для меня не представляло никакого затруднения примкнуть к движению сторонников мира. Но трудности возникли, когда надо было принять активное участие в общественной работе. В течение одного или двух месяцев во мне происходила глухая борьба. Я, конечно, хотела быть борцом за мир, подписывать петиции, которые мне давали, даже ходить с делегацией в сенат или национальную ассамблею. Но самой убеждать других, подвергаться риску, сносить отказы, оскорбления, просить денег на выпуск брошюры, раздавать листовки, короче говоря — делать всю работу активиста — это было слишком. Сдерживаемая тысячью предразсудков, всем моим воспитанием, я хотела принимать участие в борьбе за мир, но не быть обязанной активно работать. У меня тогда было ещё много идеологических расхождений с коммунистами, и к тому же это был мой первый год в Париже. Я открывала все богатства Парижа, ходила в театры, на концерты, посещала музеи и выставки, гуляла по парижским улицам, читала. Мне не хватало времени, чтобы познать Париж, этот город, под очарование которого я уже попала. С двумя студентами-коммунистами, с которыми я ближе познакомилась, мне хотелось говорить не о политике, а о чём-нибудь другом. Но моим однокурсникам было по 18—19 лет, они сами ещё только со всем пылом познавали, что такое деятельность активиста, борца, и бросались в неё очертя голову. Они были слишком молоды, чтобы действительно помочь мне разрешить некоторые идеологические проблемы. Для меня тогда вступить в партию значило ещё принести в жертву мою личную свободу, а они не умели объяснить мне то, что Жюлио Кюри сумел высказать так просто и хорошо: «Никогда ещё я не чувствовал себя таким свободным».

Тем не менее все эти сдерживающие факторы, как бы они ни были значительны, показались мне мешающими в тот день, когда нужно было вступить в борьбу. Могла ли я покинуть студентов-коммунистов в тот момент, когда они дрались с фашистами, нападшими на продавщицу «Юманите»?

РЕШАЮЩИЙ ШАГ

В день 21 февраля, когда происходит традиционная студенческая демонстрация против колониализма (в этом году она была запрещена), я в первый раз вышла на улицу бок о бок со студентами-коммунистами. Что-то более сильное, чем все мои рассуждения, какая-то моральная честность, которую я не могла подавить в себе, заставила меня примкнуть к их борьбе против фашистов и полиции. Другие прогрессивные студенты поступили точно так же. После демонстрации, которая была очень бурной, так как фашисты осадили зал, где происходил митинг, что-то во мне изменилось. Идти рядом с коммунистами стало для меня недостаточным, я должна была быть всегда вместе с ними, даже тогда, когда их могло и не быть рядом со мной. Отныне их борьба стала моей.

Я не сразу вступила в партию. Я ещё не чувствовала себя достаточно подготовленной, чтобы взять на себя такую ответственность, но я знала, что вопрос теперь для меня решён. Я нашла то, что беспокоило искала в течение последних лет.

Начала активно вести общественную работу. Я даже два раза продавала «Юманите», и ещё с какой гордостью это делала!

Учебный год закончился. Я сдала экзамены и уехала на каникулы, а по возвращении вступила в ряды Французской коммунистической партии. Очень многие пытались переубедить меня, доказать, что я совершила безумный поступок. Друзья старались «из хороших побуждений» оказывать на меня давление, говоря об огорчении, которое я причиняю своим родителям. Одна дама, которая покинула Москву в 1945 году, очень пространно рассказывала мне об СССР и обо всём, что там есть плохого. Она осмеливалась говорить мне это, она, которая, не колеблясь, покинула свою страну в тот момент, когда СССР, покрывший себя славой в боях и вышедший из войны раненным и измученным, так нуждался в каждом своём гражданине, чтобы залечить свои раны! Несмотря на мой небольшой опыт, мне было до смешного легко восторжествовать в споре с такими противниками.

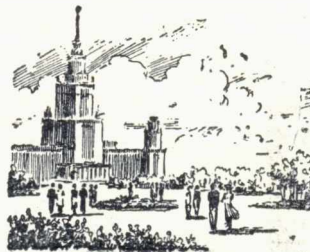
Мои родители были сильно огорчены. Мать, которой, конечно, рассказывали, что я участвую в демонстрациях, продала «Юманите» на улицах и т. д., жила в страхе, чтобы со мной что-нибудь не случилось. Мой отец рассматривал моё вступление в партию как необходимый поступок, вызванный энтузиазмом, свойственным молодости. Между нами происходили бесчисленные дискуссии на политические темы. В момент венгерских событий между нами произошёл жестокий спор. Но мало-помалу отец научился относиться ко мне как к политическому противнику, а не как к юной дуручке. Придётся день, когда слово «противник» станет, может быть, даже слишком сильным. С тех пор как я добилась его уважения, он верит мне. Он даже познакомился с несколькими коммунистами, и некоторые мифы уже разоблачены в его глазах. Он по-прежнему антикоммунист, но я знаю, что он сейчас ждёт

нашего возвращения из СССР и поверит тому, что мы ему расскажем.

Я тоже верю ему, его честности. Я не порвала и с моими старыми друзьями. В течение двух лет между нами происходили многочисленные споры. Борьба с предрассудками, с буржуазной средой и её моралью трудна, но эта борьба не безуспешна. Я только что получила письмо от одной подруги, студентки-медички, которая сообщает мне о своём вступлении в молодёжную коммунистическую организацию. Разве это не великолепно?

Не могу рассказать в нескольких словах об этих двух годах, которые прошли с момента моего вступления в ряды компартии. Нужно исписать бесчисленные страницы, чтобы поведать о борьбе, которую ведёт наша партия, в частности в Латинском квартале, о том, как она растит своих активистов, как она учит своих активистов буржуазного происхождения (пусть их ещё немного!) бороться, трудиться для обновления, для возрождения нашей страны.

Я рассказала о себе потому, что меня об этом попросили. И я постаралась сделать это как можно более просто, так как мой пример не представляет собой ничего выдающегося.

РАССКАЗАТЬ ПРАВДУ — РАЗВЕ НЕ САМОЕ УБЕДИТЕЛЬНОЕ?

С момента моего приезда в СССР я много раз думала о своих впечатлениях. Ведь я увидела здесь не только новое, социалистическое, но и остатки старого: жилищные и другие трудности, отдельные ещё тёмные стороны быта. Я, молодая коммунистка, приехала в СССР, имея о нём слишком схематическое представление, и моё отношение к нему было подобно страсти подростка к прекрасной даме его мечты. Но думаю, что всякой страсти можно предпочесть основанную на действительном знании глубокую любовь, которая не боится трудностей.

На улицах мне случалось думать, глядя на автомобили: «Быть может, они менее элегантны, чем французские машины, но они вышли из социалистических заводов, и это самое важное».

Я иногда спрашиваю себя, сколько героев труда, бывших партизан встречаю в этой толпе, которая меня толкает, среди этих людей, быть может, не столь утончённых, как люди парижской толпы, потому что они работают более напряжённо. И как я бываю взволнована, когда представитель советского народа, перенесшего столько страданий и лишений, показывает мне с гордостью, как это сделал один шофёр, то, что уже создано, и говорит: «Всё это наше, сделано нами, и наши дети и наши внуки продолжат то, что делаем мы».

Я думаю, советские друзья, что, вернувшись во Францию, смогу без страха взять на себя ответственность рассказать о СССР. Из честности и из уважения к моим слушателям я не буду им рассказывать сказки. Из уважения и восхищения перед Советским Союзом и особенно из дружбы к нему я просто расскажу о советской действительности.

Рассказать правду — разве это не самое убедительное?

Перевела Ю. Богуславская

НАШИ ГОСТИ

Г. МАКСИМОВ

С фотографии смотрит очаровательная девушка с тонкими чертами лица, умными, чуть-чуть задумчивыми глазами и пышной причёской на голове. Внизу фотографии мелким убористым почерком написано:

«Читателям газеты «Фестиваль» с пожеланием приветствовать их на прекрасной встрече в Москве в 1957 году. Пусть во всём мире наступят мир и дружба.

Росио Сагаон»

Долгий и длинный путь проделало письмо с этой фотографией. Оно пришло в Москву из далёкой Мексики. Росио Сагаон — молодая, но уже очень популярная в своей стране балерина, одна из руководительниц известной танцевальной группы «Балет Контемперано» («Современный балет»). Молодая актриса активно участвовала в подготовке к фестивалю, ей поручено руководить танцевальной группой мексиканской делегации.

— Добро пожаловать, дорогие гости, в Москву, — говорят советские люди Росио Сагаон, тысячам и тысячам её сверстников и сверстниц из всех стран мира.

Как ни ухитрились враги мира и демократии, они оказались бессильны помешать международной встрече молодёжи. Папа римский назначил на те же сроки, что и московский фестиваль (с 28 июля по 11 августа), слёт католической молодёжи мира в Риме. Государственный секретарь США Даллес отдал команду своим послам в странах, входящих в НАТО, нажать на правительства этих стран, чтобы они всячески препятствовали поездке молодёжи в Москву. Дважды обсуждала вопрос о VI фестивале такая, казалось бы, далёкая от фестивальных дел организация, как НАТО. А сколько лжи и клеветы ежедневно изрыгает по поводу московской встречи молодёжи реакционная печать Запада! Она пугает молодёжь коммунистической пропагандой, чудовищными страхами и ужасами. Но все они бессильны погасить зажжённый молодёжью костёр дружбы. Идеи фестиваля, его благородный девиз — мир и дружба — завладели миллионами юных сердец.

«Руки, которые соединятся в крепком пожатии на фестивале, могут стать кулаком, несущим удар по поджигателям войны», — гласит в письме одного

западногерманского юноши. Его соотечественник, молодой рабочий из Гамбурга, заявляет: «Я штукатур, и я верю, что если на фестивале встретятся мои коллеги со всего мира, они будут говорить, конечно, не о разрушении, а о созидании».

Есть и ещё одна великая притягательная сила фестиваля. Это то, что он состоится в Москве, столице первого в мире социалистического государства, которое вскоре будет отмечать свой 40-летний юбилей.

«Вы не можете себе представить, что значит для каждого из нас Москва и ваша Родина, — пишет наш зарубежный друг. — Моя любовь к Советской стране, к советским людям — борцам за освобождение и счастье человечества — не знает границ».

Так говорят, так думают миллионы молодых людей во всём мире.

Недавно в редакции газеты «Фестиваль» пришло письмо с острова Маврикия, что затерялся в Индийском океане. «Я очень интересуюсь Московским фестивалем», — пишет Дж. К. Уинг. — Мы увидим в Москве гостей из Дакара и Бамако, Уагадугу и Абиджана, Убанги-Шари и Камеруна. И, конечно, особенно мы будем рады пожать руки нашим друзьям из великого Китая и других стран народной демократии.

Труден будет путь многих наших друзей на фестиваль. Чтобы приехать, например, из Чили в Москву, молодой рабочий должен затратить десятимесячный заработок. А есть и такие страны, откуда проезд до Москвы обойдётся в четырёх- и пятигодичный заработок! Ещё труднее приходится молодёжи колониальных и зависимых стран.

Но разве это может остановить горячие молодые сердца? Устраиваются концерты, лотереи, базары, сбор от которых идёт на финансирование поездки. Чтобы помочь молодёжи колониальных и зависимых стран приехать в Москву, юность мира объявила сбор средств во Всемирный фонд фестиваля.

Давайте познакомимся с некоторыми делегатами фестиваля. Вот токарь станкостроительного завода в Лондоне Сидней Симонс. Ему 30 лет, родился он на Ямайке, в Англии живёт больше 4 лет. В прошлом году он побывал в международном молодёжном лагере в Бельгии и там условился о встрече с товарищами по лагерю в Москве.

— Я объехал весь свет и всегда на-

деялся, что когда-нибудь наступит и моя очередь посетить Москву и встретиться с москвичами,— говорит Симонс.

А вот ещё один английский делегат Колин Морган из Суонси. Он активный член местной организации лейбористской партии и секретарь отделения профсоюза.

— Я узнал,— говорит он,— что дружеский взгляд, рукопожатие и улыбка одинаковы у всех народов и понятны всем, несмотря на разницу в языке, религии и цвете кожи.

Нельзя не поведать читателям ещё об одной горячей поборнице международной встречи молодёжи — мужественной американской девушке — балерине Барбаре Перри. Когда Барбара увидела фильм о Варшавском фестивале, она твёрдо решила, что американская молодёжь должна принять участие в Московском фестивале. Она обратилась с письмом к государственному секретарю Даллесу и вице-президенту Никсону, чтобы они разрешили эту поездку, но получила отрицательный ответ.

— Они совершенно неправильно относятся к фестивалю,— сказала мисс Перри корреспонденту «Дейли Ньюс». — Мы, американцы, не сможем высказать русским своё мнение, пока не встретимся с ними. Но мы не в состоянии сделать это, находясь по разные стороны океана.

И Барбара Перри продолжает свою борьбу за то, чтобы американская молодёжь поехала на фестиваль.

Перед нами письмо из Австрии. В нём рассказывается о первых делегатах фестиваля. Это — рабочие, студенты, школьники, артисты. Открывает список Эвальд Нойффер. Он работает в промышленном городе Айзензру. Эвальду 29 лет, он беспартийный, и его больше всего волнуют встречи по профессии. Его мечта — встретиться на фестивале с молодыми шахтёрами всех стран, осмотреть московское метро и побывать в оперном театре нашей столицы. «Дружба, родившаяся на фестивале, сломает все железные занавесы», — заявляет он.

Его соотечественница Генриэтта Эмер завоевала право поехать в Москву своей энергичной работой по подготовке к фестивалю. По профессии она продащица в магазине. Чтобы собрать деньги на поездку в Москву, она отказалась от посещения кино и театров. Генриэтта очень хочет лично посмотреть, как живёт советская молодёжь, и будет счастлива побывать в колхозе. Нелегко было собрать деньги для поездки и Гюнтеру Леберу. Он ещё совсем молод, ему 16 лет, и учится он в школе города Грац. Его друзья по организации Свободной австрийской молодёжи оказали ему высокую честь, избрав делегатом. Они же помогают ему денежными взносами. Какие планы у Гюнтера? Он хочет как можно лучше познакомиться с советской молодёжью, узнать, как она живёт и трудится. Вот почему он сейчас усиленно изучает русский язык. И не

только он. Гюнтер увлечён этим делом всех делегатов из города Грац. Они уже одержали первые победы. Их словарный запас растёт с каждым днём.

— Нашему Вальтеру Иоханну просто везёт,— говорят о своём сверстнике друзья по работе. Да, ему действительно везёт. Вальтер был на Варшавском фестивале, а теперь едет на Московский. Он — беспартийный, работает гравером. Приедет в Москву Вальтер не с пустыми руками — он каждый день изготавливает маленькие подарки, которые вручит своим новым друзьям. Занята изготовлением подарков и делегат фестиваля из Фонсдорфа Хельга Хапи. Хельге 18 лет. Вечерами, после работы, она вместе с друзьями и подругами из Союза свободной австрийской молодёжи приходит в условленное место, и там все вместе они шьют, строгают, соревнуются в мастерстве.

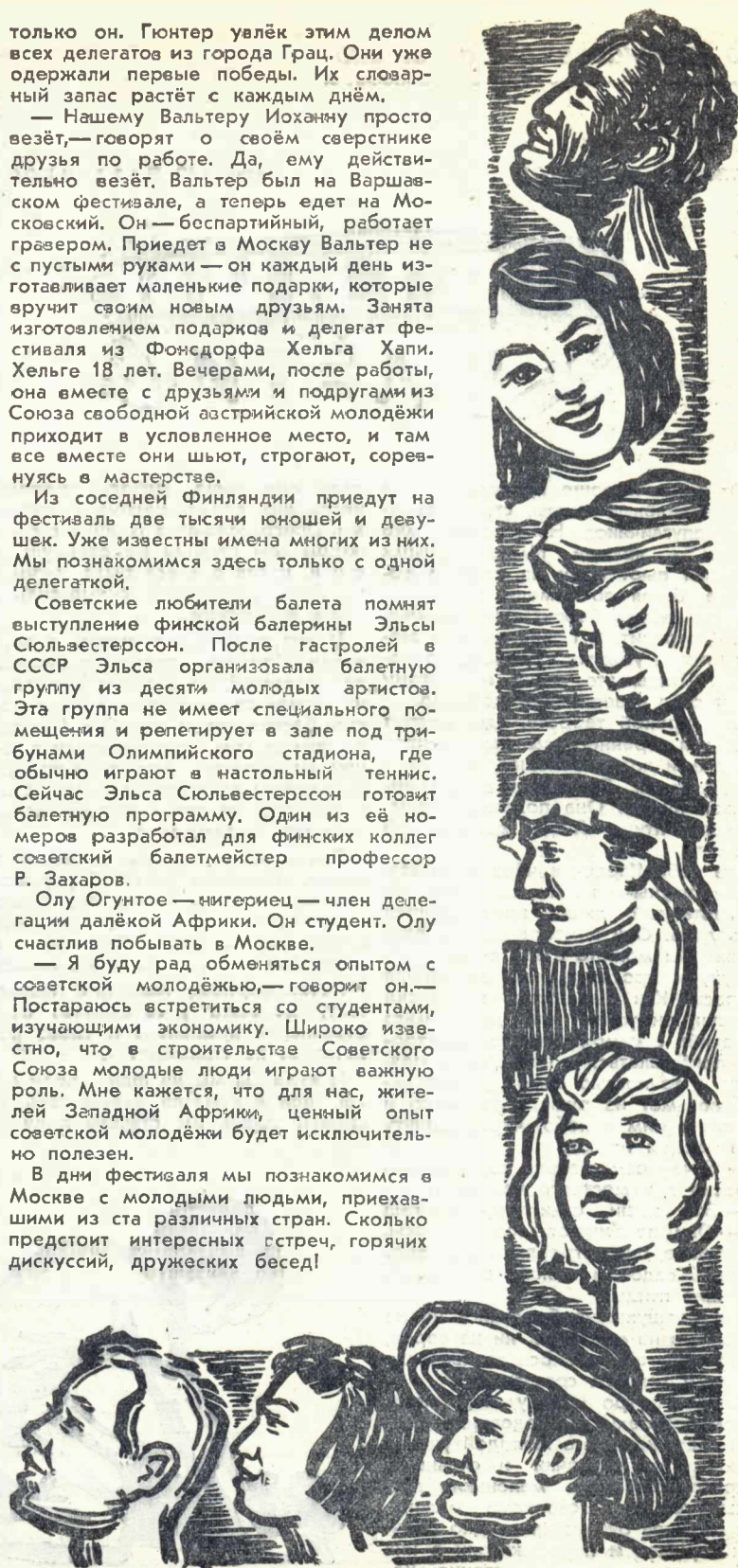
Из соседней Финляндии приедут на фестиваль две тысячи юношей и девушек. Уже известны имена многих из них. Мы познакомимся здесь только с одной делегаткой.

Советские любители балета помнят выступление финской балерины Эльсы Сьюлвестерссон. После гастролей в СССР Эльса организовала балетную группу из десяти молодых артистов. Эта группа не имеет специального помещения и репетирует в зале под трибунами Олимпийского стадиона, где обычно играют в настольный теннис. Сейчас Эльса Сьюлвестерссон готовит балетную программу. Один из её номеров разработал для финских коллег советский балетмейстер профессор Р. Захаров.

Олу Огунтое — нигериец — член делегации далёкой Африки. Он студент. Олу счастлив побывать в Москве.

— Я буду рад обменяться опытом с советской молодёжью,— говорит он.— Постараюсь встретиться со студентами, изучающими экономику. Широко известно, что в строительстве Советского Союза молодые люди играют важную роль. Мне кажется, что для нас, жителей Западной Африки, ценный опыт советской молодёжи будет исключительно полезен.

В дни фестиваля мы познакомимся в Москве с молодыми людьми, приехавшими из ста различных стран. Сколько предстоит интересных встреч, горячих дискуссий, дружеских бесед!

Николай ТИХОНОВ

Рисунки Ю. Владимирова

От рощи к роще проносятся, как лёгкие зелёные искры, стайки зелёных попугайчиков. Неизвестные мне птички с яркими тёмно-красными перьями пьют воду из старого водоёма, бегая по отмели, не боясь, что кто-нибудь бросит в них камень или выстрелит. В Пакистане все любят птиц, и убивать их строго запрещено. Птицы это знают и поэтому ведут себя совершенно свободно.

На широкой террасе, где накрыт стол для утреннего завтрака, между тарелками ходит большая, сине-чёрная ворона... Её нельзя остановить. Нельзя пугать. Она полезная птица, хорошая птица. Люди должны её кормить.

Всё небо Карачи в чёрных точках. Это коршуны-чили. Их так много, что их гортанный, дикий крик слышен весь день. Они в непрерывном движении. Вы можете взять кусок мяса в руку и протянуть его за перила террасы. Как бы высоко ни парил коршун, он увидит этот кусок мяса и начнёт с самой большой быстротой приближаться к нему. Он с размаху, с точностью самой удивительной возьмёт из руки у вас мясо и взмоет с ним в небо, через минуту став чёрной точкой.

— Зачем вам столько коршунов?— спросил я у местного человека.

— Это наши санитары,— ответил он.— Они подбирают все отбросы, всё гнилье, они истребляют всех вредителей садов и полей, они очень хорошие птицы.

Эти коршуны не бросались ни на ворон, ни на воробьев, ни на сорок, ни на попугайчиков. Все птицы жили рядом в мирном согласии.

Каждое утро внизу под моим окном работали два садовника. Старый садовник и его молодой ученик садились на корточки и сильными ударами разбивали маленькие глиняные горшки. Осколками маленьких горшков они устилали дно больших горшков и пересаживали в них разные декоративные растения. Де-

лали они свою работу уверенно, неслышно, размеренными движениями. Приготовленные горшки с растениями они ставили на длинную доску и, когда она вся была заполнена, брали её на свои худые сильные плечи и уносили...

И вот пока они возились с перекладкой земли в горшки и пересадкой растений, на готовых горшках и на кучках земли рядом с ними прыгали бесчисленные воробьи. Они разрывали землю, перескакивали с горшка на горшок, прямо из-под рук садовников взлетали на доску, с неё перелетали на траву, чистили клювы, пёрышки, отряхивались...

Эти воробьи, очень похожие на наших, доходили до такой дерзости, что садились на плечи садовникам и заглядывали в горшки, ещё не наполненные землёй. Садовники не обращали на них никакого внимания.

Потом воробьи мылись в плоском тазу, где была у садовников вода, отряхивали крылышки и снова разлетались по садоводству.

И куда бы мы ни шли, всюду птицы пели и кричали целый день, им сыпали зёрна, им ставили воду са-

мые бедные люди. Хорошо живётся птицам в Пакистане!

По улицам Карачи, напоминая этих воробьев, пробегают стайки детей. Они полуголы, очень оживлённы, красивые смуглой красотой Востока, с большими сияющими глазами, худые, как воробьята. Они бегут не в школу. Школ в стране почти нет. Грамотны шесть человек из сотни. Дети трудятся. Вот идут две девочки и несут на головах большие подносы, на которых лежит верблюжий, лошадиный, ослиный помёт. Они подбирают его на стоянках извозчиков, у караван-сарая и несут на рынок, где ждут их матери, которые сейчас же пустят этот товар в продажу. По дороге на рынок девочки смеются, поют песенки, шутят со встречными подружками.

Вот на постройке дома женщина на спине несёт на третий этаж горку кирпичей. Внизу её маленькая девочка и мальчик помогают ей накладывать кирпич на доску. С трудом они поднимают тяжёлые для них кирпичи, но работают они молчаливо и серьёзно, как старые рабочие.

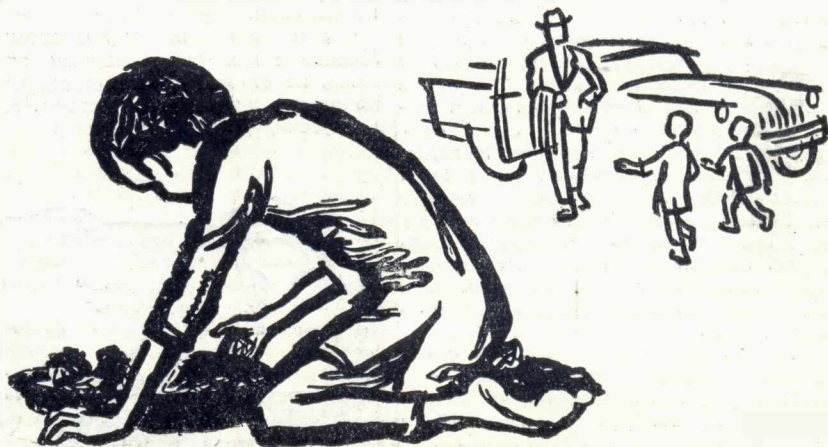
Вот дети выходят из ворот фабрики вместе с матерями. Они работали целый рабочий день как могли, и усталость сводит их плечи и ноги. Они идут, спотыкаясь, держась за юбку матери.

Но есть множество детей, предоставленных самим себе. При виде европейца они, как воробьи на садовника, бросаются к вам, и их маленькие рты кричат: «Бакшиш! Бакшиш! Рупия! Рупия!»

Они просят подачки, они просят рупию. Им сказали родители:

— Идите и зарабатывайте сами деньги! Европейцы могут вас ударить палкой, сумеете ускользнуть от палки, но европейцы могут дать и рупию.

И вот вы окружены этой весёлой, непрерывно кричащей, прыгающей вокруг вас стайкой. Вы видите лукавые глаза, детские движения голых

или почти голых маленьких рук и ног, озорные гримасы и крики: «Бакшиш! Бакшиш! Дай рупию!»

Большинство этих детишек — девочки, с крошечными колечками в носу, на крыльях носа, с дешёвыми браслетами на руках, тонких, как спички.

Они похожи именно на воробьёв, прыгающих вокруг садовников. Есть что-то птичье, бездумное, быстрое в этих детях природы. Их чистые серд-

ца не испорчены попрошайничеством. Дети помогают родителям. Когда такая девочка принесёт рупию, а то и две, это больше, чем дневной заработка отца, и, конечно, её будет ласкать и целовать за то, что она сумела достать эту рупию.

А когда в семье много детей и им можно дать только несколько тонких блинов из прогоркшей муки или несколько гнилых бананов, то поймёшь, почему дети так яростно кричат: «Бакшиш!»

Воробьи бросаются к лошадиной стоянке, и к ней же бросаются и детишки с большими лёгкими подносами. Те и другие спорят из-за лошадиного помёта.

Но воробьи полетят в сторону, в сады и парки и будут сыты. Счастливые птицы Пакистана! Им живётся хорошо, гораздо лучше людей. Бедные, голодные дети Пакистана! Им живётся гораздо хуже птиц! Очень жалко!

ЧЕМУ УЧАТ В ШКОЛЕ

Это не просто школа. Это — художественное училище. Вы входите в обширный двор, где всё говорит о торжественном вступлении в мир, где открывают вам тайны высокого искусства.

Перед вами большое старое здание с колоннами, широкими каменными лестницами, сводчатыми переходами, громадными окнами, арками входов и выступами, украшенными каменной резьбой. Посреди двора клумбы пышных цветов, старые деревья, простирающие свои коричневые ветви, как бы благословляющие начинающего служить искусству. Кусты бросают узорные тени на дорожки. И над всем этим синее безоблачное небо, с которого льются потоки тепла, как бы приглашая мастера взглянуть на этот бесконечный синий блеск и создать такую же тёплую глубину, насыщенную живой синевой.

Вы вступаете на ступени и вспоминаете тонкую мраморную резьбу гробницы Джехангира, размах планировки и зелёные пейзажи сада шаха Джахана, изумительные миниатюры в Лахорском музее, скульптуры, фрески — гордость прошлых веков.

Вы полны мыслей об искусстве сегодняшнего дня, которое вы сейчас увидите в работах тех юных талантливых мальчиков и девочек, чьих родители отдали в художественное училище...

Вы заранее готовитесь увидеть всю роскошь пакистанской природы, все её краски, все её эффекты. Перед вами пройдут огромные реки, текущие в скалистых берегах и украшенные густыми зарослями тростников, леса, где ещё бродят последние тигры, горы во всех их очертаниях, ледяные лестницы, ведущие к небу вплоть до Гималайских гигантов, вся яркость предгорий, тёмная ржавость пустынь, баньянные и финиковые рощи, белые с зелёным хлопковые поля.

Вы вспоминаете, что мусульманские владыки этих краёв когда-то запретили изображать людей и даже птиц. Тем более вам так приятно будет увидеть сегодня в этой художественной школе и крестьян, идущих за чернобокими буйволами по своей нищей пашне, и рыбаков на Инде, и караванчиков, приходящих в города после длинных живописных дорог, и ремесленников, трудолюбиво с утра до вечера трудящихся в узких переулках старого города, и, может быть, вам повезёт: вы увидите рабочих, грузящих корабли в Карачи или работающих на хлопкоочистительных и консервных фабриках.

Наконец, юные ученики покажут вам, как они умеют идти традиционным путем, заново повторяя рисунки древних, находя тайну их работ на эмали, умножая узоры, уже виденные вами в образцах прошлого.

Вы входите в классы и видите: в полной тишине и прохладе на маленьких табуретках за маленькими столиками сидят юные художники... Одни из них совсем маленькие, другие уже юноши, красивые и ловкие. Вы подходите ближе, чтобы поглядеть, что же они так старательно копируют для развития своего таланта. Не может быть! Перед каждым лежит рекламный рисунок, вырванный из английского или американского бульварного журнала.

С тщательностью самой точной дети воспроизводят рекламу чулок, сапог, автомобилей, сигарет, консервов, тортов, колбас, мотоциклов, кофе, кока-кола, пишущих машинок и средств для ращения волос.

На ваш удивлённый взгляд их наставники говорят: «Они должны вынести из нашего училища практические знания, которые пригодятся им в жизни. А реклама — верный заработок начинающих художников. Пакистан развивает свою торговлю и нуждается в рекламе. Мы учим только талантливых детей. Наше училище не бесплатно. Мы взимаем плату за ученье».

Вы выходите из этих классов на сияющий полдень. И вы говорите основателю этого училища, благодетелю рода человеческого, английскому мистеру в сортуке, гордо стоящему на пьедестале: «Вы здорово придумали, сэр, чтобы убить душу юных талантов. Вы, несомненно, заслужили этот памятник!»

Стихи

Владимир ЛАЗАРЕВ

ПЕРЕД ВСТРЕЧЕЙ

Евгению В.

МАТЬ

Сколько в женском сердце скрыто силы,
Сколько героинь из наших мест!
...Мать моя за век свой не свершила
Никаких особенных чудес.
Ничего такого не свершила,
Разве только сына родила,
И ходить и жить его учила,
А болел он — ночи не спала.
Ничего такого не свершила,
Но когда на фронт ушли войска,
Лёгкую профессию сменила
И за батьку встала у станка.
Штопает, работает, стирает,
А когда я долго не иду,
Ждёт, тревожится, подогревает
Десять раз остывшую еду.
Но порою с горечью отметит
Скромность положенья своего,
Скажет: «Есть ведь женщины на свете!
Что я совершила?.. Ничего».
Мать моя проста, как говорится.
Да не у меня ведь одного.
Нам бы нашим мамам поклониться
От души за это «ничего»!

— Ты куда, Катюша? —
удивлённо,
На часы взглянув, спросила мать.
И она ответила смущённо:
— Просто так... немного погулять.
Хочется ей нынче без подружек
Постоять у дома вечером,
Хоть она ещё ни с кем не дружит
И не тужит, ероде, ни о ком...
В этот час пройдёшь по переулку,
И улыбка на губах замрёт:
Дезочки нескладная фигурка
Караулит юность у ворот.
...Догорают ветки на закате,
Тишина предчувствием полна.
А девчонка выросла из платья,
Может, в нём последний раз она.
Скоро будет первый школьный вечер,
А потом за ним нагрянет срок —
И придут трезоги,
письма,
встречи,
Крутизна неначатых дорог.

г. Тула

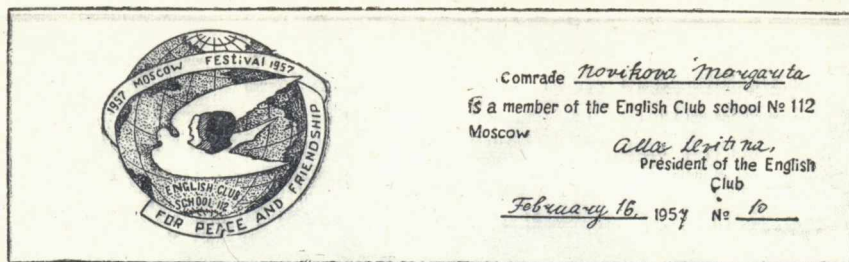
Синеглазой трудно в первом классе,
Очень трудно в куклы не играть:
То им угол празднично украсит,
То журит, нахмурившись, как мать.
И под вечер песни напевает
Мишке, отходящему ко сну,
Но недавно мама принесла ей
Книжку интересную одну.
Дождь шумел. В окно ежеминутно
Бились капли звонко, словно медь,
А девчонке было так уютно
У печурки с книгой сидеть.
Возникали, двигались картины,
Трону в сердце сразу столько струн.
Покорил девчонку Буратино,
Деревянный маленький шалун.
В эту ночь она заснула с книжкой,
Прыгали дождинки по стеклу...
Первый раз забытый ею мишка
Прикорнул обиженно в углу.

Рисунки И. Пчелко

АНГЛИЙСКИЙ КЛУБ В ШКОЛЕ

Г. ДОРФ-ШУСТЕР

История английского клуба в нашей 112-й школе берёт своё начало в ноябре 1955 года, когда на заседании комитета ВЛКСМ было решено создать кружок по подготовке переводчиков в связи с предстоящим фестивалем в Москве.

В кружок вошли 20 старшеклассников. За полтора года он вырос раза в три. Конечно, до профессиональных переводчиков ребятам ещё далеко. Но при встрече с зарубежными гостями они смогут поговорить с ними, рассказать о себе.

У кружковцев возникло желание разучить к фестивалю английские и американские песни. А что если создать небольшой оркестр или ансамбль? Не организовать ли и вечер на английском языке?.. Учителя и директор школы Б. Г. Лагун поддержали инициативу ребят.

Ансамбль был создан и сейчас насчитывает до 25 человек. В его репертуаре более 20 песен разных народов: советские, английские, американские, канадские, испанские, французские, мексиканские, норвежские, индонезийские, югославские и другие.

По просьбе старшеклассников школа выписывает газету на английском языке. Появилось много желающих научиться читать её. Сформировался кружок по политическому и литературному переводу.

Возникла необходимость координировать работу различных кружков, объединить их. Так родилась идея школьного английского клуба. В феврале прошлого года на учредительном собрании нового клуба были избраны президент и вице-президент, которые совместно с советом старост секций стали руководить всей работой клуба. Подготовили концертную программу, с которой выступали в школах, в Доме учителя, городском Доме пионеров, по радио.

В клуб стали поступать многочисленные письма от радиослушателей со всех концов Советского Союза. В связи с этим мы создали специальную секцию переписки. Члены секции достали также несколько адресов школьников из зарубежных стран, и у нас развернулась переписка с учащейся молодёжью различных стран мира.

В мае нас пригласили выступить по радио для Америки. После выступления мы получили из США несколько писем. Вот перевод одного из них:

«Дорогие друзья!

Мне очень понравилась ваша передача. Я студент первого курса института. Члены вашего клуба очень хорошо говорят по-английски. В нашем институте не изучается русский язык, но я немного научился, слушаю радиопередачи на русском языке и читаю русские книги. Я хочу научиться говорить по-русски так же хорошо, как вы говорите по-английски. На будущий год я собираюсь перейти в другой институт, где изучается русский язык, так как я хочу стать переводчиком.

Когда у вас будет свободное время, напишите мне. (Эта фраза была написана по-русски.)

Искренне ваш Джордж Нарт».

В прошлом году школа приобрела магнитофон. На занятиях секции мы стали пользоваться им для выработки правильного произношения, техники чтения, интонации.

Жизнь в клубе становилась всё более разносторонней, кипучей. Решено было выпускать бюллетень «Наш английский клуб». В связи с этим возникли, кроме уже существующих секций, бюро информации и секции оформителей.

Позже бюро информации мы превратили в бюро радиоиформации. Бюро провело конкурс на лучшего диктора и обеспечило бесперебойный выпуск радиопередач «Навстречу фестивалю».

Масса работы у наших художников. Все стены клубной комнаты завешаны стендами и плакатами. Тут и фотогазеты «Наш английский клуб», и схема структуры клуба, и сообщение об итогах конкурсов, и материалы «Навстречу фестивалю», и зарубежные письма, и вырезки из газет и журналов, и многое другое.

«Устаревшие» материалы переходят в альбомы. Письма, полученные со всех концов Советского Союза, занимают два альбома. А в третьем — иностранная корреспонденция. Отдельный альбом фотографий «День за днём» отражает повседневную работу секций клуба. Есть и альбом открыток с видами английских городов, полученных нами в качестве подарка.

Интересно прошла у нас встреча с канадцем Флоридом Виллистоном, английским редактором газеты «Фестиваль». Он много интересного рассказал о своей стране, молодёжных организациях Канады, подготовке канадской молодёжи к фестивалю.

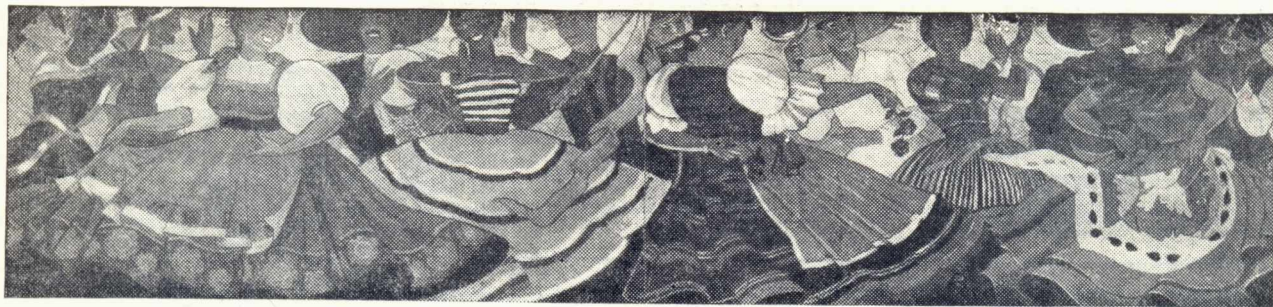
В первую годовщину нашего клуба в школе состоялась большой интернациональный вечер дружбы между народами. На вечер были приглашены представители школ района, учителя и зарубежные гости, среди которых были англичанин Ральф Паркер и египтянин Мамду Адип. Самым, пожалуй, волнующим на вечере был момент, когда Ральф Паркер с трибуны заявил, что он с удовольствием протягивает руку своему юному другу из Египта в знак того, что простые люди Англии хотят жить в дружбе и мире с египтянами. Это рукопожатие было встречено громом рукоплесканий всего зала.

С напряжённым вниманием слушал притихший зал взволнованную речь Мамду Адипа, который рассказал о страданиях, выпавших на долю египетского народа в дни варварского нападения на его родину. Заключительные слова Адипа о том, что Египет хочет жить в мире со всеми народами мира — большими и малыми, — потонули в буре рукоплесканий и возгласов «Да здравствует дружба!», «Мир!».

Вечер закончился большим концертом самодеятельности на русском и иностранном языках.

Наш клуб необыкновенно сдружил ребят. Сознание, что они вносят свой, пусть небольшой, вклад в общее дело борьбы за мир и дружбу народов, приносит нашим учащимся чувство большого удовлетворения.

ФЕСТИВАЛЬ ВСТРЕТИМ ДРУЖНОЙ СЕМЬЁЙ

Б. СИРОВСКИЙ

Когда было объявлено о предстоящем VI Всемирном фестивале молодёжи и студентов, наша 248-я школа сразу включилась в подготовку к нему. Фестивальный комитет, организованный из учащихся, педагогов и родителей поставил задачу ближе познакомить учащихся со странами арабского Востока, делегаты которых на фестиваль будут гостями Дзержинского района, а также со странами народной демократии, с Индией и Францией, с детьми которых школа связана трёхлетней перепиской. Другой задачей было подготовить для гостей живой рассказ о нашей Родине, об Арктике и Антарктике, о флотилии «Слава», с которой у нас тоже давняя дружба, о великих стройках, где работают выпускники нашей школы. Особое место заняло изучение Москвы — города фестиваля — и своего Дзержинского района.

По каждой из этих тем в школе накопился богатый материал. Итогом всей работы явился школьный фестиваль-праздник, надолго оставшийся в памяти школьников, их родителей и педагогов школы.

Общешкольному фестивалю предшествовали классные фестивали, а им — большая подготовительная работа в классах по отбору иллюстративного материала для стендов, подготовке альбомов, сбору марок, изготовлению подарков, чтению книг и обсуждению кинофильмов, освещающих природу и жизнь избранной страны.

В последние дни перед школьным фестивалем в школе царил необычайное оживление. Доделывались детали 30 стендов. Из разных классов доносились поющие голоса, музыка, кто-то громко повторял слова на иностранных языках. В школу всё несли и несли фестивальные подарки. Их принимала в «комнате подарков» старейшая учительница Елизавета Александровна Воскресенская.

...Школьный фестиваль открылся.

Диктор школьного радиоузла предлагает гостям начать осмотр выставки с «комнаты подарков и сувениров». Ребята изготовили более 300 подарков. Тут и альбом фотоснимков, посвящённый Москве, и красочный вышитый портрет Ленина, и всякие другие оригинальные вышивки, модели, макеты, альбомы и т. д.

Необычно выглядит актовый зал. Тридцать огромных стендов, дающих представление об истории, географии, культуре и быте Китая, Индии, ГДР, Болгарии, Чехословакии, Албании, Польши, Франции, Афганистана, Сирии, Ирака, Ливии, Иордании, Чили, Новой Зеландии, Саудовской Аравии и других стран. Над стендами развеваются большие флаги этих стран и Советского Союза. Всё это увенчивают огромные красочные панно, посвящённые отдельным странам. А над ними плакат с пушкинскими вещими словами: «Все флаги в гости будут к нам».

У стендов с указками в руках стоят экскурсоводы и переводчики. Вот Игорь Быстров ведёт живой рассказ о жизни в народной Болгарии. За ним с гордостью наблюдает его бабушка, ныне пенсионер, а в прошлом инженер и, как она заявляет, 35 лет редактор стенгазеты. Она активно помогла внуку в подготовке материала.

Центральное место на выставке занимает стенд «Москва — город фестиваля». С большим интересом зрители осматривают комнату и вестибюль с материалами об Арктике и Антарктике. Одна из комнат на выставке посвящена теме «Дзержинский район и наша школа».

Гости занимают места в зале, расставленном флагами всех стран мира. Над сценой эмблема школьного фестиваля и голуби мира. Надя Смирнова, председатель школьного фестивального комитета, открывает торжественный интернациональный вечер-концерт. Секретарь комитета комсомола Таня Синицина говорит

о большой работе, проделанной учащимися в подготовке к фестивалю. Затем выступают отдельные учащиеся. Одетые в национальные костюмы представляемых ими стран, они рассказывают о великом Китае, о Саудовской Аравии, об Индии, Индонезии, читают стихи о фестивале.

Начинается интернациональный концерт. Под сводами зала зазвучал «Гимн демократической молодёжи», исполняемый учащимися на трёх языках. Третьеклассники порадовали зрителей русскими, китайскими и индийскими народными танцами. Затаив дыхание, зал слушал исполненную на английском языке печальную повесть-песнь американского безработного. Её спел десятиклассник Игорь Андриевский с группой одноклассниц. За этот номер особенно волновалась мать Игоря, которая немало времени отдала подготовке вечера-концерта.

Дружно звучали голоса учеников из 9 «А», спевших на французском языке песню французского солдата. Китайский танец в исполнении Киры Масловой вызвал бурю оваций. Стихотворение Гейне прочёл Васильев на родном языке великого немецкого поэта. Прекрасно звучали песни на русском и итальянском языках в исполнении Юры Моримонта, нашего художника на фестивале. Но особенно горячо зрители аплодировали великолепной русской пляске, которую исполнили председатель фестивального комитета Надя Смирнова, а также Женя Маслова и другие.

Вместе с детьми и педагогами искренне радовались успеху вечера и родители, оказавшие нам большую и разностороннюю помощь.

Школьный фестиваль прошёл, но подготовка к Всемирному фестивалю продолжается полным ходом.

Учащиеся с помощью родителей озеленяют школу, оборудуют географическую площадку, готовят витрины из книг по разным странам. Ещё

более широкий размах приобрела переписка с зарубежными друзьями.

На Всемирном фестивале Рождественский бульвар (микрорайон нашей школы) будет бульваром филателистов. Их очень много у нас в школе, есть целые классы, занимающиеся этим делом, и они с радостью дарят марки своим зарубежным друзьям. Ребята очень щедры. Например, Володя Фейгин из 5 «Б» класса в порыве товарищеских чувств подарил одной из дрезденских школ, с которой мы переписываемся, огромную коллекцию марок СССР. За это родители могли бы его пожурить. Но, оказывается, они знали и поощрили щедрый подарок сына.

Подготовка к фестивалю вызвала подъём во всём школьном коллективе. Все 700 человек фестивального актива стремятся подняться и в учении, и в дисциплине.

Родители стали ближе и к школе, и к своим детям.

Нам как-то пришлось посетить Славу Ефремова — он готовил подарок к фестивалю: самодельный ковёр. Мать поднялась навстречу и встревоженно спросила:

— Опять набедокурил Слава? Ведь он и по геометрии и по алгебре подтянулся.

Мы поспешили успокоить Анну Егоровну. Слава занимается и ведёт себя намного лучше, чем раньше.

«Трудным» учеником был Юра Остаев, но стоило ему увлечься работой над подарками и альбомами флагов, и его поведение улучшилось. Люда Севрюгина училась плохо и, главное, отличалась своенравием и резкостью. «Переходный возраст» — объясняли её поведение родители и педагоги. Но три месяца, в течение которых она готовила подарки — прекрасные ковры по темам русских сказок, — благотворно сказались на всём её поведении и учении.

Долго не ладились отношения между Аликом Бобровым и его матерью. При подготовке же к фестивалю отношения их заметно улучшились. Алик знал, что мать имеет поручение от родительского комитета: помочь в пошивке флагов. Тревожась, что мать не так выполнит работу (а он по пионерскому лагерю имеет опыт в пошивке морских флагов), Алик предложил матери свою помощь. Его можно было видеть хлопочущим вместе с матерью за швейной машиной. Счастливые тем, что выполнили работу в срок, пришли в школу Алик с мамой.

— Знаете, сын стал как-то мягче, отзывчивее, — сказала Анна Ивановна.

Всемирный фестиваль наши учащиеся, родители и педагоги встречают единой, дружной семьёй.

АФРИКАНСКИЕ СКАЗКИ

Рисунки Н. Борисовой

ГОРДАЯ БАБОЧКА

Прекрасная бабочка презрительно сказала уродливой гусенице:

— Прочь отсюда, противный червяк, знающий только землю. Я блестящая, как солнце, мои крылья возносят меня высоко в воздух!

Гусеница ответила:

— Пустая твоя гордость. Мы — родственники. Ты раньше была такой же, как и я. А дети твои будут такими же гусеницами!

ЖАДНАЯ ГИЕНА

Однажды ночью гиена нашла кость и побежала с ней к реке, чтобы съесть там кость и запить её водой. В воде она увидела отражение луны. Она подумала, что это жирный кусок сала. Гиена бросила кость и нырнула за этим салом. Гиена ничего не нашла, только зря ныряла несколько раз. А другая гиена утащила её кость и наелась.

С тех пор тому, кто бросает хорошее, чтобы схватить ещё лучшее, но ничего от этого не получает, говорят:

— Ты, как гиена, кость бросил, а ловишь в воде луну!

ПОЧЕМУ ЗАЯЦ БЕЗ ХВОСТА

Когда всех зверей оделяли хвостами, небо было в тёмных тучах, приближался дождь. А заяц всегда боялся дождя, и он не выходил из своего логовища. Тогда он попросил зверей принести ему хвост, потому что он, заяц, будто бы больной. Звери обещали, но от радости и волнений забыли про обещание. Они бегали и виляли хвостами. А заяц грустный сидел без хвоста. Таким он и остался навсегда.

„ОЙ-ОЙ“ И „АХ-АХ“

Один богат нанимал работников за 200 реалов в месяц. А в конце месяца говорил каждому:

— Принеси из города две вещи: «ой-ой» и «ах-ах», иначе не получишь денег.

Но таких вещей не было в мире. Так богат обманул очень многих негров. Нанялся к нему мальчик. К концу месяца хозяин то же сказал мальчику:

— Пойди в город на базар и принеси мне две маленьких вещицы: «ой-ой» и «ах-ах».

Мальчик догадался об обмане. Тогда он в чёрную бутылку посадил сороконожку и скорпиона. Вскоре мальчик вернулся и сказал:

— Принёс! Всунь только туда палец!

Сороконожка укусила богача так, что он закричал:

— Ой-ой!

Мальчик засмеялся.

— Теперь сунь ещё и получишь «ах-ах».

Но богат испугался и стал умолять мальчика все 200 реалов. Больше он не обманывал людей.

Коринница

Мария ДЖАКОВБЕ

Рисунки Н. Борисовой

Рассказ

Я с самого начала хотела отказаться, сама даже не знаю почему. Никакого резона у меня не было; какое-то предчувствие и только. Но мне пообещали, что если я соглашусь, то жалование моё каждый месяц будут переводить по почте на Дорину. Уж тут-то я не могла отказаться. А потом вы ведь знаете, не так-то легко сказать господам «нет», да особенно, если ты для них — находка, не я, конечно, а потому что у меня молоко хорошее, и его много.

Как уж будет, привезут сюда маленькую госпожу или мне придётся к ним перебираться — об этом я спросить не посмела. А думать всё время думала; и уж как вспомню, что должна я отнимать молоко у моей крошки, так сердце и зайдёт. Я ведь не умею ни читать, ни писать, а теперь и к Луиджи привязалась и вообще к фактории. Как с ними расставаться и весточки даже не иметь — и подумать страшно. А Луиджи тоже неграмотный — ни читать, ни писать, и сумеет ли он выбираться ко мне каждое воскресенье навещать, нет ли — бог весть.

Вот в один прекрасный день подкатывает к гумну большая машина, жёлтая вся, и вылезает из неё господин, один, без девочки. У меня всё внутри перевернулось со страха да от горя, побежала я без памяти и дверь закрыла. Я даже было надеялась, что у меня от волнения и молоко пропадёт, — это страшно, правда, но тогда казалось, что уж всё равно... Дорина спала. Подложила кулачок под щёчку и спит себе, сладко так. Я её не стала будить, дай, думаю, сама посмотрю. Расстегнула кофточку, грудь нажала, а молоко прямо фонтанчиком — на пол. Не пропало, значит. Смотрю на фонтанчик на этот и как-то радостно, словно гордость какая-то.

Слышу — мужнин голос, зовёт меня. Ну как войдёт, да увидит какими я глупостями занимаюсь? Скорее кофточку застёгивать, а руки дрожат. Привзела себя в порядок, выхожу.

Господин и всегда-то обходительный был, а сегодня — так что мёд твой; мне же его вежливость, что нож острый. Говорит, мол, все они нами премного довольны, что мы согласились, а сейчас вот он приехал, чтобы отвезти меня в город. Я так и обмерла, а он, видимо, по лицу догадался, что я разволновалась, и ну успокаивать:

— Ты не беспокойся, завтра, ну самое крайнее послезавтра ты вернёшься, всё равно — с Луизой или одна.

Тут я успокоилась, и сама не знаю отчего — расплакалась, реву, как дура.

Хозяин спешил куда-то, я пошла быстренько приго-

товить Дорину, пелёночки собираю, слёзы глаза застилают, ничего не вижу, а они всё льются, все пелёнки замочила. Собираю, а сама, как во сне, и всё одно и тоже думаю: «Слёз у меня, как молока, хоть отбавляй». Потом вошёл Луиджи и говорит:

— Дурочка, ну что ты ревьешь-то?

Не зло сказал, а так, хорошо. Вынул свой платок — у него большие платки и всегда землёй пахнут и грибами, — щёки мне вытер и поцеловал. Давно он уж так не делал, а мне всегда нравилось, даже и тогда, когда мы обручились и он меня поцеловал, а я и не хотела, и хотела... не знаю...

Когда мы поехали, думала у меня сердце разорвётся, такая-то тоска, не приведи господи. А Дорина тоже плакала. Дала я ей грудь — успокоилась. Так мы обе и задремали.

Проснулись уже в городе, перед хозяйским домом. Синьора вышла. А караулила нас одна перерезавшая девица, и хоть была она и накрашена и с накладными волосами, всё равно она была только старшая горничная и больше ничего.

Все эти два дня, что жила я в городе, ходила, словно в тумане, почти ничего не помню. Повели меня в больницу, попала я к одному доктору, молодому, в очках. Уж он и зубы смотрел, хоть они у меня, как жемчуг, и в горло лазил и живот мял, хоть кричи от боли. А когда прикладывал ухо, чтобы слушать, то подкладывал тряпочку, но всё равно очки его царапались. Как же мне стыдно было, что я раздета совсем перед ним! А ему — хоть бы что, он будто и не видит ничего.

Привезли меня домой, смотрю, а Дорина моя плачет. Никому ведь и в голову не пришло перепеленать её, бедняжку. Уж сколько она кричала здесь, одна, в чужом доме, сколько кричала — верно одному богу ведомо, и никто её даже на руки не взял. Такое меня зло взяло, что, знай я дорогу, убежала бы домой, и пусть бы они все тоже плакали.

Назавтра показали мне Луизу и велели её покормить. Значит, все анализы прошли хорошо.

Как же она сосала, бедняшка! Будто её сроду не кормили. И забыла я, что она — хозяйская и что я её не люблю.

А когда мы опять в деревню приехали, мне показалось, что я год целый дома не была, а всего-то два дня прошло. Смотрю вокруг, а всё мне кажется не такое.

Потом время быстро полетело. Хозяева каждый месяц приезжали, но о том, чтобы забрать Луизу, не заговаривали. А платили аккуратно. Через семь месяцев мне велели отнять Луизу от груди. Я говорю: радно, а сама кормлю. Как же я Дорине грудь дам, а ей нет? Но теперь обе эти обжоры всё высасывали, дочиста.

Они были молочные сёстры, и любила я их как родных — обеих одинаково. Правда, Дорина пораньше ходить стала и на ножках твёрже держалась, а зато Луизочка говорила лучше.

И они друг дружку любили, хоть иной раз и подерутся. Луиджи говорит, бывало:

— Не трогай их, посмотрим, чья возьмёт: синьоры или крестьяне?

А я не любила, когда он так говорил, потому что теперь Луизочка тоже ведь моя, а не синьорины. Нас она звала мама и папа. Когда же приезжали господа — я хоть и знала, что им это неприятно, всё же Луизу не останавливала — пусть называет.

А иногда мне делалось страшно, что её заберут от меня, но я старалась не думать об этом. Да и господа много путешествовали, мы их видели-то в год раз. Луизочка их не любила. Она меня любила. И сегодня, я уверена, меня любит, а не их.

Когда родился Франческо, Дорине и Луизочке уже почти по три года было. Вот тут-то я по-настоящему испугалась, что её у меня возьмут. Хозяева и вправду грозилась. Нет-нет, да и скажут, верно, чтобы мне приятное сделать:

— У тебя уже и сил не столько, наверное, и Луиза тебе надоела. Давай мы отвезём её в город, поместим в ясли и пусть она там живёт, пока мы не вернёмся из Англии.

Я говорила, что не надо, но не очень, чтобы не подумали, что я из-за денег. И мою Луизочку, может быть, и впрячь отправили бы в ясли, но она всякий раз такой рёв поднимала! Только у меня на руках и успокаивалась. Как господа — на порог, она — в слёзы, и к ним — ни в какую. Будто понимает. Чего уж там, слепой увидит: моя дочь, а не их.

Исполнилось ей пять лет. Вот когда я поняла, что я дура, сумасшедшая, что сама себя за нос водила. Забрали мою Луизочку.

С нами, видите ли, она вырастет грубой, деревенщиной; она уже в таком возрасте, когда всему учатся: и вести себя, и разговаривать. Это они так говорили, когда за ней приехали.

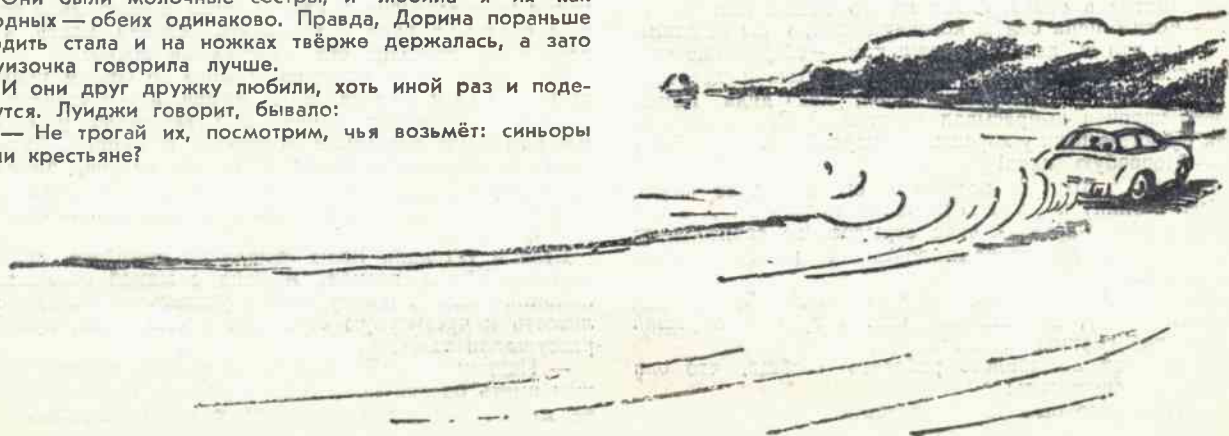
Мы их и не ждали совсем. Приехали, как снег на голову, не дали вещички её собрать. Всё это нам оставили, в подарок. милостыню свою.

Луизочка плакала, а я — нет, я не плакала. Я как деревянная была. Причёсываю её в последний раз и шепчу про себя:

— Сумасшедшая, дура ты, сто раз сумасшедшая! Ты же знала, что так и будет. Чего же ты глаза закрывала? Ты же служанка, обыкновенная служанка, и тебе платили за то, что ты присматривала за хозяйской дочкой, за госпожой, потому что так удобнее для господ...

Уехали они, только пыль взвилась. Мы стояли, махали им. А когда они совсем скрылись, Дорина как заплачет! Навзрыд. Я всё не шевелилась, как приросла, а тут повернулась и трахнула её по щеке. Так, сама не знаю как. Ударила её по мокрой заплаканной мордочке, дочку мою.

Перевёл с итальянского
А. Коротков

ЧТО БЫ ЕЩЁ НАМ СДЕЛАТЬ?

С. Монжаренко

Механика Григория Петровича Цорба, отца четырёх сыновей и одной дочери, на продолжительное время сковала болезнь. За то время, пока болел отец, мать Нина Петровна не могла углядеть за детьми. Ребята только и знали: улица, улица... Бывало, им порядком доставалось от уличных забияк, но и они в долгу не оставались, тоже становились озорниками, задирами.

Калитка со двора на улицу весь день была открыта. И весь дом принял какой-то неприглядный, неуютный вид. Наружная штукатурка от стен местами отвалилась, краска полов стёрлась. Да, без хозяина дом — сирота.

Когда отец выздоровел, ему пришлось крепко задуматься: как ввести детей в колею хорошего поведения? Первым делом он устроил шеколку к калитке, а детям строго приказал, чтобы без разрешения на улицу не выходили.

Сначала этот режим ребятам пришёлся не по душе. Но вот отец созвал детей и, как бы советуясь с ними, предложил:

— Давайте во дворе своими силами устроим водопровод. Трубы у нас имеются. Только уговор: всем принимать участие в рытье траншеи. Согласны? Если да, то уж не отступать и не прятаться, работать не ленясь!

— Будем, будем рыть, папа! — в один голос подхватили дети. Взялись за дело. Снимая первый слой земли, отец киркой намечал ширину траншеи, за ним двигался с лопатой старший сын Шурик, а остальные по старшинству тянулись гуськом по траншее, выбрасывая кто пласт, кто комок, а кто и рыхлую землю. Четырёхлетний малыш Жорик — замыкающий, стоя по пояс в канавке, детской лопаткой тоже выбрасывал землю. Отец изредка поглядывал на них довольным, весёлым взглядом, откидывая падающий на чёрные брови седоватый чуб. С воодушевлением работали юные строители. А через неделю из крана засверкала прозрачная вода, и дети подпрыгивали от радости:

— Папа, мама, уже полное ведро!

Прошло некоторое время, и нашлось новое интересное занятие в семье. Люба как-то намекнула:

— Если б папа белую козочку купил, я бы её доила.

— Ну что ж, дело за хлевушком, — ободряюще сказал отец. — Надо только изготовить тысячи две кирпичи-сырца. Ты, Шурик, видел, как дядя Карим ловко кирпичи выбрасывал из станка? Они вылетали, как булки из печи у хорошего пекаря. Ты так сумеешь?

— Попробую, папа!

В субботу Шурик, подвернув штаны выше колен, вошёл в глину и усердно принялся месить её. А в выходной день, когда солнце скрылось за горизонт, во дворе парными рядочками подсыхала не одна сотня кирпичей...

Осенью Нина Петровна уже учила Любу, как доить козочку, для которой был сооружён хороший маленький кирпичный хлев.

Детям так полюбилися работать сообща, что они сами напрашивались:

— Папа, что бы ещё нам сделать?

Отец давно задумал приобрести детям автомобиль. Этому помог случай. Сосед продал Григорию Петровичу по дешёвке «Москвича» с помятым кузовом. Вот когда ребятам пришлось всерьёз потрудиться на ремонте! То разбирали автомобиль по частям, то опять собирали, знакомились с устройством мотора и других частей «Москвича». И, наконец, отремонтированный автомобиль заблестел синевой, словно новенький.

Теперь в выходные дни дети размещались на заднем сиденье, кто сидя, кто стоя, жались друг к другу, а Нина Петровна усаживалась впереди, рядом с отцом, держа на руках Жорика. Отец берётся за руль, нажимает педаль, включает рычаг коробки скоростей. Машина вырывается со двора и катит по асфальту затённых улиц города. Всё быстрее, быстрее мелькают деревья, и вот уже «Москвич» несётся по степи, приближаясь к устроенной руками отца пасеке...

Калитка на засов ныне не запирается. Больше не влечёт ребят улица. После занятий в школе дети находят увлекательные дела дома, даже если отец бывает занят на заводе.

г. Ташкент

«ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ» РЕБЁНОК

А. Кузнецов

Вова Н. только в этом учебном году пошёл в первый класс.

— Наш Вова не такой, как все дети... Мы его так воспитали... Он очень способный... Будет учиться лучше всех... — Так напутствовали в школу его родители. И, действительно, Вова учился хорошо. Развитой не по годам, с некоторой вычурностью речи и навязчивым стремлением обратить на себя всеобщее внимание, он казался более взрослым, чем был.

Когда по арифметике усваивался первый десяток счёта, Вова уже знал больше. Это, конечно, неплохо. Плохо другое.

— Восемь прибавить восемь — сколько будет? — выскомерно спрашивал он, гуляя во дворе, у своего одноклассника Гарика Петрова.

Вовина мама, присутствовавшая при этом, с умилением говорила:

— Вова, зачем ты спрашиваешь у Гарика? Он ведь не знает. Ты один только знаешь это...

Во всех случаях, когда учительница обращалась к классу, Вова моментально первым поднимал руку и торопливо, словно боясь, что кто-нибудь опередит его, отвечал на вопрос.

Но вот лепка из пластилина Вове не совсем удавалась. А Гарик Петров лепил лучше, и его ставили в пример по ручному труду. Это вызывало у Вовы нескрываемую зависть и неприязнь к Гарiku. Как-то девочка, сидящая с Вовой за одной партой, забыла захватить на урок пластилин, и Вова не захотел поделиться с нею. Ведь пластилин куплен папой только для Вовы.

Если в тетрадях Вовы появлялась четвёрка, он, не скрывая обиды, плакал. А папа с мамой совершали паломничество в школу, чтобы указать на несправедливость и чрезмерную строгость учительницы, причём рассуждали так:

— Почему наш Вова, лучший ученик класса, должен иметь оценки ниже, чем у Гарика Петрова? Разве можно равнять кого-нибудь с нашим Вовой?!

Иногда требования учительницы настолько не нравились родителям, что папа, не смущаясь, говорил Вове:

— Пиши, как я сказал. Скажешь, что папа так велел. А если что, так я сам приду в школу и разберусь!

Вова охотно следовал отцовскому наказу, не выполнял требований школы и козырял в классе перед учительницей именем папы, ответственного работника.

В дальнейшем события развивались таким образом, что Вова очутился в другом, параллельном классе. Этого добились Вовины родители, ежедневно осаждавшие дирекцию школы с настоянием: освободить их «исключительного ребёнка» от «неспособной учительницы».

На следующий же день после перевода в другой класс Вова, задремывая, горделиво прошёл, не здороваясь, мимо бывшей своей учительницы, которая в школе заслуженно считается одной из лучших.

Невольно возникает вопрос: какие качества характера воспитывают отец и мать у своего сына? Уже сейчас Вова «исключительный ребёнок» по своему занятию, пренебрежительному отношению к одноклассникам, по неуважению к учителям. Что же будет с ним дальше? Пока не поздно, пусть задумаются над этим родители.

г. Брянск

ВСЮ ЖИЗНЬ С ДЕТЬМИ

А. Ульянова

Работать учительницей я начала с 1910 года, а теперь уже пенсионерка. Но оторваться от школы, от милой радостной детворы мне очень больно, даже, пожалуй, и невозможно. Я так и жду любого случая примкнуть к детскому коллективу: то на детплощадке поработаю, то в своём большом доме организую детей.

Осенью прошлого года начала создавать по школам группы продлённого дня. Но что-то не ладилось с организацией, и группы распались. Потребность же в них очень велика. И вот я набрала из вторых классов 12 ребят, у которых матери работают на производстве.

В школе мне отвели класс, свободный от занятий с 8 до 10 часов утра. А все ребята ходили в школу с 2 часов дня. Утром я собирала их в школу, и под моим присмотром они приготавливали домашние задания. Вначале им не очень нравился мой метод: я занималась с ними не менее двух часов, требовала хорошего выполнения письменных работ, выразительного чтения; плохие работы обязательно заставляла переделывать.

Постепенно дети поняли, что при хорошем выполнении домашних заданий им становится легче учиться. Это сказилось на их успеваемости: исчезали двойки, а затем стали редки и тройки. Довольны были родители и учителя, а больше всех радовались сами дети и я вместе с ними. Уроки начали выполнять за полчаса, в остальное время разучивали басни Крылова в лицах и пьеску «Колобок». Маски сделали сами. Поставили «Колобок» и басни у себя в школе, потом в детской библиотеке имени Горького, в детском саду № 6. Получили в подарок «Детский кален-

дарь на 1957 год» со всеми приложениями. Провели экскурсию на хлебозавод. Катались с горы на санках.

На время летних каникул организовала из этой группы ребят кружок юннатов. Вовлекла в кружок и других школьников. Вся эта работа приносит мне большое моральное удовлетворение и радость. Пусть и незначительна эта работа — всё же она неотъемлемая часть общего труда на благо нашей Родины, для счастья детей.

г. Бежица, Брянской области

ВОСПИТАНИЕ ЛЮБВИ К КНИГЕ

П. Литвин

Мне хочется поделиться с читателями «Семьи и школы» тем, как я помогла своему сыну полюбить книгу. Сейчас он окончил 4-й класс. В 1-м и 2-м классах не любил читать. Я искала причину этого. Мы с мужем много читаем — пример для мальчика положительный. В чём же дело? Наконец я поняла, что сын не любит читать, так как ещё не владеет техникой чтения: читая медленно, не улавливает смысла прочитанного, и книга ему становится непонятной, скучной.

Начала подбирать интересные книги и вечером, придя с работы, полчаса-час читала их сыну вслух, причём с перерывами. Прочту страничку две-три, а потом говорю:

— Я устала, сынок, почитай теперь ты.

И он прочитывал страничку, а потом я снова продолжала. Чтение всегда старалась оборвать на самом интересном месте.

Через четыре-пять месяцев стало заметно, что ребёнок читает более бегло. Тогда как-то, оборвав чтение, я не стала читать дальше. А на просьбу ребёнка продолжать ответила, что мне очень некогда (сослалась при этом на работу по дому) и пообещала прочитать в следующий раз. Ему, конечно, не терпелось узнать, что же будет дальше в книге, и он продолжал чтение самостоятельно. Через несколько дней сын с радостью сказал мне:

— А я уже знаю, что дальше, сам прочёл! Не нужно мне читать, я сам буду продолжать.

Всё же я попросила его рассказать, о чём он прочёл, и он довольно хорошо, не пропуская деталей, изложил прочитанное. С тех пор ребёнок пристрастился к чтению. Он читает много и с интересом. Я же проверяю, что он читает, и часто прошу рассказать о прочитанном.

Иногда прошу его прочесть мне вслух кое-что из газеты или журнала. Изредка и сама что-либо прочитываю вслух.

Пересказ прочитанного приучает сына читать внимательнее, точно передавать содержание, излагать свои мысли последовательно. Это помогает ему и в учении.

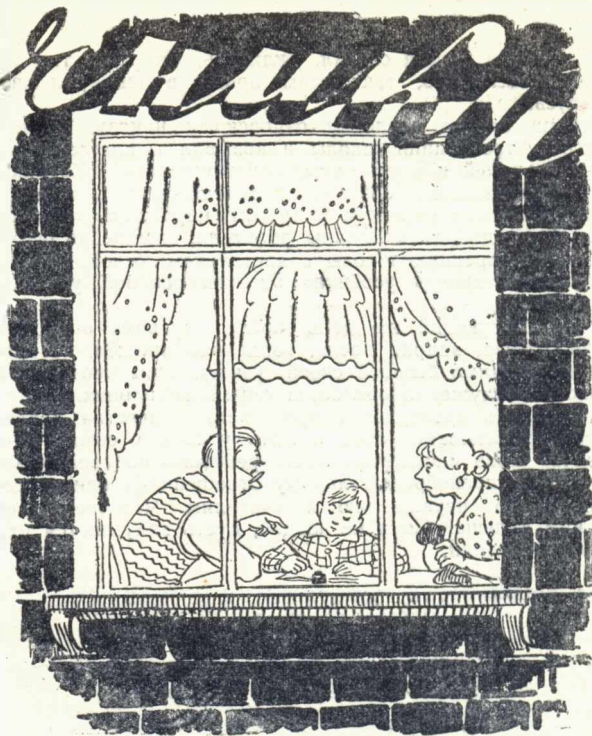
с. Александровна, Кировоградской области

Полуночники

Рассказ

Гюнтер и Иоанни БРАУН

Рисунки Л. Смехова

Последний трамвай прогромыхал в депо, и большие жилые дома усталились в темноту чёрными глазницами окон. Учитель Борман, в мыслях всё ещё находясь под впечатлением спектакля, пересек рыночную площадь и свернул в один из тёмных переулков. Он заметил, что на втором этаже углового дома горит свет. «Опять у Мельхеров», — мелькнуло у Бормана.

Приходил ли папаша Мельхер с собрания, с родительского семинара или с какого-либо вечера — всякий раз учитель видел в их квартире допоздна свет. «Вот и на этот раз: уже двенадцать часов, — думал он, — а они всё не спят».

Действительно, у Мельхеров, как всегда, горел свет. Как обычно, все трое сидели за круглым столом: папаша Мельхер с наморщенным лбом над какой-то книгой, мамаша Мельхер с порванными носками и клубком шерсти на коленях и между ними Куртхен с выпачканными в чернилах пальцами и сонными глазами...

...Прибывав сегодня из школы, Куртхен бросил сумку на кровать и, выудив из комода футбольный мяч, направился к двери.

— Ты куда? — спросила мать.

— Да так, к воротам, погулять немножко. Вилли всё ещё не видел моего мяча.

— А уроки?

Но в ответ лишь раздался звук захлопнувшейся двери. Что могла поделать мамаша Мельхер? Ведь должен же ребёнок, в конце концов, бывать на воздухе, — решила она.

Когда часа через два она окликнула его из окна кухни, Куртхен бесследно исчез. Около четырёх часов он появился снова.

— Где ты был?

— Я немножко поиграл с Вилли. Потом Вилли должен был делать уроки, а я всё это время ловил водяных блошек, потому что рыбки в его аквариуме были очень голодны. Одна даже умерла... которая пёстрая вся... Вилли говорит, она стоила три марки... А мама его говорит: «Ты, наверное, уже сделал уроки, так ты

можешь сбежать за стиральным порошком». А в лавке было так много народу!..

— Сейчас же садись за уроки!

— Ты должна мне дать пятьдесят пфеннигов.

— Зачем?

— В аптеке продаются хлопущки. Все мальчишки уже бегают с ними!

— Ты сейчас же сядешь за уроки, понятно? Где твой мяч?

Куртхен вдруг спохватился:

— Он должен быть у Вилли, с ним играл его маленький братишка. Я сейчас принесу.

Когда Куртхен в шесть часов возвратился снова, отец уже был дома.

— Жаль мне твоих кроликов, — между прочим заметил он Куртхену. — Корма нет, в клетках грязь.

Куртхен исчез.

От него пахло кроличьим стойлом, когда он появился к ужину. После ужина кто-то позвонил. Это был Армин, который ещё перед этим просил Куртхена зайти взглянуть на его железную дорогу, — она была электрической и совсем новой.

— Но только взглянуть и сейчас же назад,— сказал отец.

В половине десятого Куртхен вернулся с раскрасневшимся лицом.

— Это ты только являешься? — воскликнули родители в один голос.

— Да, Армин должен ложиться спать. А железная дорога мощная! С настоящими сигналами!

— Умойся и иди спать.

Отец уже хотел было раздеться, как ему что-то вспомнилось:

— А как у тебя с уроками?

Куртхен испуганно взглянул на отца.

— Ещё не сделаны? — захохотал отец. — Каждый вечер одно и то же представление! Сколько раз тебе говорит, что домашние задания всегда нужно выполнять в срок! Если ты не будешь делать свою работу в срок, то из тебя никогда не выйдет самостоятельного человека. Ну, что ты будешь делать, если тебя предоставить исключительно самому себе и ты сам должен будешь принимать решения, самостоятельно действовать и думать!.. Довольно, садись за дело!

Первые три задачи по арифметике Куртхен решил сам.

— Он больше не может решать,— обратилась мать к отцу,— остальные реши ему ты. Иначе мы будем сидеть до самого утра.

В то время как отец решал, Куртхен быстро прочитал отрывок из географии. Сегодня он воспринимал буквы как-то по-иному. Заглазное «В» в слове «Восточная Азия» сливалось и походило на футбольный мяч, буква «Г» выглядела как семафор на железной дороге Армина, а точки и запятые вытанцовывали будто водяные блохи.

Папаша зевнул. Было уже поздно. Мать спросила усталым голосом:

— Кончили?

— Ещё что-то было... я записал в дневнике... совершенно точно помню...

— Покажи! — сказал отец. — «Сочинение на тему: Что я знаю о картофеле»... Ну, что ты знаешь о картофеле? Пиши. Где твоя тетрадь?

— Сочинение? — переспросила мамаша Мельхер и с ужасом посмотрела на часы. Куртхен кивнул.

— Что же ты всё-таки знаешь о картофеле? — ещё раз спросил отец.

На несколько минут воцарилось молчание. Все трое напряжённо думали, что они знают о картофеле.

— Картофель — это клубни, — определила мать. — Пиши, Куртхен!

— Ерунда! Так не начинают сочинение! — заявил отец. — Пиши: «Рассматривая картофель в продовольственно-техническом аспекте...»

— Об этом учитель нам совсем не говорил...

— Пиши, чтобы мы быстрее могли отправиться спать. «В продовольственно-техническом аспекте картофель является... картофель является...» Написал?

— Картофель является тенелюбивым растением, — неожиданно заявила мать. — Пиши, Куртхен, пиши!..

— «Картофель является в научно-продовольственном отношении...»

— Пиши!

— «Картофель идёт на приготовление клёцок и других блюд...»

— Но это не годится для школьного сочинения, — поправил отец.

— Так говорится в поваренной книге, — возразила мать. — Пиши, мой мальчик, а то уже поздно!

— «Картофель завезён из-за границы...»

— Кому это нужно? — перебила мать. — Начни ещё с Адама и Евы!

— «Картофель...»

— «Картофель...»

— «Картофель...» Скажи, пожалуйста, что ты там написал? Одну страницу? Ну и хватит! Этого достаточно для какой-то там одной картошки.

Между тем мамаша Мельхер задремала. Куртхен, слегка дотрагиваясь пером до скатерти на столе, покрывал её маленькими чёрными точками. Папаша потирал себе воспалённые глаза. Было 5 утра...

— Конец, теперь в постель! У тебя всё?

— Да, — ответил Куртхен уже в полусне.

Усталый пришёл отец утром на фабрику. Весь день с головной болью ходила мать. А Куртхен с заспанными глазами и лицом едва сидел на уроках.

— Ты, наверное, не выспался? — спросил его учитель Борман. — Написал сочинение о картофеле?

— Да, — пролепетал Куртхен.

— Тогда прочти его вслух!

Куртхен стал читать:

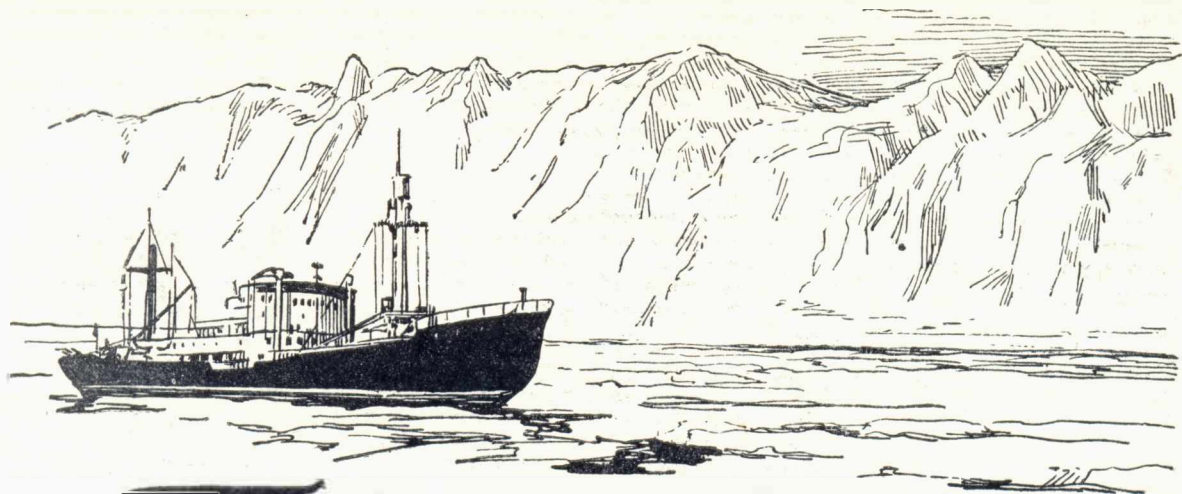
«В продовольственно-техническом аспекте картофель является клубнем. Картофель — тенелюбивое растение. В научно-продовольственном отношении картофель пригоден для клёцок, но не годится для школьного сочинения, — так говорится в поваренной книге. Картофель был завезён от Адама и Евы из-за границы, хотя это было никому не нужно. Картофель, картофель... заключительное предложение. Достаточно и этого для какой-то там одной картошки...»

Дети смеялись.

Теперь учитель Борман знал, почему у Мельхеров по ночам горел свет. После занятий он посетил родителей Куртхена и долго беседовал с ними. С тех пор это был последний вечер, когда окна Мельхеров так долго светились.

Перевёл с немецкого Л. Бурняшова

Путешествия НАШИХ ДНЕЙ

В. САМОХИН

Рисунки С. Пивоварова

Как-то в библиотеке я подслушал разговор двух мальчишек. Один из них, постарше, держал в руках «Таинственный остров» Жюль Верна, другой, мечтательно глядя на книгу, говорил:

— Эх, жалко, что теперь не осталось таких островов! И открывать ничего, всё уже открыли. Счастливый был Герберт! А теперь даже артисты дают концерты на Северном полюсе.

Я захотел остановить ребят, рассказать им о том, как они ошибаются, как бесконечно много путешествий и открытий осталось на их долю, но они быстро попрощались и разошлись.

В наше замечательное время, когда строят атомные корабли, когда полёт через Северный полюс становится обычным пассажирским рейсом, когда путешествие из Москвы в Пекин на быстрокрылом ТУ-104 занимает всего десять часов, многие считают, что время заманчивых путешествий и открытий безвозвратно прошло.

Так ли это?

Несколько сот лет учёные и путешественники разных стран исследуют нашу землю. Сколько великих имён и великих открытий! И, кажется, нет уголка, куда не ступила бы нога человека! Но это первое и обманчивое впечатление.

Совсем недавно, всего три десятилетия назад, на крайнем северо-востоке Азии была найдена целая горная страна в тысячу километров длиной, триста километров шириной и в три километра высотой. Реку Колыму пришлось передвинуть на карте на 200 километров к юго-востоку в верховьях и к северо-западу в низовьях. Этот переворот в представлении географов совершили Иван Деметьевич Черский, начавший исследовать этот район ещё в конце прошлого века, и советская экспедиция под руководством члена-корреспондента Академии наук С. В. Обручева. На картах появился горный хребет Черского. А в 1954 году советские учёные открыли горный хребет, простирающийся на 1700 километров в длину. Правда, это горы необычные, они находятся на дне Северного Ледовитого океана. Их роль в жизни океана очень велика: они являются барьером на пути глубинных течений, поэтому состав воды и животный мир по обе стороны хребта различны.

Посмотрите на карту крайнего юга Земли, где лежит шестой материк — Антарктида. Гигантское белое пятно в 14 миллионов квадратных километров продолжает мозолить глаза учёным всего мира. Они даже не знают до сих пор, является ли Антарктида материком или архипелагом, скован-

ным льдинами. Их никак не устраивают неточные контуры страны ледяного безмолвия, этой кухни мировой погоды. Люди решили стереть это «белое пятно» с карты Земли. И здесь предстоит ещё очень много трудной работы и увлекательных путешествий, которых вполне хватит и на долю будущих Пржевальских и Амундсенов, ещё сидящих за школьными партами.

Но только ли в Антарктиде нас ждут необычайные открытия? Так ли хорошо человек знает уже, казалось бы, давно изученные материк? Оказывается, нет.

В северной части Южной Америки, в Венесуэле, среди зелёного океана сельвы высятся плоскогорья, совершенно отрезанные от мира отвесными обрывами высотой от одного до трёх километров. Никто не знает, что находится на их плоских вершинах, почти всегда закрытых облаками. Лишь на одно из них забрались исследователи и обнаружили там грызунов, которые не встречаются в окрестных лесах. В 1935 году над одним из этих плоскогорий под названием Ауян-Тепуй (на языке местных индейцев это означает «Гора дьявола») пролетел на самолёте американский лётчик Джимми Энджелл. Он обнаружил срывающийся с огромной высоты водный поток. Этот водопад оказался высочайшим

в мире. Последующие попытки Энджелла проникнуть на плоскогорье едва не стоили жизни ему и его спутникам. И только в 1948 году удалось на челноках пробраться к водопаду и измерить его высоту. Она оказалась равной 980 метрам. Это в пятнадцать раз больше высоты знаменитой Ниагары. Водопад нанесли на карту и назвали Энджелл-фоллс в честь смелого лётчика.

Так открыли высочайший водопад в мире. И кто знает, какие ещё открытия ждут нас в этом да и в других районах Земли?

...«В 12.30 Натаниэль Сейнт радиовал жене: «К нам идут десять ауков. Молитесь о нас. День наступил! Принимайте следующую передачу в 16.35». Ровно в назначенное время Марджори настроила приёмник на волну передатчика своего мужа. 16.35 — молчание. 16.40 — молчание. 17.00 — молчание... Прошло ещё полчаса, однако передача так и не состоялась.

Что же случилось? Возможно, они увлеклись встречей с ауками на «Пальмовом берегу»? А может быть, испортился передатчик? А вдруг произошло неполадное?.. Тогда надо просить о помощи и раскрыть тайну... Решено было ждать до утра.

Следующим утром над «Пальмовым берегом» появился самолёт. Когда лётчик вернулся, он сообщил, что обшивка с самолёта Сейнта сорвана, а на берегу никого нет. Конечно, произошло что-то неполадное. Кто такие ауки и где находится «Пальмовый берег»? О какой тайне идёт речь и кто такой Сейнт? Что же в конце концов произошло?

Это не отрывок из приключенческого романа, это случилось в январе прошлого года в глухой эквадорской сельве, на берегу реки Курарай, там где обитает индейское племя ауки — пожалуй, одно из самых диких племён на земле. До сих пор никто точно не знает, где и как живут ауки. Известно только, что они свирепо расправляются со всеми, кто пытается нарушить их покой. Соседние племена от одного их имени приходят в трепет. Попытки правительства Эквадора установить над ними контроль стоили многих жизней, но не привели ни к чему.

Этим таинственным и свирепым племенем заинтересовались пятеро молодых американцев. Они решили установить с ним контакт и узнать, как живут ауки — ведь предполагают, что они до сих пор не перешагнули рубеж каменного века. Для того чтобы об этой их затее никто не узнал и не помешал её осуществлению, молодые люди решили не посвящать в неё никого, кроме жён.

Даум из них, Сейнту и Маккалли, удалось с самолёта обнаружить поселения ауков. Установление дружбы

решили начать прямо с неба. Для этого на веревке опускали аукам подарки. Так продолжалось довольно долго, но, в конце концов, американцам удалось установить контакт с индейцами на земле, в районе их поселения. Американцы устроили там свой лагерь под названием «Пальмовый берег». Здесь их и навестили первые ауки: мужчина и две женщины. Встреча оказалась дружественной и многообещающей. Теперь ждали новую, большую группу индейцев. Казалось, дело идёт к успешному завершению. В тот день радостный и взволнованный Сейнт отправил радиограмму: «День наступил!» Но знакомство с ауками окончилось трагически: отряд, направленный на поиски американцев, обнаружил на «Пальмовом берегу» их трупы и повреждённый копиями самолёт Сейнта.

Почему ауки, проявившие сердечность во время первой встречи, убили этих людей? Это, как и вся жизнь ауков, до сих пор покрыто тайной, которую ещё предстоит раскрыть новым исследователям диких эквадорских джунглей.

И не только в Южной Америке живут племена, о которых ничего или почти ничего не известно. Совсем недавно, всего три года назад, французская экспедиция обнаружила в малодоступных горных районах Новой Гвинеи до тех пор не известное европейцам племя дуна. Оно насчитывает 20 тысяч человек и живёт почти в условиях каменного века.

Вы, наверное, слышали о загадке «ужасного снежного человека», обитающего, по слухам, высоко в горах Гималаев. Йети, или метох-кангми, как его называют тибетцы, внушает суеверный ужас жителям гор. Они считают его сродни шайтану и приписывают ему способность околдовать человека, превратить его в животное или камень и уж во всяком случае съесть его.

Тибетцы, непальцы и индийцы не раз рассказывали европейским путешественникам о «снежных людях», обитающих в недоступных горных долинах, и уверяли, что неоднократно видели их. Многие путешественники встречали следы этого таинственного существа и сфотографировали их. Итальянец Томбози как будто видел даже живого йети. И, наконец, совсем недавно в одной мадридской газете появилась сообщение о том, что один американец якобы купил в Непале живого йети и собирается показывать его в Америке и Европе.

Если из показаний многочисленных очевидцев выбрать лишь то, в чём они не противоречат друг другу, окажется, что йети выглядит следующим образом: двухметровый рост, тело покрыто шерстью, обезьяноподобное лицо, способность пере-

двигаться на задних конечностях и перепрыгивать через пропасти.

О «снежном человеке» Гималаев писали в нашей прессе, но, наверное, не многие знают, что о нём рассказывают и у нас на Памире, что есть люди, которые слышали его голос, видели его следы и зарисовали их.

Загадка «снежного человека», обитающего на азиатских высокогорьях, до сих пор не решена. Однако многие учёные не отрицают возможности существования в тех местах животного, стоящего на грани между человекообразной обезьяной и человеком.

Если в наше время кто-нибудь решит предпринять путешествие через океан на небольшой шлюпке, плоту или надувной резиновой лодке, рассчитанной на двух пассажиров, вы, наверное, сочтёте его чудачком или, во всяком случае, несерьёзным человеком, решившим в целях саморекламы удивить мир своим безрассудством, обратить на себя внимание и подзаработать на этом. Такие странности путешественники есть. Среди них встречаются люди, для которых реклама и бизнес — главное, из-за чего они рискуют жизнью. Но не о них пойдёт речь дальше.

...23 декабря 1952 года рыбаки острова Барбадос заметили далеко в море маленький парус. Он медленно приближался к берегу. Прошло ещё немало времени, прежде чем можно было различить небольшую надувную резиновую лодку и человека в ней. Временами казалось, что лодка почти не двигалась вперёд. Несколько баркасов поспешили навстречу человеку, который, возможно, много дней провёл в океане в одиночестве, без воды и пищи.

На берегу собралось множество народу, оживлённо обсуждавшего это событие. Кто мог быть на лодке? Только человек, потерпевший кораблекрушение, — все сходились на этом. Не было на берегу людей равнодушных или даже просто любопытных. Выросшие на море, они хорошо знали его — ласковое и безмятежное сегодня, завтра, может быть, расвирепешее и безжалостное.

Дружными усилиями лодчку вытащили на береговой песок. Неуклю-

же поднявшись, из неё вышел худой, обожжённый солнцем и обросший бородой человек. Сделав несколько неуверенных шагов, он опустился на землю. Жадным движением он взял горсть песка, несколько раз пересыпал её из ладони в ладонь, бросил песок на открытую грудь, радостно засмеялся. Окружавшие его люди в дружной улыбке обнажили зубы, оживлённо зашумели. Человек поднялся на ноги и медленно пошёл, с явным удовольствием ощущая под собой землю. Путь был окончен. И это не было вынужденное путешествие человека, потерпевшего кораблекрушение, а научный подвиг во имя спасения многих человеческих жизней. Остались позади многие дни добровольного одиночества и страданий, тысячи километров безбрежного океанского простора.

Изучая истории кораблекрушений и человеческих трагедий на море, французский врач Алэн Бомбард пришёл к убеждению, что на море смерть часто происходит не от недостатка воды и пищи, а от страха перед якобы неразрешимой проблемой обеспечить себя ими. Страх перед гибелью, чувство одиночества приводили к параличу дыхательных центров, к смерти.

Вооружить человека верой в свои силы, доказать, что море может дать ему всё необходимое, пока не подоспеет помощь, — такую задачу поставил перед собой Бомбард и блестяще её выполнил. Он теоретически доказал, что в небольших количествах можно пить морскую воду, чтобы не умереть от жажды; что выловленную рыбу не только можно есть сырую, но и выжимать из неё пресный сок; что, наконец, без вреда для здоровья можно поглощать планктон*, содержащий витамин С. Люди ему не поверили. Бомбард решил не останавливаться на полпути — надо было победить недоверие людей, надо было победить море.

И он совершил беспрецедентное путешествие на спасательной резиновой лодке, сначала от порта Монако до Канарских островов с заходом на Балеарские острова, в Танжер и Касабланку, а затем от Канарских островов до острова Барбадос в Америке. Этот последний участок пути в четыре с половиной тысячи километров он преодолел за 65 дней. Всё путешествие Бомбард проделал без запаса продовольствия и воды, питаясь только тем, что давало ему море. За это время он потерял в весе 23 килограмма, ослабел и стал малокровным, но быстро восстановил силы и здоровье.

* Планктон — совокупность мельчайших растительных и животных организмов, проводящих всю жизнь в воде.

Сейчас Алэн Бомбард продолжает работу в спасательной службе французского флота.

Ещё один француз — Жак Из Ле-Тумелен в 1949—1952 годах один совершил кругосветное плавание на небольшом парусном судне с целью изучить напряжения морских течений и ветров. О своём путешествии он написал интересную книгу «Вокруг света на «Куруне»».

Все вы, наверно, слышали, а многие, может быть, и читали о замечательном путешествии норвежского учёного Тура Хейердала и его товарищей на плоту «Кон-Тики» от берегов Южной Америки до островов Полинезии. Нет нужды рассказывать о нём подробно. Оно взволновало весь мир своей смелостью и вызвало большое уважение к отважным учёным, не на словах, а на деле взявшимся доказать правильность гипотезы о заселении островов Тихого океана выходцами с американского континента.

И таких с первого взгляда странных путешествий, когда люди в век огромных быстроходных лайнеров и трансокеанских авиалиний используют примитивные средства передвижения, было и будет ещё немало.

И если уж поверхность Земли и её обитателей человек ещё не изучил как следует, то земные недра, глубины океанов и морей представляют поистине безграничные возможности для увлекательнейших исследований и интереснейших открытий. Эти исследования, по существу, только начинаются, и делаются только первые, но многообещающие открытия.

Люди и в прошлом не раз пытались опуститься на морское дно, узнать — что же там? Но они были бессильны перед мраком, холодом и огромным давлением водяной толщи. И только в последние несколько десятилетий успехи в науке и технике позволили вплотную подойти к решению многих тайн подводного мира. Особые корабли для глубинных спусков и плаваний — батискафы, оборудованные новейшими приспособлениями и аппаратурой, позволяют теперь достигать глубин в несколько километров. Если в 1934 году американцу Уильяму Бибу удалось спуститься на батисфере —

стальном шаре с иллюминатором из кварцевого стекла — на глубину около тысячи метров, то в 1954 году французские учёные Гюо и Вильям достигли у западного побережья Африки глубины 4050 метров. И не только достигли, но и проплыли вдоль дна около четырёх километров.

Конструкторы работают сейчас над созданием батискафа, в котором можно будет опуститься в самую глубокую пучину — Марианскую впадину в Тихом океане.

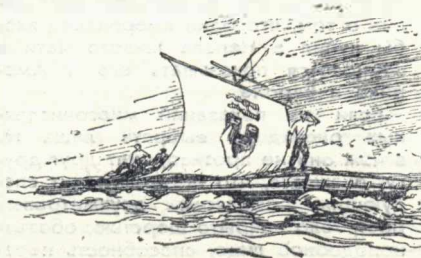
Исследования подводного мира, занимающего семьдесят процентов Земли, только-только начинаются, и все великие открытия и путешествия по нему ещё впереди.

После путешествий в далёкие страны и неведомые миры мне хочется вернуться к путешествиям, которые не менее интересны и уж во всяком случае не менее полезны — к путешествиям по родной стране. «...Нет такого места, где бы не было возможности отыскать новое, увидеть незнакомое, встретиться с тем, чего даже не предполагал встретить», — пишет писатель Николай Тихонов. — В своё время я, уроженец Ленинграда, вместе с подходящими спутниками изучил все лежавшие вокруг города болота, и даже эти болота давали нам полное удовольствие трудных, больших прогулок, когда мы могли наслаждаться картинами северной природы, белыми ночами и считать себя следопытами, не боящимися никакой глуши».

Многие наши ребята так и поступают. Всему Союзу известна Мещёрская экспедиция московских школьников. Уже несколько лет подряд она изучает Мещёрскую низменность по течению реки Клязьмы. Работа экспедиции представляет такую ценность, что её отчёт заслушан даже в Академии наук СССР.

Такие экспедиции доставляют их участникам много удовольствия, дают им возможность исследовать природные богатства родного края, приносить большую помощь народному хозяйству.

Мне вспоминаются замечательные слова Константина Паустовского: «Если хотите быть подлинными сыновьями своей страны и всей земли, людьми познания и духовной свободы, людьми мужества и гуманности, труда и борьбы, людьми, создающими высокие духовные ценности, — то будьте верны музе далёких странствий и путешествуйте в меру своих сил и свободного времени, но прежде всего по своей родной стране, — её мы до сих пор ещё как следуют не знаем. Каждое путешествие — это проникновение в область значительного и прекрасного».

А. АНИКИН
(Из записной книжки)

— На одном из уроков,— рассказывает учительница Валентина Александровна,— я знакомила детей с понятием рельефа местности. Делали из пластилина холмы, овраги, реки. Во время работы один из учеников поднял руку:

— Валентина Александровна, разрешите мне сделать рельеф Суэцкого канала.

Я разрешила. Вскоре и другие увлеклись каналом. У нас было несколько открыток с видами Египта, и они пошли по партам.

— А какие берега у Суэцкого канала? Глубок ли он? Далеко ли от него пирамиды, сфинксы?— спрашивали наперебой ребята.

Работали они с увлечением. Вскоре по макетам канала «поплыли» пароходы, а по сторонам разместились пирамиды, сфинксы, пальмы. На высокомо флагштоке среди песков пустыни гордо развеялся зелёный египетский флаг с белым полумесяцем и звёздами.

На школьном фестивале у нас был молодой студент египтянин. Дети показали ему свои работы.

— Всё правильно,— сказал он, осмотрев макеты.— Всё художественно! Только вот этот мост через канал уже не существует: его разрушили вражеские бомбы.

Голос его дрогнул.

Маленький Костя подошёл к студенту и сказал:

— Мы знаем, что ваши дети попали в беду. Просим, передайте им: мы любим их и хотим с ними дружить...

Египтянин крепко пожал Косте руку. И все ребята по очереди подходили и жали ему руку. Это был волнующий момент.

— Фестиваль необыкновенно поднял интерес детей к другим странам,— говорит воспитательница детского дома Наталья Станиславовна Войтасик.— География стала любимым предметом, а журнал «Вокруг света» — настольной книгой. Читают и за этот и за прошлые годы. Задают вопросы, спорят.

— Где остров Рождества? Там англичане хотят взрывать водородную бомбу...

— А каким путём лучше проехать из Исландии в Москву на фестиваль? Возникает спор.

— Лучше всего,— говорит белокурая девочка,— самолётом до Копенгагена, пароходом до Гданьска, а затем уж по железной дороге до Москвы.

— Это ни к чему!— возражает Володя.— Если уж самолётом лететь, то лучше прямо Исландия — Москва без пересадки!

— А я бы,— мечтательно произносит Серёжа,— отправился на пароходе по океану... Волны, солёные брызги на губах, чайки... И голос у капитана — простуженный, хриплый. Здорово! А самолётом, что! Стакан чаю выпил и уже выходи. Приехали.

— Нашего Игоря,— говорит Нина,— выбрали от класса разводить голубей. Он у нас специалист по этому делу. А вчера ему учительница сказала: «Если ты, Игорь, не будешь дома решать задач, я запрещаю тебе готовить голубей к фестивалю». И вот нам с Эммой приходится помогать ему по арифметике, потому что ни-

кто, как Игорь, не умеет так хорошо заботиться о голубях. Мальчики нас очень просили: «Вы с Игорем лучше занимайтесь, без него мы пропадём». Мы, конечно, согласны и по пять раз объясняем ему задачу. А он всё вскакивает и бежит к окну: летают ли там наши голуби? Просто беда с ним!

— На днях мой Женька,— рассказывает Анна Николаевна,— изумил меня вопросом: «Мама, скажи мне, как с гостями надо держаться?»

Я просто глаза раскрыла от неожиданности. Вежливостью, как вы знаете, он у меня не отличается, гостей ему пока принимать не приходится. И вдруг такой вопрос. Я не знала, что и сказать, но всё же сказала: недопустимо в гостях быть развязным, громко хохотать, размахивать руками, набрасываться на еду. «А ещё что?» — спрашивает.

Поглядев на его чрезвычайно серьёзную физиономию, я, едва удерживая смех, ответила:

— Если ты собираешься в гости идти, подстриги волосы, а то они у тебя опять на глаза полезли.— Он недовольно фыркнул.— Руки в карманы не засовывай. Ботинки почищи... Зачем тебе всё это вдруг потребовалось? «И совсем не вдруг», — отвечает.— Мы к фестивалю готовимся и на сборе должны обсудить: что принято и что не принято.

Не знаю, или сбор у них был хороший или ему самому захотелось быть лучшим, но заметно переменялся мой Женька. Не стало прежней грубоватой развязности. Так и сыплет «спасибо», «пожалуйста».

ИЮЛЬСКИЕ ДНИ 1917 ГОДА

3. Боград

В то время как большевики во главе с В. И. Лениным неустанно разоблачали перед трудящимися контрреволюционную сущность Временного правительства, меньшевики и эсеры из кожи лезли, чтобы выслужиться перед министрами-капиталистами. Как известно, в июне 1917 г. на Первом Всероссийском съезде Советов, где преобладали меньшевики и эсеры, были приняты решения о безоговорочной поддержке Временного правительства.

Временное правительство тем временем готовилось к беспощадной расправе с революционным народом. Буржуазия призывала голод в свои союзники. Крупнейший текстильный фабрикант-миллионер Рябушинский откровенно хвастался на съезде торговцев и промышленников, что не за горами время, когда «костявая рука голода и народной нищеты схватит за горло друзей народа».

Если в мае 1917 г. было закрыто 108 заводов и фабрик, то в июле число закрытых предприятий достигло 206. Новые десятки тысяч рабочих семей были обречены на голодную смерть.

Временное правительство посылало казачьи отряды в деревню для беспощадной расправы с крестьянами, посягавшими на помещичьи земли.

Переполнило чашу терпения народных масс начатое по приказу Временного правительства 18 июня наступление на фронте, во время которого погибло 60 000 солдат. Хотя военная цензура тщательно вымарывала из солдатских писем малейшие сообщения о полном провале этого наступления, его итоги нельзя было долго держать в секрете.

Известие об этом преступлении было получено в Петрограде в начале июля 1917 г. и вызвало в народе взрыв возмущения.

Утром 3 июля (16 июля по новому стилю) выступили солдаты 1-го пулемётного полка. Под лозунгами: «Долой десяты министров-капиталистов!», «Долой войну!», «Вся власть Советам!» — они с пением революционных песен вышли из

казарм. Их представители прибыли на заводы Петрограда и к морякам в Кронштадт. Всюду солдаты-пулемётчики встречали единодушную поддержку рабочих, солдат и матросов.

Меньшевики и эсеры, пытавшихся выступить в поддержку Временного правительства, осистывали и стаскивали на митингах с трибун. Днём 3 июля во всех районах Петрограда проходили массовые митинги и демонстрации. Особенно мощными они были в пролетарском Выборгском районе. Отдельные демонстрации слились в общую грандиозную демонстрацию под лозунгом отставки министров-капиталистов и передачи всей власти Советам.

Поздно ночью людское море забушело перед зданием Таврического дворца. Одних путловцев здесь было около 30 000 человек. Собравшиеся требовали положить конец преступной политике буржуазии.

Большевики считали момент неблагоприятным для выступления. Были получены известия, что Временное правительство стянуло большие силы для расправы с демонстрантами. Так как отговорить рабочих и солдат от выступления не удалось, большевики призвали их к мирной и организованной демонстрации, чтобы не дать повода для кровавых провокаций со стороны врага.

4 (17) июля мощные демонстрации и митинги под руководством большевиков проходили по всему Петрограду. В них приняли участие также революционные отряды, прибывшие из Кронштадта, Петергофа, Ораниенбаума и других мест.

Демонстранты с оркестрами и красными флагами шли ко дворцу Кшесинской, где в те дни помещались Центральный и Петроградский комитеты нашей партии. С балкона этого дома В. И. Ленин выступил перед собравшимися с речью, в которой выразил глубокую веру в победу трудящихся.

Несмотря на мирный характер июльской демонстрации, она была расстреляна. 4 июля на Невском, Литейном, у Инженерного замка и в ряде других мест Петрограда мостовые обгабрились кровью демонстрантов, расстрелянных юнкерами и офицерами. Убийц не остановило, что в числе участников демонстрации было немало детей и подростков.

Утром 5 (18) июля юнкера разгромили редакцию газеты «Правда». С фронта были вызваны новые контрреволюционные части.

Враги начали форменную охоту на большевиков. 6 июля юнкера убили на улице рабочего Воинова, продававшего «Листок Правды», вышедший взамен разгромленной «Правды».

В этот же день Временное правительство издало приказ об аресте В. И. Ленина, обвинив его... в государственной измене.

7 (20) июля в квартире, где жил В. И. Ленин, юнкера произвели обыск. К счастью, Владимира Ильича не было дома и он избежал ареста.

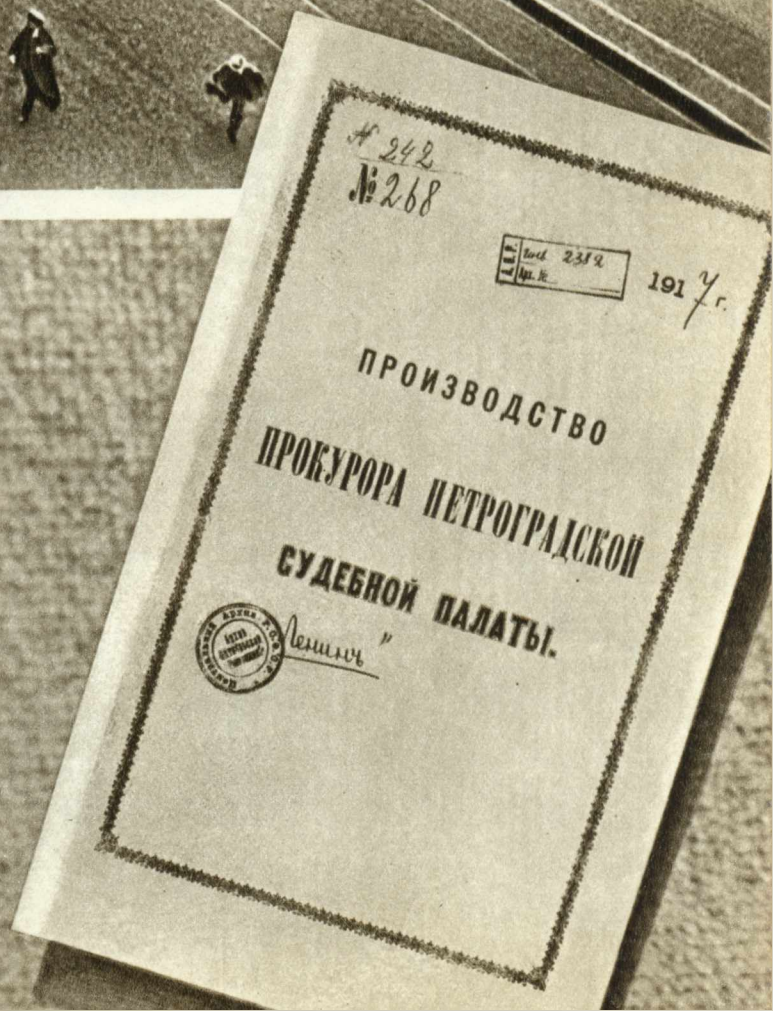
С помощью рабочих большевики надёжно укрыли вожда революции от агентов Временного правительства. В. И. Ленин скрывался в сторожке на заводе «Рено», затем у рабочего С. Я. Аллилуева, ещё позднее — в шалаше на станции Разлив под Петроградом.

В обстановке жестоких преследований со стороны врагов революции большевистская партия, руководимая великим Лениным, мужественно и осмелительно вела трудящихся к победе над угнетателями.

Расстрел Временным правительством в июльские дни 1917 года мирной демонстрации трудящихся в Петрограде на Невском проспекте.

Дело о привлечении к суду В. И. Ленина, возбуждённое Временным правительством в июле 1917 года.

Ученица 9-го класса 150-й московской школы Нина Моисеева — член добровольного спортивного общества „Крылья Советов“. Она второй год успешно занимается художественной гимнастикой.

На снимке: Нина Моисеева выполняет прыжок „кольцом“.

Фото А. Шайхета

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СПОРТИВНЫЕ ИГРЫ МОЛОДЁЖИ

Г. ЕЛЕНСКИЙ,

судья по спорту всеобщей категории

Дни VI Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в Москве совпадают с днями интереснейших спортивных встреч, которые широко известны во всём мире под названием Международных дружеских спортивных игр молодёжи.

Молодёжные игры преследуют те же благородные, истинно демократические цели, что и Олимпийские игры.

Эмблема Олимпийских игр — пять переплетённых разноцветных колец — символизирует единение спортсменов пяти материков. Но эти большие международные встречи проводятся только один раз в четыре года во время олимпиад. Молодёжь, естественно, всегда стремилась к более частым встречам, а необходимость в этом диктовалась и спортивными соображениями. Ведь сущность спорта заключается в состязании, в борьбе за первенство, в постоянном совершенствовании спортивного мастерства. И сильнейшим совершенно недостаточно соревнований со спортсменами только своей страны. Не случайно поэтому возникла идея всемирных соревнований в промежутке между Олимпийскими играми. Она нашла теперь своё воплощение в международных дружеских спортивных играх молодёжи.

Эти игры проводятся через год и в основном по той же программе, что и олимпийские игры. Так, на III Молодёжных играх состоятся соревнования по семнадцати из двадцати олимпийских видов спорта для мужчин и по полной олимпийской программе для женщин. Кроме того, будет разыграно первенство и по ряду других видов спорта (в общей сложности — по 24 видам).

На молодёжных играх так же, как на олимпиадах, разыгрывается только личное первенство, причём полностью сохраняются все олимпийские условия соревнований и ритуал награждения победителей. Участникам, занявшим первые шесть мест в каждом виде соревнований, вручаются дипломы и, помимо этого, первые три призёра награждаются соответственно занятым местам золотой, серебряной и бронзовой медалями, причём будет исполняться гимн той страны, спортсмен которой станет чемпионом. В этот торжественный момент на трёх флагштоках взвываются флаги стран, представляемых тремя призёрами.

29 июля на Центральном стадионе имени Ленина в Москве состоится грандиозный спортивный праздник открытия III Международных дружеских спортивных игр молодёжи, которые продлятся до 10 августа. А сейчас в Советском Олимпийском комитете жаркая пора. Там идут последние приготовления к приёму участников игр и к встрече на стадионах 30 000 иностранных гостей — участников VI Всемирного фестиваля молодёжи и студентов, которые, конечно, захотят присутствовать не только на празднике открытия молодёжных игр, но и будут «болеть» за своих соотечественников во время всех соревнований.

Пожелаем же и участникам игр и «болельщикам» острой спортивной борьбы, новых незабываемых встреч, укрепляющих дружбу между народами!

ПРАЗДНИК ЮНЫХ ЧЕЛЯБИНЦЕВ

М. БЕЗБОРОВА,

секретарь Челябинского горкома ВЛКСМ

Челябинские школьники подготовку к VI Всемирному фестивалю молодёжи начали с сентября прошлого года. В школах были созданы специальные штабы. Учащиеся участвовали в декаднике по озеленению родного города. За 10 дней они посадили тысячи деревьев и десятки тысяч кустарников.

Коллективы учащихся 17, 92, 27, 47, 36-й школ, занявшие первые три места, получили переходящий приз, денежные премии и грамоты горкома ВЛКСМ.

С декабря в школах проходят конкурсы, праздники песни, спортивные соревнования. Во многих школах проведены вечера, беседы, пионерские сборы на темы о жизни молодёжи за рубежом, о творческом труде советской молодёжи, о фестивалях. В гостях у ребят побывали представители молодёжи Китая, Кореи.

В 53-й, 100-й школах созданы «промкомбинаты», в которых ребята делали для школьных фестивалей цветы из бумаги, гирлянды, маски, сами шили костюмы для карнавалов. В 48-й школе создан ансамбль песни и пляски. Учащиеся 18-й школы собрали около двух тонн макулатуры.

Большую работу по подготовке к фестивалю провела средняя 63-я школа. Торжественное открытие школьного фестиваля состоялось в феврале. Актёрский зал школы был красочно украшен. Вечер начался фестивальным шествием во главе с факельщиками и знаменосцами. Выступали коллективы самодеятельности, спортсмены; проведены конкурсы на лучший рисунок, вышивку, подарок участникам областного и VI Всемирного фестивалей.

Такие же фестивали прошли и в других школах города.

Победителям конкурсов вручался значок «Лауреату школьного фестиваля» (значки ребята изготовили сами во время прохождения практики на часовом заводе).

Городской комитет ВЛКСМ вместе с горно и городским Дворцом пионеров провели конкурс на лучшую подготовку школы, района к городскому фестивалю школьников.

Во время городского фестиваля состоялись спартакиада школьников, смотр юных талантов, конкурс детского творчества. Один день фестиваля был отведён для трудовых дел: участники фестиваля по районам работали на строительных площадках, по благоустройству детского парка и на других объектах, младшие школьники вели тимуровскую работу. Участники детской художественной самодеятельности выступили с концертами перед рабочими промышленных предприятий и строок города.

Того, кто хорошо подготовился к городскому фестивалю и принял активное участие в нём, ожидали ценные призы. Наград победителям было выделено много, но победителей оказалось ещё больше.

Городской фестиваль школьников явился весёлым праздником юных челябинцев. На фестиваль были приглашены ребята из сельских Сосновского и Красноармейского районов, а также из г. Копейска.

ЧТО ДЕЛАЮТ ДЕТИ НА СВЕТЕ?

(Заметки о новинках переводной детской литературы)

В. ОСТРОГОРСКИЙ

Наверное, многие из наших ребят могли бы сказать о себе словами из чудесного стихотворения Джанни Родари:

Хочу я повсей прскатиться
планете,
Разведать, что делают дети
на свете,
Как их зовут?
Хорошо ли живут?..

Присоединимся к юным читателям. Взглянем их глазами на картины жизни ребят в зарубежных странах, встающие в повестях и рассказах-новинках переводной литературы.

Итак, что же делают дети на свете?

Помогают взрослым строить новую жизнь — отвечает на этот вопрос повесть Э. Низюрского «Книга о сорванцах» (Детгиз, 1957). Она переносит нас в небольшую деревню Вильчков, расположенную в старинном горнорудном районе Польши — Старопольском Заглембьи. Как можно предположить даже по названию повести, польский писатель не принадлежит к тем деятелям детской литературы, которые полагают, что юному читателю надо показывать его сверстника лишь в приукрашенном и причёсанном виде. И, действительно, Виктор Стопа, тринадцатилетний гражданин Польской Народной Республики (так величает героя книжки сам автор), далеко не всегда выглядит образцом хорошего поведения. Чего стоит хотя бы злая шутка, которую он и его друзья сыграли с дедом Осухом... Запрятать в постель суеверного старика огромную крысу, напугавшую его почти до беспамятства, — совсем не похвальный поступок!

О ссорах и примирениях, бесчисленных проказах и приключениях вильчковских сорванцов Э. Низюрский пишет с глубоким знанием ребячьей психики и мягким юмором. Вот один из героев повести, Каролик, проводив взрослых на работу, добрался до отцовской коробки с курительными принадлежностями: «А что если взять с собой в школу эту индейскую трубку?.. Вечером можно было бы разжечь костёр и выкурить трубку мира!» Каролик устраивается в кресле, с видом заправского курильщика затягивается и... долго не может откашляться, поперхнувшись крепким табачным дымом. Неудача огорчает его ненадолго, через минуту он вновь заливается смехом, представив себе, как у его прияте-

лей полезут глаза на лоб, когда он даст им покурить из этой коварной трубки.

Но жестоко ошибётся тот, кто подумает, будто вильчковские сорванцы умеют только проказничать. Нет, дела серьёзные и полезные занимают в их жизни куда больше места, чем озорные шутки. Например, школьная стенгазета. В ней ребята продёргивают и своих одноклассников — двоечников, прогульщиков, а также и взрослых, если они ведут себя неосознанно и марают честь гражданина новой Польши.

Что же касается Виктора и Каролика, то для них самое важное — операция «Ш». Это очень сложное и загадочное дело. Пытаясь в нём разобраться, ребята спускаются в ствол заброшенной шахты, чуть не утопают в подземном болоте и, превозмогая страх, проводят целую ночь на кладбище. Об этом деле в двух словах не расскажешь, и мы отсылаем читателя к повести Э. Низюрского.

...Дети — наше будущее, говорим мы. Можно ли удивляться, что за их души идёт борьба, что детям иногда приходится выбирать между старым и новым. И это бывает нелегко, как нелегко было немецкому мальчику Тинко...

Запутанная у Тинко жизнь, попробуй-ка разберись в ней, пойми, кто прав, а кто виноват, кто желает тебе добра, кто лиха, кто друг, кто недруг. Взять, например, дедушку Краске (он любит, чтобы его называли «хозяин Краске»). Казалось бы, Краске души не чаёт в мальчишке, ничего для него не жалеет, а ведь чуть было всю жизнь его не исковеркал. Если бы не «дядя-солдат», вернувшийся из русского плена, если бы не мастер Вунш, который о людях знает больше, чем самый учёный доктор, — расти бы Тинко таким же волчком, как Фриц, сын деревенского кулака Лысого Чёрта...

Как и в повести о сорванцах, в книге немецкого писателя Э. Штриттматтера «Тинко» (Детгиз, 1956) изображается деревня. По широте охвата явлений жизни эта детская повесть может смело поспорить со многими произведениями литературы для взрослых. Талантливый немецкий писатель Эрвин Штриттматтер не скрывает от юного читателя правду, даже когда она тяжела и неприглядна. И всё-таки его книга вполне доступна и во всём

понятна ребятам, потому что писатель сумел показать насыщенный противоречиями быт деревушки Мэрцбах таким, каким он представляется мальчику Тинко.

День за днём проходят перед нами осень, зима, весна и лето в Мэрцбахе. Вместе с Тинко мы окуцаиваем картошку, убираем хлеб, вместе с ним радуемся тому, что в Мэрцбахе появляется всё больше машин и, значит, ребятам скоро уже не придётся, пропуская занятия в школе, в страдную пору с утра и до вечера трудиться на поле наравне со взрослыми. Недаром Тинко называл тракторы счастьем детей...

Как будто бы походя и небрежно, а в действительности очень искусно, тонко и проникновенно изображает Штриттматтер неяркие пейзажи Восточной Германии, её природу. Например, о том времени года, какое у нас называется бабьим летом, он пишет: «Воздух прозрачный-прозрачный. Кузнечики, словно одержимые, чистят ножками искрящиеся крылышки. Шмели снова ожили. Точно чёрные бархатные шарики, они висят на маленьких цветочках вереска. Посвистывают скворцы — это они лето домой зовывают...»

...С Индией юного читателя знакомит повесть-сказка Кришана Чандра «Перевернутое дерево» (Детгиз, 1956). В этой повести мы читаем про чудеса автоматки и про волшебные чудеса джиннов, про лифты, автомашины и про великанов. Выдумка в ней подчас похожа на правду, а была бы напоминает выдумку. Но это не просто игра прихотливой фантазии автора. В обращении к советским читателям Кришан Чандр справедливо пишет о том, что в его книжке под оболочкой сказки скрывается другой рассказ, который не имеет ничего общего ни с джиннами, ни с великанами, ни с волшебными лампами, — рассказ о современной Индии.

Герой книги Кришана Чандра ничем не напоминает традиционные

фигуры восточных сказок. Это обычный крестьянский мальчик, живой, отзывчивый, любознательный. Хотя по воле автора ему приходится общаться с великанами, волшебниками и падишахами, он ведёт себя при этом вполне житейски — радуется и огорчается, сердится и смеётся, как будто бы все события происходят в его родной деревне. Странствия по волшебной стране многому научили Юсуфа. За несколько дней ему открывается столько, сколько иному не удаётся узнать и за долгие годы. Юсуф слышит призывный хор голосов, принадлежащих убитым борцам за свободу: падишаху не удалось заглушить их, они будут звучать века. Юсуф видит, что в городе, где правит богач, машины разоряют и истребляют народ: здесь не машина для человека, а человек — придаток машины. Юсуф, его приятель Мохан и подруга мисс Сладкая Булочка наталкиваются на золотую стену. Чтобы стена росла, её поливают кровью...

Да, что ни говори, не очень-то весело в волшебной стране, и символика здесь какая-то мрачная... Но ребята полны веры в правду и счастье, решительно и отважно идут они вперёд, и самый страшный и свирепый их враг — Повелитель города змей будет посрамлён ими и уничтожен...

...Ещё недавно Люлю учился в школе. Высокий, худой, в спортивном свитере, он был грозой и предметом восхищения своих одноклассников. Он славился успехами в гимнастике и любовью к технике. Он мечтал о моторах, о путешествиях. Он ещё не знал спряжения, но уже мог без единой ошибки перечислить технические показатели различных марок автомобилей или рассказать о лётных качествах самолётов самой последней конструкции. Он хотел стать лётчиком. На худой конец — шофёром. А пока он мечтал лишь о велосипедном моторчике. Он твёрдо решил, что купит его из первой же полочки.

И вот настало время, когда кое-кому показалось, что мечты Люлю сбудутся. Мальчика взяли на работу в гараж. Значит, он делается механиком или шофёром. Купит из первой полочки велосипедный моторчик. Нет, этого не случилось. Планы Люлю не сбылись. Он сам с горькой иронией назвал их пустыми мечтаниями. Почему? В чём ошибался Люлю?

О его трудной судьбе говорится в рассказе «Первая полочка» Анри Басси, включённом в сборник «Стальной цветок» (Рассказы современных французских писателей. Детгиз, 1956). Хотя помещённые в сборнике произведения отличаются одно от другого и по манере письма, и по сюжетам, и по героям — есть в них нечто общее. Мысль и чувство, характерные для всего сборника, яснее всего выражены в рассказе Антуана де Сент-Экзюпери «Человек». Его герой, лётчик Гийоме, пронёс волю к жизни, борьбе и победе сквозь тяжчайшие испытания. Ни одно животное, даже самое толстокожее, не вынесло бы того, что выдержал Гийоме. Что же дало ему силы? Он понимал, отвечает автор, что «быть человеком — это значит быть ответственным за то новое, строящееся... к чему и он должен приложить свою руку... Быть человеком — это значит чувствовать стыд перед нищетой, которая, казалось бы, не зависит от тебя. Гордиться каждой победой, одержанной товарищами. Сознать, что, кладя свой кирпич, и ты помогаешь строить мир».

Конечно, четырнадцатилетний Люлю, в отличие от Гийоме, не совершил ещё ничего героического. Но в тот день, когда он отдал больной матери деньги, припасённые на моторчик, он сделал свой первый шаг к подвигу, он сдал первый экзамен на «ответственного» человека, в лучшем смысле этого слова...

«Жизнь наших ребят бывает не очень-то сладкой. Но в горниле этой

нелёгкой жизни они закаляют волю, мужают, обретают силы, чтобы выстроить лучший мир», — примерно так отвечают на вопрос, поставленный в заголовке нашей статьи, авторы сборника «Стальной цветок».

...А детский писатель из Аргентины Альваро Юнке добавляет приблизительно следующее: «Жизнь учит ребят дружбе, взаимной выручке...»

В самом деле, подружились бы, например, наши знакомые — Каролик из Вильковского и Тинко из Мэрцабах, герой книжки Кришана Чандра Юсуф и французский подросток Люлю, если б их свела жизнь? Нет сомнения. Правда, они непохожи, но это, пожалуй, не только не мешало бы им найти общий язык, но смогло бы оказаться полезным. Наблюдательный, склонный к раздумью Тинко охладил бы пыл легко увлекающегося Каролика; влияние непосредственного, по-мальчишески порывистого Юсуфа, возможно, смягчило бы суровость юного француза, раньше времени узнавшего горечь крушения иллюзий. Но вернёмся к сборнику рассказов Альваро Юнке под метким названием «Мужчины двенадцати лет» (Детгиз, 1956).

Разве надеялся Пончо, что этот жалкий визжащий комоч светлой шерсти — этот щенок, которого он подобрал где-то у пристани и окрестил своим именем, превратится в такого славного пса? Пончо утверждает даже, что его собака самая умная и сильная в мире. Возможно, что это не так. Но по соседству ей равных нет — это верно. И Пончо принимает как должное любовь и почтительное поклонение ребят своего квартала, считающего великой честью угостить пса конфетой или куском колбасы.

Впрочем, Пончо не злоупотреблял популярностью и мощными клыками своей собаки. Только раз он пустил в ход это оружие, когда наглый верзил попытался согнать с облюбованного им места на улице маленького итальянца Гайтана — чистильщика обуви. Хотя Гайтан был иностранцем и пока ещё не мог как следует объясняться на языке Пончо, мальчик из Буэнос-Айреса его защитил.

И Гайтан не остался в долгу...

Несчастье обрушилось на Пончо так же внезапно-негаданно, как привалила раньше удача. Тяжело заболела мать — единственный работник в семье. В доме стало совсем пусто — шаром покати. А надвигался чёрный день для бедняка — день, когда надо было платить за квартиру. И Пончо, стиснув зубы, пошёл продавать своего пса.

Читатель, конечно, уже догадался, как дальше развивались события. Пончо-пёс был продан. Пончо-маль-

чик внёс квартирную плату. А потом маленький Гайтан собрал по грошам деньги для выкупа четвероногого друга...

О трогательной дружбе Гайтана и Пончо мы прочитали в первом из четырнадцати рассказов книги Альваро Юнке. Тринадцать других — тоже о замечательной дружбе мальчишек. Её не выставляют на вид, не расписывают в речах. Но если приходит беда, друзья помогают устоять на ногах, как, рискуя потерять заработок, помог внуку садовника честный Клаудио, как помогли одноклассники маленькому Симону, повывив стекла в доме богатого адвоката, отказавшегося защищать несправедливо обвинённого мальчика.

Да, хорошая эта дружба мужчин двенадцати лет, искренняя, сдержанная и немногословная. И рассказано о ней так же сдержанно, немногословно в этой книге «отца аргентинской детской литературы», как называют Альваро Юнке в Латинской Америке...

...Пять книжек, упомянутых выше, — это лишь небольшая часть произведений зарубежной детской литературы, выпущенных в свет за последнее время. Так, мы ничего не сказали о сборнике сербского писателя Алекси Микича «Солнечный берег», хотя эта книжка тоже прямо отвечает на интересующий нас вопрос и знакомит советских ребят с жизнью и делами их югославских сверстников. А разве не заслуживает нашего внимания своеобразный палатовский роман для детей — «Яно» словацкого писателя Франи Краля? Или повесть венгерского писателя Ж. Тури «Дезочка из Франции»?

Среди других книг, выпущенных Детгизом в конце 1956 года и в этом году, особый интерес представляют произведения, вдохновлённые великим движением народов Востока за свободу и независимость. Тункова, в частности, повесть Фунга Куана «Побег с Пуло-Кондора» — о вьетнамском Освенциме, лагере, где умирали борцы Сопротивления, захваченные колонизаторами. Написанная по горячим следам событий, эта книга потрясает сердце читателя как бесхитростный рассказ очевидца... Далёкое прошлое Индонезии впервые в детской литературе открывает писатель Абдул Муис в повести «Сурапати». Её герой, подобно Спартаку, поднявший восстание рабов, надолго запомнится нашим ребятам.

До сих пор мы говорили о переводных книгах, предназначенных детям школьного возраста. Однако и самые маленькие читатели-дошкольники не обижены Детгизом. Им тоже можно теперь путешествовать по всему свету с книгой в руках. Правда, в это путешествие юный читатель

отправится на ковче-самолёте, и в поле его зрения крайне редко попадут взрослые люди с их сложным миром, полным забот и противоречий, но, учитывая возраст, нужно ли требовать большего? И разве сказка не говорит нам правду о народе, её создавшем? Кроме народных сказок — японских, китайских, сербских, словацких, вьетнамских в записи польского журналиста В. Журковского, кроме сборника «Волшебная чаша» (по мотивам сказок народов Индии), кроме неперменных спутников детства — сказок Шарля Перро, Гриммов, Андерсена, дошкольники получили за последнее время прекрасно иллюстрированную книгу английских народных песенок в пересказе С. Маршака; повесть-сказку польского писательницы Я. Броневской «Приключения тряпичной Бальбисы»; весёлые рассказы о проказливых щанках «Рекся и Пуцек» соотечественника Броневской — Я. Грабовского; полные юмора и метких наблюдений «Маленькие рассказы про маленького Пита» английской писательницы Л. Берги много других.

До конца года выйдет в свет немало новых переводов произведений зарубежных детских писателей. Среди них юные читатели найдут переиздания книг, которыми зачитывались в детстве их отцы, а может быть, деды и прадеды: «Пертскую красавицу» Вальтера Скотта и «Большие ожидания» Чарльза Дикенса, «Охотников за алмазами» Луи Буссенера и «Чёрную стрелу» Луи Стівенсона, «Коли царя Соломона» и «Прекрасную Маргерит» Р. Хаггарта, романы и повести Марка Твена и Александра Дюма, «Алису в стране чудес» Л. К. Эрrolла и «Трое в одной лодке» Джерома К. Джерома, сборник немецких баллад и древнейшей памятники индийской классической литературы «Хитопадшах».

На полках детских библиотек и на прилавках книжных магазинов мы увидим имена ещё не знакомых нам детских писателей Запада и Востока и ряд имён, известных по произведениям «взрослой литературы». Среди них — немецкий писатель Л. Ренн, польский — А. Фидлер, чешский — М. Крахавил, индийский — М. Р. Апанд, английский — Р. Пиллингтон, сирийский — М. Ханн, писатели Швеции, Италии, Австрии, Аргентины, Соединённых Штатов...

Всё это не может не радовать. В стране, где буквально «кот молодых ногтей» в человеке воспитывается уважение и дружеский интерес к традициям и культуре иноземных народов, книжка, служащая этой цели, — желанное и ценное подспорье учителю, родителям. Чем больше таких книжек, тем лучше будут знать друг друга, тем крепче будут дружить дети разных народов.

ВСТРЕЧИ НА ФЕСТИВАЛЯХ

Василий АРДАМАТСКИЙ

К I Пражскому Всемирному фестивалю молодёжи поэт Л. Ошанин и композитор А. Новиков написали песню о борьбе молодёжи мира за мир. Эту песню наш молодёжный хор ежедневно пел в залах и на площадях Праги. Песня имела успех, но никто тогда не знал, что этой песне предназначена большая и счастливая судьба. Через два года мы приехали на Второй фестиваль в Будапешт. Встречаем там на вокзале поезд с молодёжью Африки и Южной Америки. Поезд подходит к перрону, и из открытых окон всех вагонов льётся знакомая мелодия:

Песню дружбы запекает молодёжь...

Спустя несколько часов встречаем французов. Поезд, весь поезд поёт:

Эту песню не задушишь, не убьёшь...

Да, песня сразу завоевала сердце юности мира и стала её гимном. Почему же именно этой песне далась такая счастливая судьба?

На фестивале в Берлине мне пришлось беседовать с парнем из Африки. Его звали Идисей Дафе. Он был руководителем фестивального хора африканской молодёжи. Заговорили мы с ним о гимне. И вот что он рассказал:

— В наши далёкие края сперва прилетела мелодия. Без слов. Впрочем, не совсем без слов. Была известна одна фраза песни, что «эту песню не задушишь, не убьёшь». Кто к нам привёз эту фразу и как вообще узнали её наши ребята — неизвестно. Но мелодия прижилась мгновенно. И тогда мы на эту мелодию придумали свои слова. Сочиняя свой текст, мы рассуждали так: какую песню нельзя убить? Ту, которую поёт весь мир. А какую песню захотят петь все люди земли? Только ту, в которой речь будет идти о том, что дорого всем людям. А что дорого? Свобода, мир. Мир и свобода. Так у нас родился свой первый куплет песни:

Чёрные, белые, жёлтые.
Все жаждут свободы,
Свободы и счастья.
Нельзя убить песню,
Если песня утоляет эту жажду...

— А потом, — продолжал рассказывать Дафе, — после Будапештского фестиваля мы узнали весь подлинный текст песни. И знаете, что удивительно? Многие в нашем и в подлинном тексте совпадали. Не в словах, конечно, а по смыслу. Теперь мы уже поём ваш текст...

Песня — душа фестиваля. С утра до ночи не смолкали песни на праздниках юности.

Во все дни Варшавского фестиваля в Центральном парке была организована даже специальная «поляна

песен». Утром, днём и вечером сюда приходила молодёжь разных стран, ребята и девушки обменивались песнями. Происходило это так: поётся песня, все её слушают. Если песня нравится, просят спеть ещё и ещё раз, затем записывают текст песни и в заключение пробуют её петь все вместе. Потом все садятся в кружок на лужайке и начинается разговор. Обо всём на свете...

При одной такой беседе мне довелось присутствовать.

Сначала англичанин, оказавшийся моряком, рассказал, как однажды тонул в Бискайе.

— Хотите, я тоже расскажу страшное? — предложил сидевший рядом коричневолицый парень.

— Хотим! Хотим!

— Слушайте... Я из Судана. Меня зовут Ахмед Сулейман. Я расскажу, как у нас охотятся на змею-великана, которую наш народ называл Асала. Кожа этой змеи — драгоценность. Английские аристократы, — парень метнул лукавый взгляд на англичан, — готовы платить очень большие деньги за сумочку из кожи Асалы. Так вот... Охотник выслеживает нору Асалы. И когда она туда спрячется, охотник садится возле норы. Одну свою нсгу, обмазанную жиром, он протягивает к самой дыре. И так он сидит иногда часами. Сидит не шелохнётся. В руках — большой нож. Наконец Асала выпалась и отправляется на охоту. Она начинает выползать из норы и наталкивается на поставленную ногу. Асала раскрывает свою огромную пасть и начинает заглатывать ногу охотника. Он не шелохнётся. Ждёт. И когда Асала заглотнёт его ногу до колена, он быстро вводит свой большой нож в пасть змеи и вспарывает её на целый метр...

После этого суданец совершенно неожиданно добавил:

— Сто лет Англия была по отношению к Судану такой Асалой, пока мы не взяли в руки нож освободительной борьбы. А теперь — довольно...

Оказалось, совсем не зря вёл суданец рассказ о змее...

Моя фестивальная записная книжка хранит память о множестве встреч, событий, впечатлений. Вот некоторые из них.

В Варшаве на фестивале я познакомился с одним египтянином. Его звали Салехид. Был ему тогда 21 год. За всю свою жизнь он ни одной минуты ничему не учился. Двадцать лет безвыездно жил в одной деревне. За год до фестиваля ушёл в город на заработки, стал рабочим, и с тех пор началась его новая жизнь. Я беседовал с ним около двух часов. Мне хотелось, как можно больше узнать о нём самом, но я со свои-

ми вопросами буквально не мог прорваться сквозь поток вопросов, который он обрушил на меня. Двадцатилетнему парню вдруг и стремительно открылся весь сложный мир жизни. Оттого он так необычайно жаждет в охватившем всё его существо процессе познания. Жажда всё узнать горела в его больших чёрных глазах. Где и с чего начался социализм? Бывал ли Ленин на Среднем Востоке? А откуда он так хорошо знал, какая у нас жизнь? Кому достаётся прибыль при социализме? Почему русские не смеются над людьми чёрной кожи? Почему есть люди, которым не нравится социализм и даже борьба за мир?.. Вопросы сыпались один за другим, и, казалось, им не будет конца.

Там же, в Варшаве, мне приходилось беседовать и с ребятами, которые уже многое знали. И знали хорошо. Хочется привести один взволновавший меня эпизод. Он произошёл при встрече французской и вьетнамской молодёжи... В зал входит чуть опоздавшая Раймонда Дьен. При её появлении все вьетнамцы встали и запели гимн своего государства. Раймонда, растерянная и взволнованная, остановилась в дзерж. Когда вьетнамцы кончили петь, она подняла руки и говорит:

— Дорогие друзья! Ну зачем вы в мою честь поёте гимн? Я ведь даже не министр иностранных дел Франции.

Смех. Аплодисменты. К Раймонде подбегает совсем юный вьетнамский паренёк и громко, чтобы все слышали, кричит:

— Раймонда! Мы знаем, что ты не министр иностранных дел. Но на женевском протоколе о мире во Вьетнаме, на протоколе, подписанном министрами иностранных дел, мы видели и твою подпись!

Паренёк подмигивает Раймонде, и она прекрасно понимает, что его фраза иносказательна. Смеясь, она говорит:

— Ну, ты, может быть, и видел на том протоколе мою подпись, а министры не видели.

На это мгновенно следует замечательная реплика вьетнамца:

— Чепуха! Советский министр наверняка видел! А остальные только делали вид, что не видят! Смех. Оvation.

Сколько в этом, внезапно возникшем диалоге весёлого задора! И сколько в нём умения умно и остро думать о своей жизни и борьбе!

Всемирная федерация демократической молодёжи провела уже пять всемирных фестивалей. Прага — Будапешт — Берлин — Бухарест — Варшава — таков путь этих замечательных молодёжных праздников к VI Всемирному фестивалю в Москве. Каждый фестиваль был и боевым смотром сил борющейся за мир юности человечества и счастливым праздником сердечной дружбы.

...Мне вспоминается встреча в Варшаве советской и английской молодёжи. С любопытством я наблюдал сидевшего за столом английского юношу, о котором мне сказали, что он член далеко не демократической молодёжной организации Англии — его организация по отношению к Всемирной Федерации демократической молодёжи настроена враждебно. И вот он сидит за столом — настороженный, замкнутый, напряжённо вслушивающийся во всё, что происходит вокруг. Справа от него наш знаменитый тракторист-целинник Иван Рузский, слева — ленинградская студентка, участница молодёжного хора. И тракторист, и студентка пытаются, так могут, заговорить со своим соседом и не понимают, почему он такой необщительный. Провозглашаются тосты за мир, дружбу, за трудолюбивый английский народ. Советская студентка встаёт и по-английски читает стихи. За столиком царит непринуждённое веселье. И наш строгий наблюдатель подзывает пере-

ДЕТИ МИРА

Анатолий ЛЫСОВ

За кормой — морской волны удары,
Под крылом плывёт степная даль...
Молодость всего земного шара
Собралась в Москве на фестиваль.

До чего же радостные лица,
До чего приветливы слова:
Дружба не нуждается в границах —
Принимай своих гостей, Москва!..

Дети Дели, Рима и Каира
Принесли в своих сердцах привет.
И в столице мира
Дети мира
Говорят: войне дороги нет!

В памяти останется картина:
Флаги взмыли в синий небосвод,
Молодёжь Нью-Йорка и Пекина
По Москве в одном строю идёт...

Египтянин с юной англичанкой,
Чёрная алжирка и француз
Вместе вышли в город спозаранку...
Да, друзья, прекрасен их союз!

Песни, состязания и пляски:
Полька, чардаш, самба и кадрили...
Словно ты сейчас в какой-то сказке,
Но чудесней сказки эта была.

И земля как будто стала шире,
И слова её для всех близки:
— Будем жить в согласии и мире!
Миру — мир, родные земляки!..

водчика. С его помощью спрашивает у Ивана: кто он такой? Следует ответ: тракторист. А соседка? Студентка института имени Герцена. Коммунисты ли они? Нет, ещё не доросли, — смеётся Рузский.

— Спасибо, — смущённо произносит англичанин и отпускает переводчика, но через некоторое время снова подзывает его:

— Узнайте у моих соседей, почему они не спросили — кто я?

Студентка отвечает:

— А зачем нам спрашивать? Мы знаем, что он наш английский друг, и нам этого вполне достаточно. Мы предлагаем ему выпить за дружбу.

Все трое встали. Чокнулись. Выпили. Англичанин оглянулся, пододвинул свободный стул и усадил на него переводчика. И начался разговор. Минут через тридцать я видел, как этот англичанин вместе с нашими ребятами из молодёжного хора пел «Типерери». И на лице его не было и тени настороженности...

Молодые люди узнают жизнь друг друга, её национальные особенности, и каждая минута такой беседы — живое воплощение подлинного интернационализма.

В вечер закрытия Варшавского фестиваля я бродил по городу, наблюдая всегда немножко грустную картину расставания молодёжи. Я подходил на улицах к группам молодых людей, смотрел, как они обмениваются адресами и памятными подарками — сувенирами. И всюду, всюду слышал одну и ту же фразу:

— До свидания! До встречи в Москве!

Эта фраза звучала как пароль дружбы, как призыв крепить эту дружбу, как непоколебимая вера в то, что никакие силы не могут её нарушить.

ДОМАШНЯЯ ПРОСТОКВАША

* Кукольные театры созданы в г. Грозном при Дворцах культуры имени В. И. Ленина и имени С. М. Кирова, а также при клубе завода «Красный молот». Дворец культуры имени С. М. Кирова уже показал несколько спектаклей, в том числе «Снегуркину школу». Многие дети не только постоянные посетители, но и помощники театра: они шьют костюмы для кукол, лепят головки кукол, отрабатывают образы героев спектаклей.

* Педагогическая пропаганда хорошо организована в библиотеке рабочего клуба имени Ногина Ленинградской бумажной фабрики «Гознак». Библиотека установила тесную связь с 268-й школой. Педагоги выступают перед родителями с лекциями о режиме дня школьников, о воспитании у детей трудолюбия и др.

Под стеклом ярко оформленной витрины на тему «Семья и школа» разложены книги, журналы, брошюры, рекомендуемые для чтения родителям. На другом стенде под заголовком «Что читать родителям» собраны газетные и журнальные вырезки по отдельным вопросам воспитания детей, а также библиографические указатели. С помощью этих материалов каждый родитель, интересующийся, например, проблемой воспитания правдивости у детей, берёт карточку с перечнем изданий и планом чтения по данной теме и отбирает нужную литературу. По прочитанным книгам проводятся беседы.

* Стенгазета «Семья и школа» на чувашском языке три года издаётся в Больше-Яниковской средней школе (Урмарский район, Чувашской АССР). Выходит она в начале каждого месяца и пользуется большой популярностью среди учителей и родителей. Об этом говорят и результаты воздействия стенгазеты на читателей. Так, после статьи колхозника Е. М. Михайлова о том, как он со своими сыновьями выращивает плодовые деревья, многие колхозники вместе с детьми занялись садоводством. Помещаемые в каждом номере стенгазеты критические заметки и карикатуры содействуют искоренению отрицательных сторон быта и неправильного воспитания детей в семьях колхозников.

* Детский сектор рабочего клуба имени «Десятилетия Октября» в г. Лениногорске (Казахстан) работает уже свыше 13 лет. Здесь дети постоянно находят занятия по своему вкусу: юные артисты собираются на сцене; юные художники с бумагой и красками располагаются в просторном зале; фотолюбители уединяются в своих комнатах-лабораториях; юные техники строят авиамodelи и т. д. Коллектив художественной самодеятельности детского сектора успешно выступает с концертами в цехах завода и перед населением города. Многие школьники начинают заниматься в кружках детского сектора со второго класса, а по окончании школы продолжают долгие годы поддерживать связь с клубом. Немало воспитанников клуба стали руководителями коллективов самодеятельности на ряде предприятий и учреждений города и области. Родители с признательностью отзываются о плодотворной деятельности детского сектора клуба, в частности о бесценной руководителнице художественной самодеятельности детей, энтузиастке своего дела Зинаиде Петровне Павской.

Многие любят простоквашу. Существует немало способов её приготовления, известных хозяйкам. В качестве закваски часто применяют сметану, корочку чёрного хлеба, а то и просто ставят молоко в тёплое место, ожидая, пока оно само начнёт скисать.

Чтобы быстро, без хлопот приготовить вкусную простоквашу, следует пользоваться для закваски молока специальными таблетками. Они изготавливаются лабораторией заквасок Всесоюзного научно-исследовательского института молочной промышленности и продаются в аптеках. В пробирке находится 10 таблеток, каждая из которых содержит до 150 миллионов микроскопических молочнокислых бактерий, способных вырабатывать молочную кислоту. Эта кислота и уменьшает развитие гнилостных бактерий, скапливающихся в кишечнике.

Для приготовления простокваши нужно брать только свежее молоко. Вскипятив и охладив до 50° пол-литра молока, его выливают в чистую стеклянную банку или молочную бутылку, предварительно обмытую крутым кипятком. В посуду с молоком опускают одну таблетку закваски, после чего посуду закрывают чистой бумагой и ставят в тёплое место.

Спустя 1½—2 часа молоко хорошо перемешивают и оставляют при той же температуре до образования сгустка, на что требуется 16—18 часов. Затем простоквашу охлаждают до 8—10° и хранят при этой температуре.

Готовая простокваша, в свою очередь, может быть использована в качестве закваски: одну чайную ложку на стакан вскипячённого и охлаждённого до 50° молока. В этом случае процесс убыстряется: заквашенное и хорошо перемешанное молоко при комнатной температуре за 10—12 часов превращается в плотную простоквашу.

Заквашивание простоквашей можно производить в течение 5—7 дней. Затем снова применяют таблетки. Следовательно, одной пробирки достаточно, чтобы в течение 50—60 дней иметь простоквашу.

При помощи таблеток можно готовить не только обыкновенную, но и мечниковскую и ацидофильную простоквашу, а также ацидофильное молоко и кефир — очень полезный и приятно освежающий напиток, рекомендуемый врачами для восстановления сил, при малокровии, при болезнях желудочно-кишечного тракта и других заболеваниях.

Пробирки с таблетками следует хранить в сухом, тёмном и прохладном месте.

Проходит Вова обучение
На мелководной речке.
Он смело борется с течением,
Плывёт волне навстречу.
Спросить, однако, вправе каждый:
А кто же самый здесь отважный?
Ретивый молодой пловец?
Или мамаша и отец,
Желая сына научить,
Как плыть — и ног не замочить?

**ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ
ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР**

**ГЛАВКНИГОТОРГ МИНИСТЕРСТВА
КУЛЬТУРЫ СССР**

Открыта подписка на собрание педагогических сочинений Н. К. Крупской в десяти томах. Цена всего издания 140 р. по 14 р. за том.

Подписка принимается книжными магазинами книготоргов.

Содержание

Праздник молодости, мира и дружбы Мы обсуждаем. Выступления В. Пановой, А. Маевской, М. Ионовой, С. Стояна, Д. Уоллеса, К. Зотманна, Л. Ашкенази	1 2
Д. Полторак — Далёкие и близкие друзья	7
Д. Соболев — Глазами детей	8
Макс Поляновский — Дядя Джордж, тётя Маруся и их дети	9
Б. Голант — Выдающийся чешский педагог-гуманист	11
Георгий Савченко — В селе Анисово	12
Е. Мельникова — В маленьком доме	14
Н. Ляшко — Доклад дедушки Евлампия Григорьевича	16
Мишки Лошак — Обо мне самой и многих других	18
Г. Максимов — Наши гости	22
Николай Тихонов — Из рассказов о Пакистане	24
Владимир Лазарев — Стихи	26
Г. Дорф-Шустер — Английский клуб в школе	27
Б. Сировский — Фестиваль встретим дружной семьёй	28
Африканские сказки	29
Мария Джакоббе — Кормилица	30
Письма читателей: С. Монжаренко, А. Кузнецова, А. Ульяновой, П. Литвин	32
Гюнтер и Иоганна Браун — Полночники	34
В. Самохин — Путешествия наших дней	36
А. Аникин — Ребята мечтают	39
З. Боград — Июльские дни 1917 года	40
Г. Еленский — Международные спортивные игры молодёжи	41
М. Безбородова — Праздник юных челябинцев	—
В. Острогорский — Что делают дети на свете?	42
Василий Ардаматский — Встречи на фестивалях	45
Анатолий Лысов — Дети мира	46
Полезные начинания, ценный опыт, предложения	47
Советы хозяйкам	—
А. Баженов — Урок плавания	48

Первая и четвёртая страницы обложки — рисунок Ю. Владимировича.

Присланные в редакцию рукописи авторам не возвращаются.

Редакционная коллегия: Н. В. Владимиров (редактор), М. И. Езтеева, Н. С. Лукин, А. Д. Сергеева, О. Э. Чкалова, Л. А. Шнайдер (заместитель редактора)

Адрес: Москва, Г-117, Погодинская улица, дом № 8, редакция журнала «Семья и школа».

Телефон редакции Г 5-03-73

Художественно-технический редактор Т. Н. Мухина

Сдано в производство 10/V 1957 г.

Бумага 84 × 108¹/₁₆
Тираж 300 000

1,50 + 0,13 наклейка бум. л. 4,92 п. л. — 0,41 наклейка
Цена 2 р. 50 к.

Уч.-изд. л. 7,65
А 05468.

Подписано к печати 7/VI 1957 г.

Зн. в п. л. 45 000
Заказ 1519

Министерство культуры СССР. Главное управление полиграфической промышленности.

Текст набран и отпечатан в 13-й типографии, Москва, Гариновский пер., 1а.

Обложка и вкладка к журналу отпечатаны в 1-й Образцовой типографии имени Жданова, Москва, Баловая, 22.

МАРШ САМЫХ МОЛОДЫХ

Музыка Г. Шишкова

Слова Юр. Данцигера

На фестивальной встрече молодёжи
Сыны всех наций будут выступать.
Но вот вопрос: кто будет всех моложе?
Конечно, мы!.. Чего там толковать!

Припев:

Шагай смелей весёлым чётким мар-шем
И с песней звонкой, юный пионер.
Расскажем братьям, сестрам
нашим старшим, } 2 раза
Какие малыши в СССР!

На Стадионе и в Центральном парке
Гостей мы встретим наших дорогих.

Но кто им первый поднесёт подарки?
Конечно, мы!.. И мы поздравим их!

Припев.

Китайцы, венгры, немцы, итальянцы,
Поляки, чехи — все придут к нам!
Но вот вопрос: поймут нас иностранцы?
Поймут!.. И потолкуем по душам!

Припев.

И нас поймёт вся молодёжь на свете,
Хоть свой родной язык у всех ребят.
А наши песни?.. Слушай песни эти!
Они о мире — миру говорят.

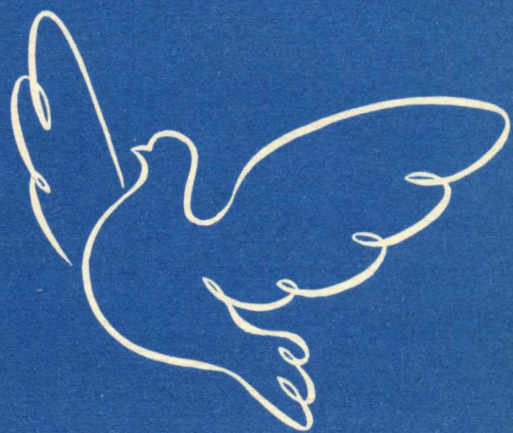
Припев.

Бодро *mf*

1. На фести-
_валь_ной встре-че мо_ло_де_жи, сы_ны всех на_ций бу_дут выс-ту-
_пать. Но вот воп-рос, — кто бу-дет всех мо_ло_же?.. Ко_неч_но
мы!.. Че_го там тол_ко_вать! Ша_гай сме_лей ве_
Припев с твердостью *f*
Ша_гай сме_лей ве_
sf *rit.* *sf* *mf*

mf
_се_амч_ет_ким мар_шем, и спес_ней звонко ю_ный пи_онер! Рас_ска_жем
брат_ям, сес_трам на_шим стар_шим, ка_кни_е ма_лы_ши в С С С
Р. Рас_ска_жем брат_ям, сес_трам на_шим стар_шим, ка_кни_е
Для повторения *mf* Для окончания *f*
ма_лы_ши в С С С Р. 2. На ста_ди_не // Р.
mf *mp* *f*

Цена 2 р. 50 к.

БОЕСТУВАЛЪ